

Альбина Ролли

**ОБРАЗНЫЕ СРАВНЕНИЯ
В РУССКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ:
К ВОПРОСУ О МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ
СООТВЕТСТВИЯХ**

АННОТАЦИЯ

Альбина Ролли: Образные сравнения в русском и финском языке: к вопросу о межъязыковых соответствиях

Магистерская работа

Университет Тампере

Магистерская программа по многоязычной коммуникации и переводоведению

Август 2024

В данном исследовании рассматриваются вопросы межъязыковой передачи свободных (индивидуально-авторских) и устойчивых образных сравнений в переводах текстов художественных произведений в языковой паре финский – русский. Художественный перевод всегда предполагает решение сложных задач и требует от переводчика не только высокой профессиональной квалификации, широкого кругозора и эрудированности, но и нестандартного мышления, смелых решений, а также реализации собственного творческого потенциала.

Цель данного исследования заключается в выявлении наиболее распространенных переводческих стратегий, применяемых для передачи образных сравнений в текстах художественных произведений, и определении характера трудностей, возникающих при этом.

В теоретической части работы обсуждаются структурные и типологические особенности сравнительных конструкций в рассматриваемых языках, освещаются основные переводческие приемы и стратегии. Особое внимание уделено вопросу соотношения образного сравнения и метафоры, а также проблеме перевода метафорических выражений в рамках традиционного (лингвистического) и когнитивно-семантического подходов.

В качестве материала исследования были использованы примеры контекстов, содержащих свободные и устойчивые сравнения из параллельного русско-финского корпуса художественных текстов «ПарРус» и параллельного финско-русского корпуса «ПарФин». Анализ отобранных примеров употребления образных сравнений проводился с опорой на классификацию локальных переводческих стратегий Э. Честермана и разработанную нами сводную классификацию способов перевода идиоматических выражений, основанную на традиционно выделяемых в научной литературе типах межъязыковых фразеологических соответствий.

На основании результатов проведенного исследования мы пришли к выводу, что перевод свободных образных сравнений на рассматриваемые языки не вызвал серьезных затруднений у переводчиков. Напротив, передача устойчивых компаративных выражений с русского языка на финский нередко осуществлялась посредством буквального перевода, что могло быть связано с традиционной проблемой распознавания фразеологических единиц в исходном тексте. Кроме того, в ряде случаев даже идиоматичный перевод устойчивых сравнений сопровождался неверной интерпретацией или искажением смысла выражения.

Ключевые слова: образное сравнение, метафора, фразеологизм, художественный текст, стратегии перевода, корпусная лингвистика.

Оригинальность исследования проверена с помощью программы Turnitin OriginalityCheck.

TIIVISTELMÄ

Albina Rolli: Vertaukset kaunokirjallisten teosten suomennoksissa ja venäjännöksissä:
käännösongelmat ja -ratkaisut

Pro gradu -tutkielma

Tampereen yliopisto

Monikielisen viestinnän ja käännöstieteen maisteriohjelma, englannin/saksan/venäjän kääntämisen ja tulkkauksen opintosuunta

Elokuu 2024

Tässä tutkimuksessa tarkastelen kaunokirjallisuudessa esiintyvien vertauksien (eng. *simile*) ja vertausta sisältävien fraseemien käännösmenetelmiä kieliparissa suomi – venäjä.

Kaunokirjallisen tekstin kääntäminen edellyttää kääntäjältä korkeaa kieli- ja kulttuurikompetenssia, monipuolista kirjallista osaamista ja lahjakkuutta, hyvää yleistietoa ja luovuutta. Erityisesti kääntäjän ratkaisut ja strategian valinta vaikuttavat onnistuneeseen lopputulokseen.

Tutkimuksen tavoitteena on tutkia yleisimpiä käännösstrategioita, joita käytetään kaunokirjallisissa teksteissä vertausten ja vertausfraseemien välittämiseen, ja selvittää, millaisia vaikeuksia tässä yhteydessä esiintyy.

Tutkimuksen teoriaosassa käyn läpi vertausten rakenteellisia ja semanttisia erikoispiirteitä ja esittelen globaalisia ja paikallisia käännösstrategioita. Erillisessä kohdassa käsittelen tutkimuskirjallisuudessa esiintyviä näkemyksiä vertauksen suhteeseen metaforaan perinteisen ja kognitiivisen lähestymistavan kautta.

Tutkimusaineisto on kerätty Tampereen yliopiston käännöstieteen laitoksella kootuista kaunokirjallisten tekstien rinnakkaiskorpuksista ParRus ja ParFin, jotka sisältävät venäläisen ja suomalaisen kaunokirjallisuuden klassikko- ja nykyajan teoksia sekä niiden käännöksiä. Analyysissa käytän Andrew Chestermanin paikallisten käännösstrategioiden luokitusta sekä kehittämäni fraseemien käännösratkaisujen yhteisluokitusta.

Tutkimuksen tulokset osoittavat, että suurin osa alkuperäisissä teksteissä esiintyvistä vertauksista käännettiin samaan kuvaan perustuvaksi kohdekieliseksi vertaukseksi. Toiseksi yleisin käännösstrategia molemmissa kielisunnissa oli vertauksen kääntäminen selittäväällä normaali-ilmauksella tai poisto. Vertauksen korvaaminen metaforalla tai fraseemilla osoittautuu aineistossani harvinaiseksi. Fraseologisten ilmausten osalta kääntäminen näytti hankalammalta ja käännösvirheiden osuus suomennoksissa oli melko suuri. Käännösvirheiden taustalla oli pääasiallisesti kahdenlaisia haasteita: fraseemien tunnistaminen lähdetekstissä sekä niiden päämerkityksen ymmärtäminen. Mainittujen haasteiden seurauksena esiintyvät idiomien sananmukaisia käännöksiä sekä idiomaattisten ilmausten alkuperäisen merkityksen muutos tai väänös.

Avainsanat: vertaus, metafora, fraseologia, käännösstrategia, kaunokirjallisuus, korpus

Tämän julkaisun alkuperäisyys on tarkastettu Turnitin Originality Check -ohjelmalla.

СОДЕРЖАНИЕ

1 ВВЕДЕНИЕ	1
1.1 Предмет, цели и задачи исследования	1
1.2 Материал, методика исследования и структура работы	2
2 СТРУКТУРНЫЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНЕНИЙ В РУССКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ.....	5
2.1 Функции, структура и способы выражения сравнения в русском языке	5
2.2 Способы выражения и структура сравнения в финском языке	9
2.3 Устойчивые сравнения в русском и финском языке	13
2.4 Сравнение и метафора	18
3 ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРИЧЕСКИХ И ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ.....	25
3.1 Макростратегии перевода	25
3.2 Основные подходы к переводу метафорических выражений	27
3.3 Способы перевода идиоматических выражений	32
4 ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ	39
4.1 Электронные корпуса текстов в переводоведческих исследованиях	39
4.2 Материал и методика исследования	40
5 СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ, ВСТРЕТИВШИХСЯ В КОНТЕКСТАХ ФИНСКО-РУССКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ «ПАРФИН»	45
5.1 Сравнительная конструкция с союзом <i>kuin</i>	46
5.2 Примеры с использованием лексем компаративной семантики: наречиями <i>lailla</i> и <i>tavoin</i> и прилагательным <i>kaltainen</i>	76

6 СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ, ВСТРЕТИВШИХСЯ В КОНТЕКСТАХ РУССКО-ФИНСКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ «ПАРРУС».....	86
6.1 Образные сравнения, выраженные конструкцией с союзом <i>как</i>	86
6.2 Образные сравнения, выраженные конструкциями с союзами <i>точно</i> и <i>будто</i>	107
7 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	113
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	119
SUOMENKIELINEN LYHENNELMÄ.....	I

1 ВВЕДЕНИЕ

1.1 Предмет, цели и задачи исследования

Предметом настоящего исследования является изучение существующих подходов к переводу образных сравнений, представленных в текстах художественных произведений. Образное сравнение является достаточно распространенным приемом в литературе: оно используется для усиления экспрессивно-эмоционального воздействия на читателя, раскрытия образа, «оживления» изображения или передачи портретных и речевых характеристик персонажей. Любое введенное в текст произведения сравнение – свободное, устойчивое или окказиональное (в особенности) – является воплощением художественного и эстетического замысла автора, продуманным и ненапрасным штрихом в создаваемом им образном мире. При переводе художественного текста на другой язык как правило стремятся передать не только его содержание, но и воспроизвести стилистические особенности произведения и специфику художественного языка с присущими ему средствами выразительности. Однако встречаются случаи, когда использование приема калькирования для передачи образного выражения или его буквальный перевод являются не лучшим решением или их применение оказывается вообще невозможным. Вот почему изучение особенностей перевода образных сравнений и возникающих в связи с этим трудностей заслуживает отдельного внимания.

Кроме того, знание различных подходов к переводу тропов и умение их использовать, принимая во внимание лексико-семантическое окружение и прагматические условия, является важной составляющей языковой компетенции любого переводчика и в особенности специализирующегося на переводе художественной литературы. В связи с этим данное исследование, направленное на изучение вопроса перевода образных сравнений в языковой паре русский – финский и проведенное на аутентичном текстовом материале, может представлять практическую значимость.

Цель данного исследования заключается в изучении особенностей перевода свободных (индивидуальных или творческих) и устойчивых образных сравнений с русского языка на финский и с финский языка на русский на примерах из контекстов параллельных корпусов художественных текстов. В соответствии с поставленной целью были определены следующие задачи:

1. рассмотреть способы выражения сравнений в русском и финском языке;
2. изучить основные подходы к переводу свободных и устойчивых образных сравнений;
3. провести структурно-семантический анализ выявленных в языковом материале образных сравнений и их переводных соответствий и,
4. основываясь на результатах анализа, выявить наиболее распространенные переводческие приемы и стратегии, применяемые для передачи сравнений в текстах художественных произведений, и определить характер трудностей, возникающих при этом.

Согласно нашей гипотезе, основанной на предварительном анализе исследовательского материала и личных наблюдениях при чтении переводной литературы на финском языке, следует ожидать, что среди способов перевода образных сравнений при их передаче с русского языка на финский будет доминировать подход, предусматривающий полное сохранение лексико-семантической структуры исходного сравнения в тексте перевода, или прием калькирования. Тогда как при переводе с финского языка на русский, помимо использования полных лексико-семантических и (реже) структурных эквивалентов, в тексте перевода будут в значительной степени представлены и другие способы перевода.

1.2 Материал, методика исследования и структура работы

В качестве исследовательского материала были использованы контексты из двух параллельных корпусов художественных текстов «ПарРус» и «ПарФин», составленных М. Н. Михайловым и Ю. Хярме при участии магистрантов программы по многоязычной коммуникации и переводоведению (Moviko) в университете Тампере. Корпусы включают произведения русской и финской классической и современной прозы, написанные разными авторами в 19-21 вв., и их переводы (Härme & Mikhailov, 2016).

В ходе исследования в результате выборочного поиска в корпусах было найдено более 2000 примеров употребления образных сравнений, включая устойчивые, и их переводные соответствия.

При изучении оригинальных и переводных контекстов применялись методы сопоставительного и семантического анализа, которые позволили выявить компоненты

и лексико-семантические различия между исходными и переводными единицами, оценить информационные потери и квалифицировать характер возникающих при переводе трудностей. Для наглядного представления результатов исследования и выявления соотношения разных способов перевода образных сравнений использовалась дескриптивная статистика, то есть количественный подсчет случаев использования той или иной переводческой стратегии.

На первом этапе работы осуществлялось получение корпуса примеров из двух параллельных корпусов. Результаты отбора были собраны в электронную таблицу формата Excel, в которую в ходе анализа записывалась информация, касающаяся способов перевода сравнений, структурных и лексико-семантических переводческих трансформаций, а также допущенные при переводе семантические ошибки. На последнем этапе работы был проведен количественный подсчет выделенных случаев и оформление результатов исследования в форме таблиц и круговых диаграмм.

В соответствии с поставленными задачами структурно работа была построена следующим образом: помимо введения, в котором кратко описаны методы и эмпирический материал, работа включает две теоретические, три практические главы и заключение.

Во второй главе дается краткий обзор структурных особенностей и типологии сравнительных конструкций в русском и финском языках, рассматривается специфика устойчивых сравнений и приводятся существующие в современной лингвистике подходы к сущности сравнения и метафоры.

В третьей главе, посвященной вопросам перевода свободных и устойчивых сравнений, обсуждаются распространенные приемы перевода тропов и фразеологических оборотов. Отдельное внимание уделено проблеме переводческой эквивалентности.

В четвертой главе подробно описываются источники и метод исследования. В пятой и шестой главах стратегии и приемы перевода сравнений исследуются на примерах из контекстов параллельных корпусов художественных текстов «ПарФин» и «ПарРус». В ходе анализа основное внимание было сосредоточено на семантико-прагматическом аспекте вопроса, однако описываются также компонентные и структурные различия исходных и переводных контекстов. Отдельно рассматриваются случаи неэквивалентного перевода, а также приводится количественное соотношение использованных переводчиками решений.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования, выделяются наиболее употребимые приемы перевода образных сравнений в художественных произведениях, делаются выводы о причинах, приведших к семантическим ошибкам в переводе, а также проверяется выдвинутая во введении гипотеза.

В проводимом нами исследовании принимал участие информант Янне Саарела (носитель финского языка, не владеющий русским языком), к помощи которого мы прибегали при оценке качества перевода образных сравнений и идиоматических выражений. Мы хотим выразить Янне большую благодарность за помощь и вклад в проведение данного исследования.

2 СТРУКТУРНЫЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНЕНИЙ В РУССКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1 Функции, структура и способы выражения сравнения в русском языке

Сравнение, как яркое средство языковой экспрессии, относится к наиболее распространённым средствам художественной выразительности. Сравнение является не только методом восприятия окружающей действительности, но и оригинальным способом ее оценки. Именно такие характеристики сравнения, как образность и яркость, позволяют предпочесть емкое и точное сравнение длинному и расплывчатому описанию (Мокиенко 2016, 37). Эти свойства обуславливают широкое употребление сравнений в качестве приёма художественной речи.

Согласно определению, данному в Литературном энциклопедическом словаре под редакцией В. М. Кожевникова и П. А. Николаева (далее – ЛЭС), сравнением называют образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку с целью выявить в объекте сравнения новые, важные свойства (ЛЭС, s. v. сравнение). Ценность сравнения как акта художественного познания в том, что сближение разных предметов помогает раскрыть в объекте сравнения, кроме основного признака, также ряд дополнительных признаков, что значительно обогащает художественное впечатление (там же).

В литературном произведении сравнение чаще всего используется для портретной и речевой характеристики персонажа, описания пейзажа или психологических состояний героев. Сравнению также присущ **набор постоянных функций**, которые оно выполняет всегда, независимо от художественных задач конкретного произведения и индивидуальной писательской манеры: посредством оценочно-характеристической функции проявляется авторская модальность, через субъективно-познавательную функцию в сравнении находит отражение точка зрения персонажа, функция конкретизации связана с описанием при помощи сравнений психологических и эмоциональных состояний, движений, жестов, а описательно-изобразительная функция

связана с созданием при помощи сравнений пейзажных зарисовок и иных описаний (Камышова 2006, 12).

В основе сравнительной конструкции выделяют **три основных компонента**, которые у разных исследователей получили разные названия. В. М. Огольцев определяет эти компоненты следующим образом: субъект сравнения – то, что сравнивается, объект сравнения (образ) – то, с чем сравнивается и признак или основание сравнения – то, что является общим свойством у субъекта и объекта и служит предметом сравнения между ними (Огольцев 2010) (цит. по: Ковшова 2016, 50). Кроме того, отдельно выделяется связующий элемент (показатель сравнения, оператор или маркер), представляющий из себя грамматическое средство выражения уподобления (союз, частица или предлог) – см. Схему 1.

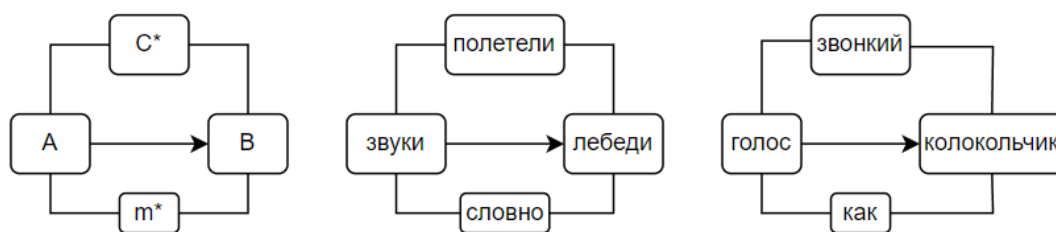

Схема 1. Структура сравнительной конструкции

где А – субъект сравнения, В – объект сравнения, С – основание (признак) сравнения и m – показатель (маркер) сравнения.

Астериском * отмечены факультативные элементы. Стрелка указывает направление уподобления.

Сравнения, где имеются в наличии основание сравнения (С) и маркер (m), в лингвистике принято называть эксплицитными (например, *столы были покрыты белыми(С) как(т) снег(В) скатертями(А)*), а сравнения, где опущены (формально не выражены, но подразумеваются) основание сравнения и/или маркер, называют имплицитными (например, *дорога(А) как змея(В)*) (Крылова 2003, 39).

Разнообразие способов выражения сравнений в языке и выполняемых ими функций в тексте обусловило появление различных классификаций сравнений. Существует традиционное деление сравнений на **образные** (стилистические) и **безобразные** (логические). Хотя в художественных текстах широко встречаются и те и другие, внимание в данной работе сфокусировано именно на образных сравнениях, поэтому стоит выделить их специфические черты.

В отличие от логического сравнения, в котором происходит сопоставление понятий, принадлежащих одному онтологическому классу на основе существенного признака, в

образном сравнении соотносятся предметы разнородные, а общий признак может не принадлежать к числу сущностных признаков сравниваемых объектов (Девятова 2008, 102):

Примеры логических сравнений

Преображенный нарвался на этой операции как третьекурсник (Булгаков М. А., Собачье сердце)

Была она тоже крупна, хороша собой, но сидела, как монашенка, опустив черные ресницы (Бакланов Г., Навеки девятнадцатилетние)

Я, – говорит, – чаю без сахара не пивал, не буду, как дезертир, в чужой бане мыться. (Белов В., Привычное дело)

Примеры образных сравнений

<...> ребята сидели на ящиках и смотрели на меня, как волки-новички в зоопарке (Аксенов В. П., Звездный билет)

Опять затрещали аплодисменты – как хворост в большом костре. (Дудинцев В., Белые одежды)

Костел был огромен. Он врезался в небо, колючий и острый, как рыбья кость. (Ильф И., Петров Е., Золотой теленок)

Как отмечает В. М. Огольцев, в образном сравнении изначально заданными элементами являются субъект (А) и его признак — основание сравнения (С), а искомым элементом – объект (В), то есть понятие иного рода, но обладающее тем же признаком (С), что и субъект сравнения: именно в выборе такого понятия и проявляется творческий акт (цит. по: Камышова 2006, 9).

При этом степень образности сравнения будет зависеть от характера сопоставляемых объектов и их места на онтологической шкале, представленной предметными именами, зоонимами, антропонимами, абстрактными существительными: чем дальше отстоят друг от друга существительные на шкале образности, тем выше образность сравнительной конструкции (Девятова 2010, 57).

Среди прочих средств выразительности сравнение выделяется разнообразием структурного оформления, что в свою очередь определяет масштабность его изобразительных возможностей. Различные способы грамматического оформления сравнений в русском языке представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Грамматические способы выражения сравнений в русском языке¹

№ п/п	Структурные модели сравнений	Примеры употребления
1	Конструкции со сравнительной степенью прилагательного или наречия	Анна Моисеевна, так звали Левину жену, была <u>старше</u> его <u>на пять лет</u> <...> (А. Рыбаков). Но я один. Нет в мире <u>бесприютней</u> . (И. Бунин)
2	Конструкции со сравнительной степенью и показателями <i>чем</i> и <i>нежели</i>	В мире столько вещей <u>более важных, чем уязвленное самолюбие</u> , ревность или несчастная любовь! (Б. Акунин). Он служит поэту примером в <u>большей еще степени, нежели натурой и моделью</u> . (Б. Пастернак)
3	Сочетание сравнительной степени прилагательного или наречия с существительным в родительном падеже	Стан его гибок и тонок, <u>руки белей бересты</u> . (С. Есенин) <u>Лучше собаки друга</u> вы не найдете. (А. Грин)
4	Конструкции со сравнительными союзами <i>как</i> , <i>как будто</i> , <i>будто</i> , <i>словно</i> , <i>точно</i> и др.	<u>Как чайка, парус там белеет</u> в высоте. (А. Фет) Железо в сердце, словно осколок. (В. Гроссман)
5	Конструкции со сравнительными частицами <i>словно (бы)</i> , <i>будто (бы)</i> , <i>как будто (бы)</i>	<u>Года далекие, теперь вы как в тумане</u> . (С. Есенин) <u>Он стал как бы связным лицом</u> между математиками, физиками и биологами. (Д. Гранин)
6	Конструкции со сравнительными предлогами <i>вроде</i> , <i>типа</i> , <i>наподобие</i>	<u>И снег ложится вроде пятачков</u> . (С. Есенин) <...> этот <u>гомон</u> , всегда игравший в глубине летнего дня, теперь <u>звучал вроде дальних оваций</u> . (В. Шевченко)
7	Сравнения, выраженные именами существительным в творительном падеже	<u>Соловьем залетным юность пролетела</u> (А. Кольцов) В зрачках его глаз <u>яркими, острыми точками</u> отражался <u>лунный свет</u> (А. Куприн)
8	Сравнительные конструкции, вводимые в структуру предложения глаголами <i>напоминать</i> , <i>казаться</i> , <i>походить</i> , <i>являться</i> , <i>уподобляться</i>	<u>Он напоминал</u> какую-то очень старую, всеми забытую <u>картину</u> <...> (А. Фадеев) В этот раз мой <u>учитель</u> был в своей парадной крылатке с рукавами, в которой он, в особенности сзади, очень <u>походил на ветряную мельницу</u> (А. Чехов)
9	Сравнения в форме сложных прилагательных, содержащих в первой части слова объект сравнения, а во второй – элементы с семантикой уподобления <i>-видный</i> , <i>-подобный</i> , <i>-образный</i> и др.	Тополь льется, серебрится, весь трепещет и струится <u>стекловидною водой</u> . (И. Бунин) В золотой чаше нагло зиял <u>воронкообразный пуп</u> . (В. Дудинцев)
10	Сравнения при помощи сочетания прилагательного <i>похож</i> с предлогом <i>на</i>	<...> смотрю на <u>кусочек неба, похожий на железнодорожный билет</u> , пробитый звездным компостером. (В. Аксенов)
11	Сравнения, представленные наречиями с приставкой <i>по-</i> и без этой приставки.	Затопилась первая печь, <u>по-лесному</u> остро запахло горячей берестой. (А. Белов)

¹ Структурные модели сравнений и примеры их употребления приведены по материалам работы Б. В. Томашевского (Томашевский 1983, 204-216), статей М. Н. Крыловой (Крылова 2013, 3-12), А. Б. Летучего (Летучий 2017, 132-205) и М. М. Паршуковой (Паршукова 2016, 138-148). Часть примеров была отобрана из контекстов параллельного корпуса художественных текстов «ПарРус».

№ п/п	Структурные модели сравнений	Примеры употребления
12	Сравнения, выраженные с помощью лексических средств	Его круглые <u>глаза цвета стоячего болота</u> приблизились к моим (Д. Донцова) Темные <u>бакенбарды</u> приятно осеняли его с обеих сторон, <u>в виде двух коглет</u> <...> (Ф. Достоевский)
13	Сравнения в форме приложения	<u>Осень – рыжая кобыла</u> – чешет гриву (С. Есенин)
14	Конструкции, включающие указательные слова (местоимение <i>такой</i> в различных формах и наречие <i>так</i> , которые часто сочетаются с усилительной частицей <i>же</i>)	Я все <u>такой же</u> . Сердцем я все <u>такой же</u> . (С. Есенин)
15	Отрицательные сравнения, построенные по типу <i>не — а</i> (или <i>а не</i>)	<u>Не тростник</u> высок колыхается, <u>не дубравушки</u> шумят, <u>молодецкий посвист</u> слышится, под ногой <u>сучки трещат</u> (Н. Некрасов) Проклятое <u>дупло</u> это, <u>а не дом</u> . (В. Аксенов)
16	Генетивные сравнения (гибридная форма сравнения и метафоры)	На фоне серых, как старые простыни, туч виднелся <u>белый цветок парашюта</u> (Д. Казаков) Над домами откуда ни возьмись повывлезли <u>елочные шары куполов</u> (Б. Акунин)

В художественном тексте структура сравнений часто усложняется, а элементы сравнения могут получить разное развитие даже в эксплицитных вариантах. В одних случаях, и субъект и объект (образ) кратки и лаконичны (*улыбка нежная как весна*), в других – субъект представляется более широко, а объект дается кратко (*темные с золотистыми крапинками, полные гнева глаза сверкали как огонь*). Или, наоборот, субъект сравнения едва намечен, а обличенный в форму определения объект достаточно развит (*Что дружба? Легкий пыл похмелья, обиды вольный разговор...*А. Пушкин) (Томашевский 1983, 208).

Компоненты сравнения могут располагаться как в прямом порядке, когда субъект сравнения предшествует объекту (*виденье легкое как сон*), так и в обратном, инверсионном порядке (*легкое как сон виденье*), при этом обратный порядок следования субъекта и объекта чаще всего является смысловым акцентом в текстовом фрагменте (Камышова 2006, 12).

Теперь обратимся к способам выражения сравнения в финском языке.

2.2 Способы выражения и структура сравнения в финском языке

Согласно определению, данному Матти Кууси, под сравнением (*vertaus*) в финском языке в широком смысле можно понимать разные языковые явления от образно используемых слов (*aasi, sika, pyhimys*) и атрибутивных словосочетаний (*kova pala*

purtavaksi) до рассказов в иносказательной форме, то есть притч (Kuusi 1960, V). Примечательно, что изложенные в Евангелиях от Матфея, Марка, Луки и Иоанна назидательные рассказы Иисуса Христа, раскрывающие важные духовные истины через сравнение с событиями и явлениями повседневной жизни, получили в финском языке наименование *vertaukset*.

В электронной версии словаря *Kielitoimiston sanakirja* Института исконных языков Финляндии (фин. *Kotimaisten kielten keskus*) сравнением называют основанное на уподоблении образное выражение, которое содержит какой-либо связующий элемент, обычно слово *kuin*, например: *hän on tyhmä kuin saapas* (*Kielitoimiston sanakirja, s.v. vertaus*). Это определение в большей степени относится к традиционной сравнительной конструкции *kuin-rakenne*.

Известный нам репертуар способов выражения сравнения в финском языке представлен разнообразными формами, основные из которых реализуются с помощью средств, представленных в Таблице 2. Многие из этих средств совпадают с представленными в Таблице 1 способами выражения сравнения в русском языке

В финском языке собственно сравнительная конструкция с союзом *kuin* (*vertausrakenne*) не содержит дополнительных слов или морфем, которые характерны для схожей компаративной конструкции (*vertailurakenne*) (ср. *se on yhtä pieni kuin kirppu* или *Lasse on laihempi kuin Lissu*).

Таблица 2. Способы выражения сравнений в финском языке

Способы выражения сравнения	Примеры употребления
Традиционная сравнительная конструкция с союзом <i>kuin</i> (kuin-rakenne), сопоставимая с союзными сравнительными конструкциями в русском языке	<p>Sekään ei tunnu enää ihmeeltä, että kuu ei putoa taivaalta päähän <u>kuin pannukakku</u> <...> (A. Konkka).</p> <p><...> lupasin ja tuijotin miestä silmiin tiukasti <u>kuin käärmeenlumoaja</u> matelijaansa (L. Lehtolainen).</p> <p>Impi oli kadonnut ilman jälkeä <u>kuin aamun kaste</u> (A. Kivi).</p>
<p>Лексемы компаративной семантики:</p> <p>– наречия <i>tavoin</i>, <i>lailla</i> и <i>kuten</i></p> <p>– прилагательные <i>kaltainen</i> и <i>tapainen</i></p> <p>– глаголы, обладающие семантикой уподобления <i>muistuttaa</i>, <i>näyttää</i>, <i>tuntuu</i> и др. (ср. с пунктом 8 Таблицы 1)</p>	<p>Kevät puhkesi jälleen Syyrian laaksoihin, mereltä katsoen punersivat vuoret <u>viinin lailla</u> <...> (M. Waltari).</p> <p>Saapuessaan Mr. Riversin ovelle hänen sydämensä <u>löi</u> melkein takataskussa olevan <u>vasaran tavoin</u> (M. Larni).</p> <p>Minut päästettiin sen jälkeen pimeään saliin, joka oli täynnä tuoleja aivan <u>kuten ooppera</u> (Krohn Leena, Ihmisen vaatteissa)</p> <p>Matti ryysti <u>niinivihkon kaltaisen partansa</u> keskelle lautaselta kahvia <...> (J. Konkka).</p> <p><...> niiden jokaisen päällä seisoo enkeli, yhdellä on <u>mustekalan tapainen</u> häkkyrä kaulalla (K. Hotakainen).</p> <p>Kupin kylki oli läpikuultava ja <u>muistutti</u> nuorta ihoa, vaikka kuppi oli vanha (S. Oksanen).</p> <p>Kätevät miehet <u>näyttivät</u> oudoilta haalaripukuisilta olennoilta (K. Hotakainen).</p> <p>Puoli tuntia <u>tuntui</u> ikuisuudelta (K. Hotakainen).</p>
Сложные прилагательные	<p>Korvit lopettavat ruokailunsa noin klo 21 ja sen jälkeen seutu on ollut <u>hiirenhiljainen</u> (J. Sinisalo).</p> <p>Kirjoittelen suurlakon muistoista, <u>sametinpehmeistä</u>, uutta maailmaa hautovista öistä (H. Wuolijoki).</p> <p><...> kun he lensivät yli <u>peilityynen</u> mustan järven, johon tähdet kuvastuivat (L. Krohn).</p>
Прилагательные, образованные от существительных с помощью суффикса <i>-mainen</i> (<i>-mäinen</i>), выражающего сходство со значением, передаваемым производящей основой	<p><...> jonne siellä liikkeessä asioidessa oli kasvanut melko <u>taruolentomainen</u> kyttyrä (M. Rimminen).</p> <p>Silmissä on <u>veitikkamainen</u> valo <...> (J. Konkka).</p> <p>Hän levittelee käsiään, kasvoillaan <u>lammasmainen</u> ilme (J. Sinisalo).</p>
Лексические средства, такие как <i>jkn näköinen</i> , <i>tuotoinen</i> , <i>värinen</i> и др. (ср. пункт 12 Таблицы 1)	<p>Vilkaisin neljänteen kerrokseen, vieläkö isopäinen <u>huuhkajannäköinen</u> mies istui ikkunan ääressä lukemassa kirjoja (A. Konkka).</p> <p>Seinää ratkoi <u>salamanmuotoinen</u> halkeamakimppu (M. Rimminen).</p> <p>Nahkasi on <u>savunvärinen</u> eikä kestä auringonsäteitä (M. Waltari).</p>

Универсальная логико-синтаксическая структура финской сравнительной конструкции с союзом *kuin* (см. Таблицу 3) схожа с аналогичной союзной сравнительной конструкцией в русском языке и включает в себя сравниваемый элемент (*verrattava*), который относится к какому-то объекту или событию, охарактеризованному образом

сравнения (*vertauskuva*). Кроме того, структура включает в себя элемент, выражающий какое-либо свойство или действие, на основании которого сравниваемый элемент сопоставляется с образом сравнения (*predikaatti*). Образ сравнения обычно представлен эксплицитно посредством показателя сравнения *kuin* (*vertauskuvan merkitsin*) (Heinonen 2010, 349).

Таблица 3. Логико-синтаксическая структура сравнительных конструкций с союзом *kuin*²

<i>verrattava</i>		<i>predikaatti</i>	<i>vertauskuvan merkitsin</i>	<i>vertauskuva</i>
poika	on	pieni	kuin	kirppu
kämppä	oli		kuin	sikolätti
isä		karjuu	kuin	leijona
heitä		voi lukea	kuin	avointa kirjaa

В сравнительной конструкции с союзом *kuin* может отсутствовать предикат (основание сравнения): *auto kuin laiva*. Встречаются также такие эллиптические структуры, в которых сравниваемый элемент, указывающий на субъект посессивной конструкции, выражен имплицитно: [*minulla*] *olo on kuin osuuskaupanhoitajalla* 'olo' ≈ 'osuuskaupan hoitajan olo' (Heinonen 2010, 352). Кроме того, сравниваемый элемент конструкции может быть выражен имплицитно в конструкциях с лексикализированными обстоятельствами (*Veikko oppi neulomaan kuin itsestään*) или в случаях, когда конструкция с *kuin* выступает членом главного предложения в качестве экзистенциального субъекта (*ilmaan kohosi kuin pienenpieniä saippuakuplia*), объекта (*katsoja näki kuin uuden näytelmän*) или обстоятельства (*vauhti pysähtyi kuin seinään*), а также в конструкциях с *kuin* и глаголом в форме кондиционала: *tuntuu kuin katsoisi hidastettua filmiä* (там же, 351-352).

Если говорить о функциях сравнения в финском языке, то как в устной, так и в письменной речи сравнения призваны «оживить» описываемое событие или явление, создать запоминающийся яркий и точный образ, дать оценку или характеристику, или же добавить нотку юмора в повествование (Kuusi 1960, XII; Kuusi 1971, 60). Т. Р. Хейнонен также обращает внимание на свойственную сравнительной конструкции с союзом *kuin* интенсифицирующую функцию: усиление характера свойства идет по количественной шкале как в отношении качества (*kaunis kuin kukka* 'красивый как

² Таблица из статьи Т. Р. Хейнонен, посвященной структурным и семантическим особенностям сравнительной конструкции с союзом *kuin* (Heinonen 2010, 350).

цветок', то есть очень красивый), так и действия, выраженного глаголом (*nukkua kuin tukki* 'спать как бревно', то есть спать очень крепко) (Heinonen 2010, 352). Однако интенсификация свойств и действий не всегда является абсолютно прозрачной для понимания. В отношении глаголов такая ситуация возможна в случаях, когда образ сравнения незнаком реципиенту (например, *rankki*) и значение сравнения выводится только из самой конструкции (*haisee kuin rankki* \approx *haisee voimakkaasti*), или в конструкциях без предиката, то есть основания сравнения *lähtee kuin lehmä suosta* – в этом случае остается неясным, о какой именно характеристике движения идет речь, так как значение сравнения ('начинать движение очень медленно') не выводится из составляющих его содержание элементов (Heinonen 2010, 353; Heinonen 2013, 55).

В целом можно отметить, что структура обоих языков располагает морфологическими, грамматическими и лексическими средствами выражения сравнительного значения. В обоих языках сравнительные отношения могут быть оформлены как союзными, так и бессоюзными средствами, последние из которых отличаются большим разнообразием форм. Логическая трехчастная схема сравнения с соединительным элементом (союзом или частицей) идентична для рассматриваемых языков, общими являются также основные функции сравнений – интенсифицирующая, описательная и оценочная. Отдельно необходимо рассмотреть особую категорию сравнений, встречающихся в рассматриваемых языках и представляющую интерес в рамках данного исследования, а именно – устойчивые сравнения.

2.3 Устойчивые сравнения в русском и финском языке

В обоих языках встречаются сравнения, отличающиеся заметной частотой воспроизведения и сохраняющие «фиксированность» и целостность значения, несмотря на возможную вариативность отдельных элементов внутренней структуры: *сидеть как на иголках, седой как лунь, гол как сокол, nousta kuin sieniä sateella, nukkua kuin tukki, katsoa kuin lehmä uutta aitaa* и др. Как в русском, так и в финском языкознании такие сравнения рассматривают в рамках фразеологии, выделяя их в отдельный субкласс на основании присущих только им особенностей на фоне других фразеологических единиц (далее – ФЕ). В русском языке они получили название устойчивых сравнений или компаративных фразеологизмов, а в финском языке для их наименования используют понятие *vertausfraseemit* (Korhonen 2018, 56) и словосочетание *vakiintuneet* или *kiteytyneet vertaukset* (Kuusi, 1960; Kuusi 1971; Heinonen 2010, 2013 и др).

Одной из основных специфических черт компаративных фразеологизмов является их прозрачная внутренняя структура, эксплицированная сравнительным союзом *как* или его эквивалентами. Эта особенность структуры даже при возможном имплицировании отдельных элементов (в частности, основания сравнения) оказывает существенное влияние на проявление у компаративных фразеологизмов основных (хотя и не всегда однозначных) категориальных признаков ФЕ.

Устойчивость как один из основных признаков ФЕ включает в себя структурный (ограничение на трансформируемость) и узуальный аспект (регулярность воспроизведения выражения в речи разных носителей языка), причем последний играет решающую роль (Баранов и Добровольский 2008, 50-52). Устойчивость компаративных фразеологизмов представляется более демонстративной и обязательной, так как соединительный элемент конструкции – сравнительный союз (или частица) – обеспечивает этому типу фразеологизмов относительную стабильность компонентного состава и самостоятельный фразеологический статус даже в случаях компонентной синонимии или тематической однородности (обороты *пьян как сапожник*, *пьян как извозчик*, *пьян как грузчик* являются фразеологическими синонимами, но не лексическими вариантами) (Мокиенко 2016, 40). Вообще, наличие в системе устойчивых сравнений большого количества синонимических рядов связано с разнообразием эмоционально-экспрессивных оттенков, обусловленных тенденцией к большей конкретизации, детализации и экспрессивной экспликации образа (Солодуб 1989, 6) (цит. по: Огольцева 2016, 71).

Экспрессивная окрашенность, свойственная большинству фразеологизмов, выражена в устойчивых сравнениях в большей степени, чем в других типах ФЕ, что достигается вновь благодаря компаративной структуре, обеспечивающей постоянное наложение переносного значения на прямое посредством сравнительного союза (Мокиенко 2016, 41). Со временем в результате узуализации устойчивые сравнения могут утрачивать экспрессивность, что в свою очередь может приводить к появлению новых экспрессивно окрашенных компаративных оборотов, выполняющих аналогичную функцию (Стихина 2021, 141).

Экспрессивность любых типов ФЕ тесно связана с образностью (Телия 1996, 112; Солодуб 1989, 4). По мнению В. М. Мокиенко, образность – критерий, необязательный для других фразеологических оборотов, является категориальным для устойчивых сравнений, так как даже в случае «утраченной» мотивированности оборота, например,

наготовить как на Маланьину свадьбу, он воспринимается как образный благодаря сравнительному союзу, способному ассоциативно реконструировать внутреннюю форму (Мокиенко 2016, 41).

Образность устойчивых сравнений может быть основана на «семантическом напряжении», возникающем вследствие сопоставления субъекта и объекта, относящихся к разным лексико-семантическим разрядам *он худой как жердь*, или многозначности слова, выражающего основание сравнения, которое в своем прямом значении соотносится с объектом, а в переносном – с субъектом *он скользкий как угорь* (Лебедева 2017, 6). Образность также может ослабляться и утрачиваться в случаях, когда сравнительный оборот выполняет функцию интенсификации признака или действия, лежащего в основе сравнения (*устал как собака, злой как черт*) (там же, 7).

Идиоматичность, в той или иной степени присущая всем фразеологизмам и проявляющаяся в разной форме (например, в целостности или немотивированности значения), не является обязательным признаком для устойчивых сравнений.

Идиоматичность – сложное комплексное понятие, содержание которого рассматривается в научной литературе с разных позиций. А.Н. Баранов и Д. О. Добровольский выделяют в нем три составляющие: переинтерпретацию значения (семантическую деривацию, основанную на определенном принципе, например, метафоризации), непрозрачность значения (невозможность вывода общего значения выражения из значений его компонентов по стандартным правилам семантической сочетаемости или наличие в выражении уникальных компонентов, значения которых не восстанавливаются носителем языка) и усложнение способа указания на денотат (выражение, существующее наряду с более простым и стандартным наименованием той же сущности) (Баранов и Добровольский 2008, 30-31).

Группа устойчивых сравнений традиционно рассматривается в рамках идиоматики, однако она неоднородна по своему составу и может включать как регулярные, стандартные обороты с прототипичным объектом, например, *белый как снег*, так и содержащие уникальный, «непрозрачный» компонент – *беречь как зеницу ока* (Баранов и Добровольский 2008, 63-64). Сама структура сравнения характеризуется сниженной идиоматичностью вследствие того, что входящий в ее состав союз (или частица) *как, будто, словно, точно* и др. эксплицирует основные компоненты процесса переноса значения (там же, 63). Первый из приведенных выше примеров сравнения необоснованно относить к идиомам, так как каждый из компонентов его структуры

(*белый, снег*) употребляется в своем буквальном значении, и единственная особенность, которая делает его разновидностью фразеологизма, а не просто свободным словосочетанием, – это его устойчивость (Dobrovolskij & Piirainen 2022, 59). Кроме того, даже в случае использования другого существительного в роли объекта сравнения для передачи значения «очень белый» (например, *мел*) обычным способом выражения этой идеи будет использование традиционного «готового» оборота *белый как снег* (там же, 59).

Я. Корхонен также отмечает градуированность рассматриваемой категории ФЕ и выделяет среди сравнительных фразеологизмов неидиоматичные (*ei-idiomaattisia*), содержащие «прозрачный» объект сравнения и отвечающие стандартным правилам семантической сочетаемости, например, *olla ahkera kuin muurahainen* и частично идиоматичные (*osa-idiomaattisia*), какой-либо элемент конструкции которых сохраняет свое буквальное значение, например, *olla tyhmä kuin saapas* (Korhonen 2018, 45-46, 58).

Т. Р. Хейнонен обращает внимание на то, что идиоматичность финских сравнений с союзом *kuin* формируется иначе, чем у других типов идиом как раз за счет ресурсов самой конструкции (Heinonen 2013, 55). В подтверждение этому Т. Р. Хейнонен приводит факт закрепившегося в сравнительных конструкциях финского языка «пустого» заполнителя объекта сравнения *mikä*, выполняющего функцию усиления значения: *tyhmä kuin mikä 'hyvin tyhmä'* (там же, 55).

Перечисляя отличительные черты устойчивых сравнений следует выделить еще одну, общую для обоих языков особенность, рассмотрение которой имеет практическое значение для проводимого исследования. Речь идет о представленности компаративных фразеологизмов в словарях и справочных изданиях. В целом, по мнению А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, трудно назвать специальный фразеологический словарь на русском языке, который мог бы одновременно претендовать на относительную полноту представленной информации, включающей описание семантических, сочетаемостных и прагматических особенностей русских идиом, и на современность (Баранов и Добровольский 2008, 421-422). Говоря об устойчивых сравнениях, В. М. Мокиенко отмечает, что в толковые словари общего типа эта категория фразеологизмов включается избирательно, с ориентацией на большую степень их устойчивости (при этом оказывается немаловажным, как определяет этот критерий сам составитель словаря – комментарий наш) и слитности компонентов (Мокиенко 2016, 39).

Специальные фразеологические словари также далеко не полно представляют этот тип

ФЕ, при этом граница устойчивости/неустойчивости в них еще более неопределенна (там же, 39).

За несколько десятилетий начиная с 80-х годов прошлого века вышло несколько словарей устойчивых сравнений за авторством В. М. Огольцева, Л. А. Лебедевой и В. М. Мокиенко³. Тем не менее существует значительное количество единиц, не вошедших ни в толковые, ни в специальные словари по разным причинам, в том числе естественным (более поздний языковой узус). Рассуждая о том, на каком материале должен базироваться современный словарь русской идиоматики, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский видят в качестве такой базы представительный корпус текстов, используемых в качестве источников, ориентированный на максимальное жанровое разнообразие и привлекающий материалы разговорной речи (Баранов и Добровольский 2008, 432-434). Представляется, что такой подход к сбору исследовательского материала способствовал бы пополнению собрания устойчивых сравнений и значительно расширил бы представления о функционировании этого типа фразеологизмов в современном русском языке.

На финском языке нет такого фразеологического словаря, который включал бы только устойчивые сравнения или содержал их значительное количество. Например, идиоматический словарь *Suurella sydämellä ihan sikana* (Muikku-Werner ym. 2008) содержит только около десятка устойчивых сравнений, содержащих в составе прилагательное (Heinonen 2010, 366). Общий лингвистический словарь *Kielitoimiston sanakirja* на 2006 год включал всего около 150 примеров такого типа сравнений, причем ими были представлены не только устойчивые, но и авторские сравнения, не получившие широкого распространения (там же, 366). И в настоящее время в словаре *Kielitoimiston sanakirja* отсутствует большое количество примеров устойчивых сравнений, представленных в других идиоматических словарях и актуальных для современного узуса, о чем свидетельствуют результаты поиска в открытых источниках и электронных корпусах (например, веб-корпус текстов *f1TenTen* корпусного менеджера *Sketch Engine*).

³ Лебедева Л. А.: Постоянные сравнения русского языка. Краснодар, 1975; Словарь устойчивых сравнений русского языка. Краснодар, 1994; Устойчивые сравнения русского языка. Тематический словарь. Краснодар, 1998. Огольцев В. М.: Устойчивые сравнения русского языка. М., 1984; Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка. Ижевск, 1994; Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М., 2001. Мокиенко В. М. 2003. Словарь сравнений русского языка. СПб. Мокиенко В. М. и Никитина Т. Г. 2008. Большой словарь русских народных сравнений.

Такие значительные по объему собрания сравнений как Suomen kansan vertauksia (Kuusi 1960) и Suuri vertailusanakirja (Tammi 2008) не дают четкого представления о группе устойчивых сравнений, так как не содержат специальных помет или отдельных разделов, посвященных этой категории сравнений. Так, сборник Я. Тамми, включающий около 50 000 сравнений, является скорее коллекцией примеров без указания источника, чем словарем или справочным изданием, так как не содержит необходимого инструментария для работы с содержащейся в нем информацией (алфавитных или тематических указателей, стилистических помет, примеров употребления сравнений и вообще словарных статей).

Т. Р. Хейнонен отмечает, что назвать все существующие в финском языке устойчивые сравнения вряд ли возможно, так как с одной стороны финская союзная конструкция чрезвычайно продуктивна, а с другой – лексикализация в конечном счете зависит от носителя языка, и только действительно большой, маркированный корпус текстов мог бы дать общую картину представленности устойчивых сравнений, но такой корпус отсутствует (Heinonen 2010, Abstrakti).

2.4 Сравнение и метафора

Существует обширная и продолжительная дискуссия о соотношении образного сравнения и метафоры. В этом обзоре будут освещены ключевые этапы эволюции взглядов на характер взаимодействия сравнения и метафоры через призму различных теорий метафоры, так как интересующий нас вопрос рассматривался в научной литературе именно в контексте разработки этих теорий.

Со времен Аристотеля до середины XX века сохранялось ставшее традиционным представление о метафоре как о сокращенном или скрытом сравнении (Скляревская 2017, 9-10). Этот взгляд на сущность метафоры лег в основу сравнительной теории (comparison theory), сторонники которой (А. Ричардс, Дж. А. Миллер,) рассматривали метафору как имплицитное сравнение, при этом реконструкция такого подразумеваемого сравнения являлась важнейшим шагом в понимании метафоры: то есть люди понимают метафоры, сначала преобразуя их в сравнения. (Chiappe & Kennedy 2000, 372). Во второй половине XX века этот традиционный подход к пониманию метафоры был поставлен под сомнение. В частности в работе «Роль сходства в уподоблении и метафоре» Э. Ортони отмечал, что понимание метафор как

имплицитных сравнений не может быть применимо ко всем метафорам (Ortony 1979a, 344). Кроме того, метафора, в представлении Э. Ортони, являлась «типом употребления языка», а сравнение – типом психологического процесса, который хотя и играет важную роль в понимании метафоры, не обязательно совпадает с соответствующим употреблением (там же). Различие между метафорой и образным сравнением Э. Ортони видел также в том, что в первом случае речь идет о косвенном сравнении, а во втором – о прямом, хотя и метафорическом сравнении (Ortony 1979b, 176).

До конца семидесятых годов метафора обычно рассматривалась как вопрос языка и риторики, однако ситуация изменилась после так называемого «когнитивного поворота» в исследовании метафоры, который был связан с выходом сборника под редакцией Э. Ортони "Метафора и мышление" (1979) и революционной работы **Дж. Лакоффа и М. Джонсона** "Метафоры, которыми мы живем"(1980): метафора в языке отошла на второй план и стала рассматриваться как производная от метафоры в мышлении (Steen 2011, 26-27). В результате, на фоне развития когнитивной науки, ставшей междисциплинарным направлением, поле исследования метафоры значительно расширилось, открыв совершенно новые возможности.

В когнитивной лингвистике образное сравнение как правило оставалось в тени метафоры и редко обсуждалось в исследованиях как отдельная категория. Согласно концептуальной теории метафоры, структурные компоненты исходной концептуальной схемы (область-источник) проецируются в целевую область, а метафорические выражения являются примерами такого проецирования и могут принимать разнообразные формальные выражения (Лакофф и Джонсон 1980). **Дж. Лакофф и М. Тернер** отмечают, что грамматическое разграничение метафоры и образного сравнения обусловлено тем, что метафора часто рассматривалась как языковое явление, а не как концептуальная структура (Lakoff & Turner 1989, 133). Такая попытка определить метафору в терминах синтаксической формы полностью упускает из виду суть концептуальной метафоры, то есть понимание одного понятия в терминах другого, при этом тип метафоры, называемый образным сравнением, «перестраховываясь» (букв. *simile hedges its bets*), делает более слабое утверждение в форме *А похоже на В*, вместо *А есть В* (там же, 133).

Начиная с публикации Дж. Лакоффа и М. Джонсона (1980), современная теория метафоры развила новые подходы к изучению метафоры и той роли, которую она играет в мышлении, языке и коммуникации. Современные психолингвистические исследования

сосредоточены на связи между внутренними процессами метафоры (сравнение, категоризация), с одной стороны, и взаимодействием между языковыми (образное сравнение и метафора) и концептуальными (конвенциональные и новые) свойствами метафоры, с другой стороны (Steen 2011, 39). В данном обзоре внимание будет сфокусировано на интересующем нас вопросе соотношения образного сравнения и метафоры.

Альтернативный взгляд на вопрос разграничения образного сравнения и метафоры в 1993 году представили **С. Глаксберг и Б. Кейсар** (Glucksberg & Keysar 1993). Они оспорили мнение о том, что номинативные метафоры в форме *A есть B* являются имплицитными сравнениями. Более того, по мнению С. Глаксберга, для Аристотеля метафоры – это не образные сравнения, а скорее образные сравнения – это метафоры (Glucksberg 2001, 29). С. Глаксберг и Б. Кейсар фактически инвертировали точку зрения сторонников теории сравнения: вместо того чтобы рассматривать метафору как имплицитное сравнение, они рассматривали сравнение как метафору, точнее как имплицитную категоризацию (Moder 2008, 301-302). Согласно разработанной ими теории категоризации, метафорические выражения – и метафоры и образные сравнения – представляют собой утверждения о включении в класс (*class-inclusion assertions*) (Glucksberg 2001, 40-41). Сопоставление объектов в них идет по пути категоризации, а не сравнения: реципиент интерпретирует высказывание *мой адвокат (A) – акула (B)*, формируя общую суперординатную категорию, включающую и *A*, и *B* (например, категория «опасные хищники»), но такую, для которой *B* является прототипичной (акула как типичный представитель опасных хищников) (там же; Glucksberg & Keysar 1993, 7-9). Метафорические выражения категориально необратимы: например, сравнение *проповеди подобны снотворному* имеет смысл, однако обратное сравнение *снотворное подобно проповедям* – нет (при этом любые исключения обратимости, например, *хирург (как) мясник* объясняются тем, что обратное утверждение имеет совершенно другое значение, поэтому фактически их также нельзя назвать обратимыми) (Glucksberg 2001, 33, 45; Glucksberg & Keysar 1993, 12).

Позднее в свете новых данных, полученных в результате проведенных экспериментов, С. Глаксберг расширил свое представление об образных сравнениях как об имплицитных утверждениях категоризации и сделал вывод, что обе теории – и сравнения и категоризации – неверны в понимании метафоры и сравнения как эквивалентов (Glucksberg 2008, 74). С. Глаксберг обратил внимание на то, что метафоры

и соответствующие им образные сравнения не всегда взаимозаменяемы, так как эти две формы могут выражать разные смыслы, иногда малозаметные, иногда значительно отличающиеся, что связано с разными уровнями абстракции, задействованными при их понимании (там же, 74-79). В случае проявления различий в интерпретации метафорического выражения при смене его формы с метафоры на сравнение, только форма метафоры понимается как категоризация (там же, 79).

Иной взгляд на различные когнитивные функции метафоры и образного сравнения предложили авторы теории «карьеры метафоры» **Д. Гентнер и Б. Боудл** (Gentner & Bowdle 2001, 2008). В рамках этой теории конвенциализация переносного значения выражения рассматривается как источник различий между метафорой и образным сравнением: новые и конвенциональные метафоры и образные сравнения используют разные процессы понимания – категоризации (в этом Д. Гентнер и Б. Боудл согласны с моделью С. Глюксберга и Б. Кейсара) и собственно сравнения (Gentner & Bowdle 2008, 116-117). На каждом этапе своего существования – в момент появления (в начале карьеры), на стадии конвенциализации и «застывания» (конец карьеры) – метафора задействует разные ментальные процессы (Gentner & Bowdle 2008, 117-118). Новые метафоры обрабатываются как сравнения, в которых происходит структурное выравнивание целевого понятия с буквальным базовым понятием (то есть выравнивание по горизонтали) (там же, 116). Однако с каждым таким выравниванием метафорическая абстракция становится все более устойчивой и со временем преобразуется во вторичный смысл базового понятия, после чего базовое понятие может начать функционировать уже как название категории (происходит сдвиг к выравниванию по вертикали) (там же, 116).

В подтверждение этой точки зрения Д. Гентнер и Б. Боудл приводят экспериментальные данные о том, что для новых выражений испытуемые предпочитали форму образного сравнения, а не метафоры, однако в отношении конвенциональных выражений предпочтения формы были неоднозначными (Gentner & Bowdle 2008, 120). Кроме того, новые сравнения интерпретировались быстрее, чем новые метафоры, а конвенциональные метафоры – быстрее, чем конвенциональные сравнения (там же, 121). Полемизируя с доводами Д. Гентнера и Б. Боудла, С. Глазберг отметил, что то, насколько легче понять метафору в категориальной форме или в форме сравнения, зависит не от новизны или конвенциональности, а от референциальных и

семантических свойств метафоры, то есть «разные метафоры будут иметь разную карьеру» (Glucksberg 2008, 78).

Вопрос разграничения метафоры и сравнения был рассмотрен в ряде экспериментальных исследований **Д. Чияппе и Дж. Кеннеди**, в которых в частности изучались аспекты предпочтения одной формы образного выражения другой, а также «силы» их воздействия на испытуемых (Chiappe & Kennedy 2000). Д. Чияппе и Дж. Кеннеди разделяют мнение о категориальной природе метафоры, однако считают что образные сравнения функционируют как утверждения о сходстве, а не категории (Chiappe & Kennedy 2001, 252). Проблему соотношения сравнения и метафоры они рассматривают через набор признаков, которыми тема (*topic*), то есть субъект метафорического выражения, должна обладать, чтобы ассоциироваться со средством (*vehicle*), то есть источником: в метафоре *X – это Y*, X обладает всеми признаками, необходимыми для того, чтобы быть Y, а в сравнении *X подобно Y*, X обладает лишь некоторыми отдельными признаками Y (Chiappe & Kennedy 2000, 373). В результате семи проведенных экспериментов было установлено, что в случаях, когда образное сравнение и метафора использовались самостоятельно (без намеренной «коррекции» сравнения соответствующей формой метафоры), они были эквивалентны по силе воздействия и обладали одинаковым значением в предложении, что подтверждает позицию теории сравнения о том, что метафоры – это эллиптические сравнения (Chiappe & Kennedy 2000, 392).

Результаты двух экспериментов, описанных Д. Чияппе, Дж. Кеннеди и Т. Смыковски в 2003 году, оказались противоречащими как теории сравнения, так и теории категоризации (Chiappe, Kennedy & Smykowski, 2003). В ходе экспериментов проверке подвергался аргумент необратимости метафор и образных сравнений, а также изучался вопрос предпочтительности форм выражения метафорического значения через категории «приемлемости» (*aptness*), то есть степень соотнесенности признаков средства и темы образного выражения, и конвенциональности (Chiappe, Kennedy & Smykowski, 2003, 8-17). По итогам экспериментов было установлено, что метафоры более чувствительны к реверсии, чем соответствующие им сравнения, кроме того «перевернутые» метафоры чаще считались не поддающимися интерпретации (там же, 17). Выбор формы метафоры или соответствующего сравнения оказался в меньшей степени связан с конвенциональностью переносного значения, напротив, решающую роль играло то, в какой степени тема метафорического выражения отражала важные

черты средства (так же, 19). На основании этих данных исследователи делают вывод о том, что метафоры и образные сравнения – это разные типы высказываний и дело не в наличии или отсутствии лексического показателя сравнения *как*, а в характере функционирования этих двух форм (там же, 17-21).

Вопрос разграничения метафоры и образного сравнения через проблему выбора формы образного выражения исследовал также **А. Уцуми** (Utsumi, 2007). Внимание в исследовании было сфокусировано на интерпретационном разнообразии (семантическом богатстве) пары тема-средство, которое является, по мнению А. Уцуми, ключевым моментом, объясняющим различие между метафорой и образным сравнением (Utsumi, 2007, 292). Интерпретационное разнообразие переносного значения зависит от количества признаков, составляющих его, и равномерности распределения этих признаков по степени значимости, при этом по мере увеличения интерпретационного разнообразия пары тема-средство предпочтение формы метафоры должно возрастать (там же). Результаты проведенных экспериментов подтвердили эту гипотезу, кроме того, было установлено, что при низком интерпретационном разнообразии пары тема-средство (например, *духи – это лед*) форма метафоры оказывалась менее понятной, чем соответствующая ей форма сравнения (там же, 301-306).

Авторы одного из современных когнитивно-лингвистических подходов к пониманию метафоры – теории концептуальной интеграции (или концептуального смешения *conceptual blending*) и ментальных пространств (*mental spaces*) **Ж. Фоконье и М. Тернер** не обсуждают в своих работах образное сравнение как отдельную категорию, но обращают внимание на различные формальные выражения блендинга (Turner and Fauconnier 1995; Turner & Fauconnier 2003). Концептуальная интеграция, по мнению исследователей, является базовой ментальной операцией, чьи структурные и динамические свойства распространяются на многие области мышления и действия, включая метафору (Turner & Fauconnier 2003, 133). Таким образом метафора интерпретируется как частный случай концептуальной интеграции: в метафоре редко происходит прямое проецирование области-источника на область-цель, зато значительно чаще формируется единое смешанное пространство (*blended space*), в котором происходит смешение свойств каждого из базовых пространств (Глебкин 2013, 165; Turner & Fauconnier 1995, 184). Метафорические выражения Ж. Фоконье и М. Тернер характеризуют как сигнал к смешению ментальных пространств и

предполагают, что специфические слова (вероятно, в эту категорию можно отнести и лексический маркер сравнения *как* – примечание наше) и грамматические формы могут побудить слушателей осознать процесс смешения (Moder 2008, 304; Turner & Fauconnier 1995, 183, 203). Однако в отличие от сложной, детальной и не всегда однозначной концептуальной интеграции формальная, то есть грамматическая конструкция, дает лишь подсказку, краткое указание на отправную точку, от которой слушатель или читатель должен оттолкнуться при построении этой концептуальной интеграции (Turner & Fauconnier 1995, 197). Можно заключить, что в рамках рассматриваемой теории концептуальная интеграция свойственна различным метафорическим высказываниям и ее формальное выражение в языке играет второстепенную роль и не может служить основанием для разграничения метафоры и сравнения.

Рассмотрев основные современные подходы к пониманию метафоры и взгляды на ее соотношение с образным сравнением, необходимо обозначить позицию, занимаемую нами в рамках данного исследования. В практической части исследования в ходе изучения конкретных переводческих стратегий и решений на примерах, отобранных из источников, образные сравнения и метафоры для наглядности разграничиваются по формальному грамматическому выражению (например, мы указываем, что для передачи сравнения в тексте перевода была использована форма метафоры и наоборот).

Внимание в данном исследовании сфокусировано не на оппозиции языковых форм выражения метафорического значения, а на способах их передачи на другой язык, поэтому в аналитической части работы отдельно этот вопрос не рассматривается.

Однако, в целом мы разделяем когнитивно-семантическую позицию в рамках концептуальной теории метафоры, согласно которой образное сравнение рассматривается как одна из языковых форм метафоры, содержащая открытый «лексический сигнал» к сравнению (или смешению ментальных пространств) сопоставляемых объектов.

3 ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРИЧЕСКИХ И ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ

3.1 Макростратегии перевода

В этой главе будут рассмотрены локальные переводческие стратегии, используемые для межъязыковой передачи интересующих нас образных выражений в текстах переводов художественных произведений – образных сравнений и компаративных фразеологических оборотов. Однако прежде всего необходимо обозначить две полярные макростратегии, которые были отмечены в ходе предварительного анализа эмпирического материала в переводных контекстах и определяли конкретные переводческие решения в исследуемых примерах. На всем протяжении развития переводческой мысли разные исследователи давали этим стратегиям разные названия.

П. Ньюмарк выделял два основных подхода к переводу — **семантический**, ориентированный на оригинал и его автора, и **коммуникативный** – ориентированный на адресата (Newmark 1982; 1988). Задача коммуникативного перевода сводится к производству на читателя эффекта, максимально приближенного к тому, который возникает у читателей оригинала, в то время как семантический перевод стремится передать, насколько это позволяют семантические и синтаксические структуры второго языка, точное контекстуальное значение оригинала (Newmark 1981, 39). Это особенно важно, когда речь идет об оригинальных высказываниях, философских, религиозных, политических, научных, технических или значимых литературных текстах, в которых специфический язык автора так же важен, как и содержание (там же, 49). При коммуникативном подходе текст обычно становится более «гладким», идиоматичным и легко читаемым, в нем появляются более распространенные словосочетания и привычные слова, перестраивается синтаксис (там же 39, 49). Семантический перевод имеет тенденцию быть более сложным и более подробным, он склонен к большей конкретизации по сравнению с оригиналом, вместе с тем он более объективен, чем коммуникативный перевод, так как слова и предложения оригинала являются прямой формой контроля переводчика (там же 39, 69). С другой стороны, при использовании коммуникативного подхода, по мнению П. Ньюмарка, у переводчика появляется право исправить или улучшить логику, синтаксис и фактические ошибки, исключить тавтологию и включения нестандартного использования языка, что обычно

недопустимо при семантическом переводе (там же, 45). Фрагменты текста, написанные «плохо» или содержащие неточности должны оставаться таковыми в семантическом переводе, если они являются важными с точки зрения языка и его конструкций (баланс отдельных предложений, визуальные образы, аллитерация, ритм), хотя переводчик должен прокомментировать любые фактические ошибки, если это уместно (Newmark 1981, 67; Newmark 1988, 46-47).

Коммуникативный и семантический перевод могут совпадать, когда тема повествования так же важна, как и способ ее изложения, кроме того, в одном тексте могут встречаться фрагменты, которые необходимо перевести коммуникативно (информационные включения), и фрагменты, которые предполагают только семантический перевод (например, цитата из речи) (Newmark 1982, 41). В любом случае эти стратегии не существуют отдельно друг от друга, а представляют из себя широко пересекающиеся группы методов (там же).

Обсуждая перевод метафорических выражений, П. Ньюмарк отмечал, что метафоры как правило находятся за пределами семантико-коммуникативной дилеммы, если у них есть стандартизированные эквиваленты в языке перевода (Newmark 1982, 63). В остальных случаях все зависит от типа метафоры: если речь идет об оригинальной авторской метафоре, она переводится семантически, но с учетом «важности» и выразительности, особенностей культуры языка перевода и уместности в переводе (там же, 59, 63). В большинстве других случаев метафоры переводятся коммуникативно с экспликацией передаваемого значения (там же, 63).

Относительно близкую к описанной выше классификацию предлагает Д. О. Добровольский (Добровольский 2015). Он выделяет **стратегию смысла**, то есть технику перевода, ориентированную на максимально адекватную передачу смысла, и **стратегию формы**, которая в первую очередь ориентирована на передачу особенностей построения текста (Добровольский 2015, 139). Стратегия формы при этом коррелирует до определенной степени с форенизацией текста, а стратегия смысла — с его доместикацией (там же). В переводах, выполненных главным образом в рамках первой стратегии, сознательно устраняются все препятствия на пути понимания текста, что в первую очередь касается особенностей формы, которые могут вызвать затруднения восприятия содержания (там же). В случае, если переводчик руководствуется принципами второй стратегии, перевод отражает стремление к максимальной точности в передаче специфических особенностей текста (что зачастую приводит к снижению

смысловой прозрачности), которыми могут быть как маркеры индивидуального стиля автора, так и языковые структуры, характерные для эпохи создания оригинала (там же). Тем не менее рассматриваемые стратегии редко встречаются в реальной переводческой практике в чистом виде, гораздо чаще они взаимодействуют, получая преимущество в разных типах текстов.

В следующем разделе мы рассмотрим способы перевода метафорических выражений, предлагаемые исследователями в рамках традиционного (лингвистического) и когнитивного подхода.

3.2 Основные подходы к переводу метафорических выражений

В данном пункте будут представлены различные подходы к переводу метафорических выражений (в нашем случае – образных сравнений) на примере метафор. Решение рассмотреть интересующий нас вопрос перевода в таком ракурсе во многом обусловлено тем, что в научной литературе при изучении проблемы перевода различных метафорических выражений внимание фокусируется, как правило, именно на метафоре. Кроме того, обсуждаемые исследователями стратегии перевода метафор, представляются на наш взгляд (и с опорой на результаты предварительного анализа исследовательского материала) актуальными для перевода образных сравнений, встречающихся в текстах художественных произведений.

Перевод метафорических выражений – это сложная область исследований, что во многом объясняется сложностью самого понятия метафоры. Какой бы термин ни использовался для обозначения образных выражений, все они демонстрируют определенное семантическое и логическое нарушение референциальных компонентов своих лексических составляющих (Al-Hasnawi 2007). Переводчик оказывается во вдвойне сложном положении: во-первых, ему приходится выяснять переносное значение оригинального выражения, и во-вторых – искать эквивалентные значения и схожие функции этих выражений на языке перевода (там же). В работах, посвященных изучению вопросов межъязыковой передачи метафоры, в основном рассматриваются два аспекта: переводимость метафор и разработка способов ее перевода. В большинстве исследований, вышедших до последних лет прошлого века, превалирует традиционное понимание метафоры как фигуры речи, языкового выражения, основной функцией которого является стилистическое украшение текста (Schäffner 2004, 1254).

Предложенные **П. Ньюмарком** (Newmark 1981) семь способов перевода стандартных (то есть устоявшихся, но еще не «мертвых») метафор до сих пор широко распространены в исследовательской литературе:

1. сохранение исходного образа в тексте перевода, при условии сопоставимой частотности его употребления в языке перевода в соответствующем типе текстов;
2. замена исходного образа на общеупотребительный образ в языке перевода, не противоречащий культуре языка перевода;
3. передача метафоры посредством образного сравнения с сохранением образа исходного текста;
4. передача метафоры (или образного сравнения) посредством сравнения с экспликацией смысла (иногда возможен вариант «метафора плюс смысл»);
5. передача смысла метафоры без сохранения образа (по мнению П. Ньюмарка, наиболее предпочтительный вариант перевода в случае значительного расхождения коннотативной составляющей образов в языках);
6. отказ от передачи метафоры и ее смысла (в случае если метафора устарела или является «избыточной» и употреблена в «неэкспрессивном» виде текста);
7. сохранение исходной метафоры с экспликацией смысла (Newmark 1981, 88-91).

Способы перевода метафор, предлагаемые П. Ньюмарком, представлены в предписывающем ключе, с целью выработать принципы, правила и рекомендации по переводу, что отличает его подход от описательной позиции **Р. ван ден Брука**, который рассматривает способы перевода метафоры как теоретические модели, в соответствии с которыми наблюдаемые явления могут быть правильно описаны и объяснены (Vroeg van den 1981, 77). Р. ван ден Брук перечисляет три возможности перевода метафор:

1. перевод в узком смысле («sensu stricto»), когда и объект, и средство метафорического переноса исходной метафоры передаются в тексте перевода;
2. замещение (средство метафорического переноса исходного выражения может быть замещено другим средством в тексте перевода с более или менее одинаковым объектом);
3. перифраз (передача исходной метафоры в тексте перевода посредством неметафорического выражения).

Представленные способы перевода метафор Р. ван ден Брук не конкретизирует по отношению к трем основным перечисляемым им категориям метафоры (лексикализованная, конвенциональная и новаторская), поскольку мотивы их

применения могут быть связаны не только с типом метафоры, но и зависеть от текстового окружения, в котором она появляется (Broeck van den 1981, 74-76, 78).

Затрагивая вопрос перевода метафор **М. Снелл-Хорнби**, напротив, отвергает идею обобщенных правил перевода метафор и отмечает, что проблема переводимости и моделей перевода метафоры не может быть решена набором абстрактных правил, а должна зависеть от структуры и функции конкретной метафоры в рассматриваемом контексте (Snell-Hornby 1988, 58). Основная проблема, возникающая при переводе метафоры, по мнению М. Снелл-Хорнби, заключается в том, что разные культуры, а значит, и разные языки, по-разному осмысливают и создают символы, поэтому смысл метафоры часто зависит от культуры (там же, 56).

Анализируя возможные схемы перевода метафор, **Г. Тури** отмечает, что при рассмотрении метафоры как переводческой проблемы исследователи, как правило, отталкиваются от элементов исходного текста, идентифицированных как метафорическое выражение (Toury 1995, 107). Г. Тури обращает внимание на то, что с позиции целевого текста, помимо четырех обобщенных способов перевода (метафора в "ту же" метафору, метафора в "другую" метафору, метафора в неметафору и полное опущение метафоры), можно выделить два дополнительных случая: использование метафоры в тексте перевода для неметафорического выражения исходного текста (неметафора в метафору) и добавление метафоры в текст перевода без какой-либо лингвистической мотивации в ST (ноль в метафору) (там же, 109). С этой точки зрения метафора рассматривается не как проблема перевода, обусловленная элементами исходного текста, а как переводческое решение (там же) (среди примеров из исследовательского материала встретилось значительное количество случаев применения этих двух стратегий в отношении образных сравнений – комментарий наш).

Когнитивно-семантический подход к метафоре открыл путь к переосмыслению традиционно предлагаемых в научной литературе процедур перевода метафорических выражений. Обширный лингвистический анализ позволил предположить, что в системе знаний могут существовать концептуальные метафоры, облегчающие понимание важных категорий и областей с помощью метафорической проекции (Steen 2014, 14). Предположение того, что эти концептуальные метафоры могут быть стабильными и действующими в разное время и в разных (по крайней мере близкородственных) культурах оказало серьезное влияние на теорию перевода: подходы к переводу

метафоры стали варьироваться в зависимости от того, демонстрируют ли два языка сходные или различные условия отображения для конкретной метафорической проекции (там же). Проблема переводимости также перестала быть вопросом отдельного метафорического выражения, а стала рассматриваться в связи с соотношением уровней концептуальных систем в исходной и целевой культуре (Schäffner 2004, 1258). При этом локальные стратегии перевода метафор остались по большей части прежними: перевод исходной метафоры с сохранением или (культурно/этически обусловленной) заменой образа в тексте перевода, преобразование метафоры в сравнение, перефразирование, добавление примечания с экспликацией смысла метафоры или ее опущение.

Одной из первых работ, в которых перевод метафоры рассматривался с позиций когнитивного подхода, было исследование **Н. Мандельблит** (Mandelblit, 1995), которая предложила две схемы перевода: при условии сходного метафорического проецирования между языками (то есть исходная концептуальная метафора сохраняется в языке перевода) и при условии различного метафорического проецирования (при переводе происходит концептуальный сдвиг) (Maalej & Alghbban 2023, 74). В первом случае в качестве переводческого решения могла быть использована эквивалентная метафора или соответствующее образное сравнение, а во втором, более сложном случае, когда исходную метафору было маловероятно заменить метафорой в тексте перевода, можно было обратиться к одному из нескольких альтернативных вариантов перевода (преобразовать метафору в сравнение, использовать прием парафраза, добавить примечание или в крайнем случае полностью опустить метафору) (Al-Hasnawi 2007).

Однако концепция Н. Мандельблит не учитывала возможные промежуточные случаи, в которых лингвистическая реализация метафоры могла быть одинаковой, но концепт в двух культурах различался, или наоборот – общий концепт реализовывался бы через разные лингвистические формы (Maalej & Alghbban 2023, 74). Впоследствии **А. Эль-Хаснави** добавил еще одно условие когнитивного сопоставления при переводе метафор – метафоры со сходными условиями проецирования, но разными лексическими реализациями – и предположил, что трудность передачи метафор заключается не в том, что языки не могут предоставить эквивалентные способы выражения метафор, а в том, что в них отсутствуют соответствующие метафоры, относящиеся к той же концептуальной области (Al-Hasnawi 2007).

К. Шеффнер объединила подходы переводоведения и когнитивной лингвистики и рассмотрела особенности перевода метафор на примере политического дискурса (Schäffner 2004). На основании наблюдений, полученных в результате сопоставительного анализа исходных и переводных метафор, она выделила пять случаев, которые сами по себе не были собственно переводческими стратегиями, но предлагали направление для их разработки (Schäffner 2004, 1268-1269). К. Шеффнер обратила внимание на важное свойство метафоры – интертекстуальность, которая оказывает заметное влияние на принятие конкретного переводческого решения: учитывающий культурно-специфические особенности перевод может предполагать рассмотрение метафоры вне пределов одного конкретного текста, следствием чего может стать замена при переводе структурных компонентов базовой концептуальной схемы и экспликация смысла с учетом адресатов и функции метафоры в тексте перевода (там же, 1262-1265).

Обращаясь к вопросу перевода метафор, **З. Кёвечес** выделил ряд потенциальных трудностей, возникающих при передаче "одного и того же" значения в двух языках и культурах (Kövecses 2014). Одна из трудностей состоит в том, что два языка могут иметь одну и ту же концептуальную метафору, но на языковое выражение этой концептуальной метафоры могут влиять различия в культурно-идеологических чертах (Kövecses 2014, 31). З. Кёвечес выделил ряд факторов, которые необходимо учитывать при изучении сходств и различий в метафорическом выражении концептуальной метафоры: буквальное значение выражения, выражаемое переносное значение и концептуальную метафору, на основе которой выражается переносное значение (там же). После проведенного экспериментального исследования на основе перевода английских метафор на венгерский язык, им были составлены схемы или возможности перевода, представленные в Таблице 4.

Таблица 4. Схемы, демонстрирующие возможности передачи одного и того же метафорического выражения с одного языка на другой⁴

Схема/возможность перевода	Буквальное значение	Переносное значение	Концептуальная метафора
(1)	совпадает	совпадает	совпадает
(2)	не совпадает	совпадает	совпадает
(3)	не совпадает	совпадает	не совпадает

Исходя из представленных схем, среди потенциальных трудностей при переводе можно выделить случай, когда буквальное значение исходного и переводного выражений различаются, в то время как переносное значение передается одинаково и при этом существуют две разные концептуальные метафоры (Kövecses 2014, 31). Таким образом, переносное значение может быть выражено несколькими различными способами и расхождение схем в разных языках приводит к трудностям при переводе (там же).

В настоящем обзоре были приведены некоторые взгляды на проблему переводимости метафорических выражений с лингвистической и когнитивно-семантической позиций, а также рассмотрены предлагаемые исследователями возможные переводческие решения. В следующем пункте мы рассмотрим основные подходы к переводу идиоматических выражений.

3.3 Способы перевода идиоматических выражений

Прежде чем обратиться к рассмотрению способов межъязыковой передачи идиоматических выражений (в широком понимании эта категория включает не только идиомы, но и фразеологизмы других классов), необходимо отметить характер трудностей, с которыми сталкивается переводчик при работе с образными устойчивыми сочетаниями.

Первая трудность связана с проблемой распознавания идиоматического выражения в исходном тексте: фразеологическая единица может быть ошибочно принята за свободное сочетание слов, что приведет к дословному переводу образного выражения

⁴ Таблица из статьи З. Кёвечеса, посвященной проблемам перевода метафор, возникающих из-за различий в метафорических концептуальных системах и контекстах (Kövecses 2014, 32).

и, соответственно, коммуникативной неудаче (Влахов и Флорин 1980, 180; Комиссаров 1999, 178; Korhonen 2018, 269). Возможны и другие варианты неверной интерпретации исходного образного элемента, когда переводчик, обращая внимание на слитность выражения, приписывает ее индивидуальному стилю автора или наоборот, воспринимает свободное сочетание как устойчивого и передает его на фразеологическом уровне (Влахов и Флорин 1980, 180).

Другая трудность связана с проблемой интерпретации идиоматического выражения, обусловленная невыводимостью переносного значения устойчивого выражения из суммы значений его лексических компонентов (Влахов и Флорин 1980, 180). Неверное понимание устойчивых сочетаний исходного текста также приводит к ошибкам в переводе, при этом появление такого типа ошибок может быть не связано ни с конкретным контекстом, ни с временем написания текста (примеры неверной интерпретации переводчиками синтаксических фразеологизмов, допускаемых при переводе произведений, написанных разными авторами в разное время, представлены, например, в исследовании Mikhailov 2021, 191–223). В связи с этим необходимо отметить, что в вопросе раскрытия значения конкретной фразеологической единицы исходного текста не всегда можно положиться на словарь. Очевидно, что ни один словарь не может предусмотреть всех возможностей использования фразеологизма в контексте, кроме того, предлагаемые специализированными двуязычными словарями «полные эквиваленты» не всегда являются таковыми, так как условия их употребления и возможные прагматические ограничения редко принимаются во внимание (Рецкер 1974/2007, 143; Добровольский 2011, 239-241). Отсутствие в словаре примеров контекстов употребления лексической единицы в составе устойчивого выражения может стать дополнительным фактором неверного толкования образного элемента исходного текста (Mikhailov 2021, 214).

Сопоставляя немецкие фразеологизмы и их финские переводы, Я. Корхонен отмечает еще ряд случаев, представляющих сложность для переводчика: идиомы, построенные на игре слов, когда переносный и буквальный смыслы оказываются связанными; фразеологический эллипсис (то есть устранение или сокращение одного из компонентов фразеологической единицы); представленность идиоматического выражения в исходном тексте отдельными компонентами, которые тем не менее передают полное значение выражения, и авторская контаминация фразеологизмов (то

есть, объединение компонентов разных фразеологизмов и обыгрывание их формы и смысла) (Korhonen 2018, 270- 271).

Д. О. Добровольский также обозначает некоторые потенциальные трудности, которые могут возникнуть перед переводчиком при передаче актуального значения идиоматического выражения и объединяет их в три группы: «ложные друзья» переводчика, межъязыковые квазисинонимы и асимметричная полисемия (Добровольский 2011, 236; см. также Baker 1992/2018, 72). Первое явление наблюдается, когда внутренняя форма и лексический состав разноязычных фразеологизмов характеризуется значительным сходством, однако их актуальные значения существенно различаются (Добровольский 2011, 227). К межъязыковым квазисинонимам относятся фразеологизмы близкие, но не идентичные по значению, или демонстрирующие прагматические различия (например, использование выражений в речи может быть обусловлено разными ситуациями) (там же, 236-237). Под асимметричной полисемией понимаются случаи, когда идиома одного языка обладает набором значений, а соответствующая ей идиома другого языка имеет только одно значение, при этом даже если моносемичная идиома полностью соотносится с одним из значений полисемичной идиомы, обе идиомы, взятые в целом, не являются полностью эквивалентными (Dobrovol'skij & Piirainen, 2022, 92-93).

Несмотря на все перечисленные трудности, переводчик должен уметь выделять в исходном тексте идиоматические выражения, правильно интерпретировать их значение и владеть различными способами их перевода с учетом контекста и конкретной коммуникативной задачи.

Способы перевода фразеологизмов, представленные в работах, посвященных сопоставительному анализу фразеологии, основываются, как правило, на типах межъязыковой эквивалентности или степени передачи исходного образа. Несмотря на различные классификации, все они могут быть сведены к четырем основным группам: использование в тексте перевода полных фразеологических эквивалентов, частичных эквивалентов, фразеологических аналогов, а также передача безэквивалентных фразеологизмов с помощью различных способов (Добровольский 2011, 221).

Полные межъязыковые фразеологические эквиваленты – это фразеологизмы сопоставляемых языков, с тождественной семантикой, структурно-грамматической организацией и с тождественным компонентным составом (Арсентьева 1989, 97).

Некоторые полные эквиваленты допускают морфологическое и минимальное лексическое варьирование, не затрагивающее образной основы идиомы (Добровольский 2011, 221). Е. Ф. Арсентьева отмечает также важность совпадения у полных эквивалентов субъективно-оценочной функции и эмоционально-экспрессивной коннотации (Арсентьева 1989, 97).

К этой группе относится сравнительно немного фразеологических единиц, которые как правило, представлены интернационализмами (библейскими, фразеологизмами, восходящими к античности, кальками и полукальками), происходящими из одного источника, например, третьего языка, чаще всего латинского или греческого (Комиссаров 1999, 181; Рецкер 1974/2007, 158). Здесь, однако, надо принимать во внимание то обстоятельство, что само по себе происхождение из единого источника не гарантирует полной эквивалентности, поскольку пути семантического развития часто оказываются уникальными для каждого языка и значение фразеологизма в одном из языков может измениться (Добровольский 2011, 222; Комиссаров 1999, 181). В этом случае на первый взгляд «полные эквиваленты» окажутся «ложными друзьями переводчика» — сходными по форме, но разными по содержанию (Комиссаров 1999, там же). Д. О. Добровольский отмечает также важность принятия во внимание значимости источника для языков того или иного культурного ареала в вопросе распространенности идиом (Добровольский 2011, 221-222).

Для **неполных (частичных) фразеологических эквивалентов** характерны незначительные различия в плане выражения, то есть в синтаксических структурах, лексическом составе и образной составляющей, при этом актуальные значения фразеологизмов совпадают (Арсентьева 1989, 100; Добровольский 2011, 222). Зачастую различия затрагивают лишь компонентный состав, который часто представлен лексемами смежной семантики (Арсентьева 1989, там же).

К **фразеологическим аналогам** относятся фразеологизмы, выражающие одинаковое или близкое актуальное значение, но различающиеся внутренней формой (прежде всего использованным образом), при этом субъективно-оценочная коннотация в обоих языках совпадает (Арсентьева 1989, 106). Сопоставляя фразеологические единицы русского и английского языков, Е. Ф. Арсентьева подразделяет фразеологические аналоги на три подгруппы в зависимости от степени различия структурно-грамматической организации и компонентного состава (там же, 106-113). Кроме того, она выделяет в отдельную группу частичные фразеологические аналоги, характеризующиеся

приблизительным сходством в значении, но разным компонентным составом и разной структурно-грамматической организацией (там же, 113-115). По мнению Д. О. Добровольского, подразделение фразеологических аналогов на полные и частичные излишне, так как аналоги, по определению, характеризуются отсутствием полной эквивалентности (Добровольский 2011, 223).

Я. И. Рецкер отмечает, что полная замена образа при использовании аналога может быть связана с задачей сохранения экспрессивно-стилистического характера высказывания, что, однако не всегда осуществимо из-за частого присутствия в идиоматических выражениях национального колорита, который отражается одновременно и на стилистической и на экспрессивной стороне выражения (Рецкер 1974/2007, 159-160).

Безэквивалентными фразеологизмами считаются выражения одного языка, не имеющие соответствий во фразеологической системе другого языка (Арсентьева 1989, 116). Д. О. Добровольский указывает на условность этой категории, так как межязыковым эквивалентом идиоматического выражения не всегда (и не обязательно) является другая идиома (Добровольский 2011, 225, 228). Для передачи фразеологизмов такого типа переводчик может прибегнуть к нескольким решениям. Одной из возможностей передать семантику исходного идиоматического выражения является описательный перевод с помощью свободных словосочетаний и конструкций, как правило, со снятием образности (Арсентьева 1989, 116-117). Помимо очевидного достоинства – наиболее полной передачи переносного смысла исходного выражения – данный способ обладает серьезными недостатками, к которым можно отнести потерю эмоционально-экспрессивной коннотации и стилистической функции выражения, а также в большинстве случаев расширение компонентного состава (там же). Я. И. Рецкер и Р. Инго отмечают, что этот способ перевода является не лучшим решением, прибегать к которому следует при отсутствии возможности воспользоваться другими решениями (Рецкер 1974/2007, 160-161; Ingo 1990, 247). С другой стороны, если такой выбор был обусловлен контекстуальными причинами, можно прибегнуть к приему компенсации, используя идиоматичное выражение для перевода свободной конструкции исходного текста (Ingo 1990, 247; Korhonen 2018, 271).

Другим способом передачи значения безэквивалентных фразеологических единиц исходного текста является перевод с помощью монолексем или словосочетания (Арсентьева 1989, 119). Несмотря на то, что в данном случае отмечается полное

несоответствие плана выражения между исходным единицей и лексемой в переводе, значение фразеологизма, экспрессивная и зачастую оценочная коннотация оказываются переданными. Согласно нашим наблюдениям, случаи использования рассматриваемой стратегии не редкость в финских переводах русских контекстов, что, скорее всего, обусловлено системными «предпочтениями» финского языка в способе словосложения (ср. ясно, как Божий день - *räivänselvä*, как воды в рот набрал - [*kulki*] *tuppisuuna*, один, как перст - *uröyksin*).

Попытаться добиться фразеологического соответствия в тексте перевода можно также с помощью приема калькирования, то есть пословного перевода исходного выражения, но с соблюдением норм языка перевода (Комиссаров 1999, 182; Арсентьева 1989, 116-117). В. Н. Комиссаров отмечает, что среди достоинств такого решения можно выделить прежде всего возможность сохранения образной и культурно-специфической составляющей оригинала, что особенно важно в художественном переводе, при этом переводчики зачастую пользуются этой стратегией даже при наличии в языке перевода фразеологического аналога (Комиссаров 1999, 183). С другой стороны, применение этого способа перевода требует известной осмотрительности, так как в случае недостаточной мотивированности образа в исходном выражении его калькирование сделает перевод бессмысленным (там же, 184). По мнению финских исследователей, такая стратегия перевода редко оказывается удачной и чаще всего приводит в тексте перевода к нежелательному ощущению иносказательности и затрудняет понимание значения выражения читателем (Ingo 1990, 246; Leppihalme 2007, 370; Korhonen 2018, 268). Р. Инго рекомендует добавлять при калькировании объясняющее значение идиомы пояснение (Ingo 1990, 247).

По мнению Д. О. Добровольского, рассмотренная выше классификация типов межъязыковой эквивалентности характеризуется некоторой искусственностью, так как критерии для отнесения пары идиом к тому или иному типу определяются скорее интуитивно и зачастую принять обоснованное переводческое решение бывает сложно (Добровольский 2011, 224). Д. О. Добровольский также отмечает, что выбор переводного эквивалента в большой степени зависит от контекста и эквивалентность отдельных лексических единиц (неважно, идиомы это или слова) не имеет никакого значения для качества перевода; единственный момент, который имеет значение, – это адекватность перевода всего текста (там же, 228; Dobrovolskij 1999, 206). По сравнению с другими лексическими единицами фразеологизмы (даже в художественном тексте) не

имеют самостоятельной ценности (Dobrovolskij 1999, 205). Особенности индивидуального стиля автора, которые должны быть переданы в переводе, не привязаны к конкретным фразеологизмам и гораздо более значимыми с этой точки зрения оказываются авторские метафоры, стилистическая окраска текста, ритмические характеристики фразы и другие элементы (Добровольский 2011, 232). Идиомы проявляют себя как элемент авторского стиля лишь в нестандартных употреблениях, например, при обыгрывании их внутренней формы или окказиональном варьировании (там же).

Возвращаясь к вопросу эквивалентности и рассматривая его в широком смысле, следует отметить, что отношение к этому понятию на разных этапах развития теории перевода менялось. Оно пережило как периоды пристального внимания со стороны исследователей, так и периоды острой критики и спада интереса, когда, используя характеристику Э. Пима, стало «немодным» (Рум 1992, 48). В 60-90 годы прошлого века разрабатывались различные типологии эквивалентности, выделялись уровни, на которых она могла быть достижима, и предпринимались попытки объяснить сущность самого понятия (Catford 1965, Nida and Taber, 1982, Toury 1980, Koller 1989, Baker 1992, Рум 1992, Гак и Львин 1970, Рецкер 1974, Швейцер 1988, Комиссаров 1990, Гарбовский 2007 и др.). В настоящее время исследователи, придерживающиеся теории перевода, основанной на эквивалентности, определяют ее с позиции отношения между текстами – исходным и переводным, безотносительно к конкретным языкам или объективным значениям (Kenny 2009, 96). Кроме того, в современных подходах прослеживается общая идея, согласно которой, смысл рассматривается как нестабильный по своей природе, в высшей степени субъективный и привязанный к контексту, а потому не поддающийся воспроизведению на другом языке (Kenny 2009, там же; Schäffner 2004, 1255). И все же, если придерживаться позиции Э. Пима, несмотря на то, что отношение к эквивалентности изменилось, она никуда не исчезла и по-прежнему присутствует при различении перевода и неперевода (Рум 1992, 49).

4 ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ И МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

4.1 Электронные корпуса текстов в переводоведческих исследованиях

Развитие информационных технологий оказало значительное влияние на профессиональную деятельность переводчика, а также расширило возможности для проведения исследований в области переводоведения. Разработка и совершенствование программного обеспечения позволили обрабатывать большие объемы данных для решения различных задач, в том числе лингвистических. Электронный корпус текстов, выровненный, размеченный и оснащенный мощной системой поиска необходимой лингвистической информации, является незаменимым инструментом для изучения языковой системы, наблюдением за тенденциями развития языка, поиска отсутствующих в словарях контекстов употребления лингвистических единиц. А его ценность в качестве источника эмпирического материала вообще трудно переоценить.

Однако, цели и задачи любого исследования, которое предполагается проводить с помощью корпуса, определяют тип корпуса, его объем, условия отбора текстов и степень их обработки. Для исследований в области переводоведения важнейшим является параллельный корпус текстов, то есть текстовый массив, включающий в себя тексты на одном языке и их переводы на другой язык (Михайлов 2003, 12-38).

Материал, представленный в параллельном корпусе, дает большие возможности для изучения лексических и синтаксических соответствий (и несоответствий) между двумя языками, анализа различных переводческих стратегий, поиска переводных эквивалентов для выбранных слов и выражений в конкретных контекстах. Что важно, исследование факторов, побудивших переводчика прибегнуть к тому или иному подходу и обусловившие его выбор, – синтаксическое окружение слова, коммуникативно-прагматические условия его употребления – может быть проведено на аутентичном текстовом материале (Добровольский 2003а, 2003б).

Особое место среди параллельных корпусов занимают корпуса художественных текстов. Применяются данные корпуса как для исследования языка и стиля конкретных писателей, так и для изучения особенностей языка художественной литературы в целом.

Применительно к целям нашей работы параллельные корпуса художественных текстов являются важнейшим источником эмпирического материала. Они не только дают представление об особенностях использования сравнений в тексте как одного из изобразительных средств языка, но и позволяют изучить различные стратегии, использованные при переводе сравнений, оценить их эффективность, определить степень информационных потерь и решить многие другие задачи. Кроме того, данный вид корпусов помогает выявить широкий спектр возможных вариантов перевода устойчивых сравнений, часто встречающихся в текстах художественных произведений и представляющих немалую трудность для переводчиков.

4.2 Материал и методика исследования

В качестве материала настоящего исследования были использованы примеры контекстов из двух электронных корпусов: «ПарРус» и «ПарФин», созданных соответственно М. Н. Михайловым и Ю. Хярме в Университете Тампере (Härme & Mikhailov 2016).

«ПарРус» – русско-финский параллельный корпус художественных текстов, включающий произведения русской классической и современной прозы (XIX-XX в.) и их переводы на финский язык. На данный момент корпус включает 146 произведений русской литературы различных жанров, написанных разными авторами в разные периоды, и 179 переводов на финский язык. Разница в количестве оригинальных текстов и их переводов объясняется тем, что некоторые произведения переводились на финский язык несколько раз. Значительная часть представленных в корпусе переводов выполнена такими переводчиками как Юхани Конкка, Эса Адриан, Улла-Лийса Хейно и Леа Пююккё. Тексты выровнены на уровне предложений. Размер русского субкорпуса составляет в настоящий момент 3 213 918 словоупотреблений.

«ПарФин» – финско-русский параллельный корпус художественных текстов. В корпусе представлено 30 произведений финской прозы, написанной в период 1870–2013 гг., в том числе детская литература, и их переводы на русский язык. В корпус вошли переводы на русский язык, выполненные двадцатью двумя переводчиками (включая авторские коллективы), среди которых Эйно Карху, Владимир Смирнов и Владимир Богачев. Тексты также как и в русско-финском корпусе выровнены на уровне предложений. Размер финского субкорпуса составляет 1 556 497 словоупотреблений.

Данное исследование проводилось на всем материале, представленном в корпусах, без создания отдельных субкорпусов по конкретным произведениям, писателям или переводчикам, поскольку такой принцип отбора значительно сузил бы рамки исследования и повлиял бы на его объективность.

В ходе настоящего исследования из параллельных корпусов художественных текстов «ПарРус» и «ПарФин» методом выборочного поиска было отобрано более 2000 образных сравнений, включая индивидуальные и устойчивые сравнения. Под выборочным поиском в данном случае понимается отбор сравнений по мере их встречаемости в контекстах, полученных после введения заданных параметров в поисковую систему корпусов.

Рамки данного исследования были ограничены типом рассматриваемых сравнительных конструкций. Из исследовательского материала на русском языке были отобраны примеры, содержащие конструкции со сравнительными союзами: *как*, *точно* и *будто*. Среди контекстов на финском языке рассматривались примеры, содержащие типичную сравнительную конструкцию с союзом *kuin*, а также примеры с использованием лексем компаративной семантики: наречиями *lailla* и *tavoin* и прилагательным *kaltainen*.

На первом этапе работы осуществлялся отбор контекстов, содержащих искомые маркеры сравнений и лексемы, из общего массива текстов, представленных в корпусах. Для этого в поисковой строке для каждого корпуса задавались следующие параметры: в качестве первого искомого слова выбирался конкретный маркер сравнения (например, *будто*), а в качестве второго слова, используя при этом морфологическую разметку, – существительное. Расстояние справа указывалось равное 2 словам. При поиске лексем – *lailla*, *tavoin* и *kaltainen* – задавалось только первое слово, то есть сама лексема.

После задания необходимых параметров из обоих корпусов по каждому искомому маркеру и лексеме были получены списки параллельных контекстов. Исходное количество контекстов по каждому искомому маркеру и лексеме варьировалось, однако в целом из каждого корпуса было отобрано около 6000 контекстов. Из этого количества были выбраны контексты, содержащие образные сравнения с искомыми единицами. В итоге из финско-русского корпуса было отобрано 1210 контекстов, а из русско-финского корпуса – 1400. Полученные списки были оформлены в виде отдельных таблиц в программе Excel, позволяющей осуществлять фильтрацию информации, подсчет и сопоставление данных. Помимо столбцов, содержащих исходные контексты и их

переводы, таблицы содержали столбцы для «технических» помет: перевода незнакомых слов, словарных статей, указания конкретного типа стратегии для перевода сравнений и компаративных фразеологизмов и другой информации.

На следующем этапе работы осуществлялся анализ контекстов, содержащих перевод отобранных сравнений. Анализ полученных примеров проводился с опорой на классификацию локальных переводческих стратегий, представленную в работе Э.

Честермана (Chesterman 1997, 87-112), составленную автором с опорой на исследования П. Ньюмарка, Р. ван ден Брука и Г. Тури. Указанная классификация включает в себя три основные группы стратегий, которые в определенной степени пересекаются между собой: грамматико-синтаксические, семантические и прагматические. Перевод образных выражений или тропов, к коим принадлежит и сравнение, относится к группе сематических стратегий и включает четыре типа, первый из которых имеет свои подтипы.

Для наглядности указанный набор стратегий перевода образных лексических единиц представлен в форме Таблицы 5. Расшифровка использованных в таблице аббревиатур: ST (Source Text) – исходный текст, TT (Target Text) – текст перевода.

Таблица 5. Стратегии перевода тропов по классификации Э. Честермана

Стратегия перевода	Описание стратегии
1. ST троп X → TT троп X	Троп исходного текста сохраняется в тексте перевода. Подуровни: а) троп TT - тот же самый троп, что и троп ST с точки зрения его лексической семантики; б) троп TT относится к тому же типу, что и троп ST, но не является семантически идентичным, а только родственным (образ исходит из одного и того же источника); с) троп TT относится к тому же типу, что и троп ST, но они не связаны лексически и используют разные источники образа.
2. ST троп X → TT троп Y	Троп исходного текста может быть переведен с помощью тропа того же вида, но основанного на другом содержании, или с помощью другого тропа.
3. ST троп X → TT троп Ø	Троп исходного текста передается в тексте перевода с помощью неметафорического высказывания. Образный элемент полностью исключается.
4. ST троп Ø → TT троп X	Исходный текст не содержит тропа, но в тексте перевода образное выражение присутствует.

Кроме того, в ходе анализа языкового материала нами был обнаружен еще один способ передачи свободных образных сравнений, реализуемый посредством замены сравнения фразеологическим оборотом.

Каждое отобранное сравнение и его перевод были рассмотрены с учетом ближайшего лексического контекста. Хотя основное внимание в исследовании было сфокусировано главным образом на семантическом аспекте рассматриваемых переводческих решений, анализируемые примеры изучались также с позиции грамматических и прагматических стратегий, таких как: транспозиция (изменение класса слов, например, с существительного на глагол), изменение когезии и структуры предложения, культурная фильтрация, изменение эксплицитности, а также информационные добавления и опущения.

В ходе анализа перевода отобранных сравнений, отдельно рассматривались способы межъязыковой передачи устойчивых сравнений. Для этих целей в рамках настоящего исследования была разработана классификация способов перевода фразеологических единиц (ФЕ), основанная на традиционно выделяемых типах фразеологических соответствий, представленных в работах Я. И. Рецкера (Рецкер 1974), Е. Ф. Арсентьевой (Арсентьева 1989), В. Н. Комиссарова (Комиссаров 1999), Д. О. Добровольского (Добровольский 2011), С. Влахова и С. Флорина (Влахов и Флорин 1980), Я. Корхонена (Korhonen 2018) и Р. Инго (Ingo 1990). Разработанная классификация представлена в Таблице 6.

Таблица 6. Классификация способов межъязыковой передачи фразеологических единиц

Способ межъязыковой передачи фразеологической единицы	Описание
1. Полный эквивалент	Идентичные ФЕ с точки зрения актуального значения, синтаксической и лексической структуры, а также внутренней формы (допускается минимальное лексическое варьирование, не затрагивающее образной основы ФЕ).
2. Частичный эквивалент	Неполное сходство в компонентном составе и синтаксической структуре при семантическом сходстве ФЕ.
3. Фразеологический аналог	Различные ФЕ с близкими актуальными значениями, но различной внутренней формой.
4. Описательный перевод	Способ перевода, подразумевающий передачу ФЕ в тексте перевода описательно, с помощью свободных конструкций и словосочетаний.
5. Лексический перевод	Перевод ФЕ языка исходного текста с помощью отдельной лексемы или набора лексем.
6. Калькирование	Пословное калькирование ФЕ языка исходного текста.
7. Полное опущение фразеологизма	Полное опущение ФЕ в тексте перевода.
Неэквивалентный перевод	Примеры буквального перевода с некорректной передачей смысла, ошибки в интерпретации переносного значения ФЕ и как следствие – использование неверного межъязыкового соответствия или иного приема перевода.

На заключительном этапе исследования был произведен подсчет полученных данных и их визуализация с помощью круговых диаграмм и таблиц.

5 СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ, ВСТРЕТИВШИХСЯ В КОНТЕКСТАХ ФИНСКО- РУССКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ «ПАРФИН»

Суммарное количество отобранных из корпуса образных сравнений составляет 1210, среди которых большая часть – 1136 – приходится на сравнительную конструкцию с союзом *kuin* (*kuin-rakenne*). Следует отметить, что данное количество отражает не все имеющиеся в текстовом массиве корпуса сравнения с использованием указанной конструкции, а только то количество из них, которое было отобрано методом выборочного поиска и представлялось достаточным для целей исследования. Тем не менее, такой значительный объем примеров свидетельствует о продуктивности и распространенности в текстах художественных произведений такого типа сравнений.

Что касается выбранных для исследования лексем компаративной семантики, входящих в состав образных сравнений, то количество контекстов, содержащих их, оказалось невелико: 22 – для наречия *lailla*, 19 – для наречия *tavoin* и 33 – для прилагательного *kaltainen*. Поиск контекстов с участием этих лексем в составе образных сравнений осуществлялся по всему текстовому массиву корпуса.

В число отобранных из корпуса контекстов входят фрагменты произведений, написанных разными авторами в разное время: от «Семерых братьев» Алексиса Киви (1870) до «Когда исчезли голуби» Софи Оксанен (2012). Такой широкий хронологический и жанрово-стилистический диапазон позволил сделать в ходе исследования полезные наблюдения, касающиеся встречаемости образных сравнений в текстах художественных произведений разных эпох и влияния времени написания оригинального произведения на характер трудностей, возникающих перед переводчиком.

Поскольку тексты в корпусе выровнены на уровне предложений, то для получения представления о лексическом окружении искомых типов сравнений и мотивированности конкретных переводческих решений зачастую возникала необходимость познакомиться с расширенным контекстом как оригинального произведения, так и его перевода.

5.1 Сравнительная конструкция с союзом *kuin*

Из 1136 рассмотренных примеров употребления образных сравнений, входящих в конструкцию с маркером *kuin*, в 1113 примерах представлены свободные и индивидуально-авторские сравнения, и в 23 – устойчивые сравнения.

Сначала обратимся к результатам анализа свободных образных сравнений.

Результаты исследования представлены в виде круговой диаграммы (Рис. 1). В исследуемом материале были найдены примеры трех типов переводческих стратегий, используемых для перевода образных выражений по классификации Э. Честермана: троп исходного текста сохраняется в тексте перевода, происходит замена тропа или основания его содержания, троп переводится описательно. Что касается последней стратегии, приведенной в классификации, – появление тропа в тексте перевода, – то отсутствие примеров ее использования в материале объясняется тем, что исследование проводилось в «прямом направлении», то есть от исходного контекста к переводному, а не наоборот.

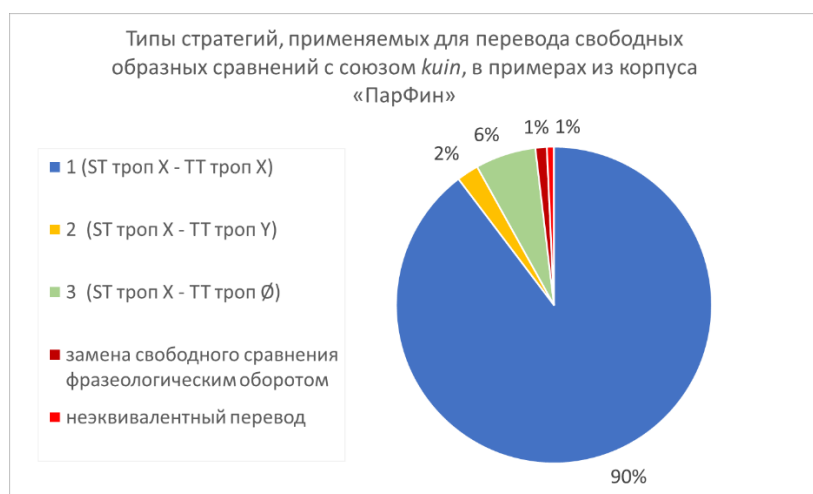

Рис. 1. Типы стратегий, применяемых для перевода образных сравнений с союзом *kuin*, в примерах из корпуса «ПарФин», процентное соотношение

Изучение рисунка 1 позволяет выделить доминирующую стратегию при переводе образных сравнений, а именно сохранение исходного сравнения в тексте перевода. Общее количество примеров, демонстрирующих такой подход, включая все варианты возможного лексического варьирования – 1а, 1б и 1с – составило 998 случаев (90 % от общего числа примеров). В 25 случаях в тексте перевода произошла замена сравнения другим тропом (2 % от общего числа примеров), а в 13 случаях (1 % от общего числа

примеров) – фразеологическим оборотом. Сравнение было полностью опущено или перефразировано в 69 случаях (6 % от общего числа примеров). В 8 случаях (1 % от общего числа примеров) анализируемые примеры демонстрировали неэквивалентный перевод.

Интересно было также проследить, какие лексические эквиваленты использовались для перевода союза *kuin* в составе сравнительной конструкции.

В отобранных контекстах использовались различные переводные эквиваленты, выделим только основные. Первое место по частоте употребления занимает союз *как*: он встретился в примерах 583 раза (52 % от общего числа примеров). Такой результат можно считать вполне ожидаемым и закономерным, поскольку из всех русских сравнительных союзов именно союз *как* характеризуется достаточной широтой употребления (Летучий 2017, 179-181; Девятова 2002). Частотность употребления основных лексических эквивалентов союза *kuin* представлена в Таблице 7.

Таблица 7. Частотность употребления лексических эквивалентов союза *kuin* при переводе свободных образных сравнений в примерах из корпуса «ПарФин»

Лексический эквивалент	Количество употреблений	Процентная доля от общего количества примеров (%)
как	583	52
словно	143	13
подобный	68	6
будто	33	3
точно	33	3
похожий	33	3
творительный падеж	33	3
другие эквиваленты	79	7
нет прямого эквивалента	108	10
Всего	1113	100 %

Теперь рассмотрим исследуемые стратегии на примерах из корпуса.

5.1.1 ST троп X → TT троп X

Образное сравнение исходного текста сохраняется в тексте перевода

Как уже отмечалось в пункте 4.2, Э. Честерман выделяет в этой стратегии перевода образных сравнений три типа, которые характеризуются различной степенью лексико-семантического варьирования при сохранении общего значения тропа: а) троп TT - это тот же самый троп, что и троп ST с точки зрения его лексической семантики; б) троп TT относится к тому же типу, что и троп ST, но не является семантически идентичным, а

только родственным (образ исходит из одного и того же источника); с) троп ТТ относится к тому же типу, что и троп ST, но они не связаны лексически и используют разные источники образа.

Фактически, решения, предложенные для перевода тропов в рамках первой стратегии, совпадают с распространенными приемами перевода фразеологизмов, такими как использование полного эквивалента, частичного эквивалента или аналога.

Среди примеров, демонстрирующих использование первой стратегии, удалось выделить все три типа лексико-семантического варьирования. Как видно на Рис. 2, иллюстрирующем их процентное соотношение, 86 % случаев приходится на первый тип (a), 12% – на второй (b) и 2% – на третий тип (c).

Рис. 2. Процентное соотношение типов лексико-семантического варьирования в рамках первой стратегии перевода тропов

а) Образное сравнение в тексте перевода является идентичным или почти идентичным сравнению исходного текста с точки зрения лексической семантики.

В материале обнаружен 861 случай применения этого способа перевода. Опираясь на данные, проиллюстрированные на рисунке 2, можно с уверенностью сказать, что этот способ перевода в рассматриваемых контекстах является доминирующим.

В приведенных примерах встречаются случаи незначительной лексической и синтаксической вариативности при сохранении значения всего образного выражения.

- (1) Pojat olivat isänsä käskystä susikoiria, valmiina poistamaan tunkeilijan tontilta. Biologian tunnilla samat pojat *istuvat pulpetissa kuin lampaat* <...> (Hotakainen Kari, Juoksuhaudantie)

Сыновья по приказу отца готовы стать волкодавами, чтобы прогнать чужака, проникшего на их участок. На уроках биологии те же парни *сидят, как овечки* <...> (Улица окопная, пер. Урецкий, Илья)

Исходный и переводной контекст демонстрируют почти полный параллелизм лексического и синтаксического состава сравнения. В тексте перевода присутствует небольшое информационное опущение (обстоятельство места *pulpetissa* 'за партой'), не оказывающее существенного влияния на семантику всего образного выражения. Важным с точки зрения передачи смысла и эмоциональной функции сравнения с участием зооморфизма *lampaat* является использование диминутивной формы *овечки*. С помощью этого приема воссоздается задуманный автором образ и достигается необходимый эмоционально-оценочный эффект – ироничное описание тихого, безропотного поведения мальчиков на уроках, ведущих себя совсем небезобидно при других обстоятельствах.

- (2) Rahastaja *kääntyi kuin käärme*: - Vaunussa ei saa tupakoida, ettekö osaa lukea? (Katz Daniel, Kun isoisä Suomeen hiihti)

Кондукторша *по-змеиному обернулась* к нам: - В вагоне нельзя курить, вы что, не умеете читать? (Как мой прадедушка на лыжах прибежал в Финляндию, пер. Смирнов Владимир)

В примере (2) присутствуют сразу два заслуживающих внимания переводческих решения. Первое связано с изменением речевой характеристики персонажа, а именно сменой регистра с формального на неформальный (разговорный) с негативной коннотацией *кондукторша*. Финское наименование профессии работника транспорта, в чьи обязанности входит продажа проездных билетов, *rahastaja*, согласно статье словаря Kielitoimiston sanakirja (в дальнейшем – KS) не содержит какой-либо оценочной характеристики, однако в тексте перевода такая характеристика присутствует. Вероятно ее появление мотивировано, с одной стороны, ассоциацией, навеянной стереотипным образом женщины-кондуктора: раздраженной, порой ведущей себя неуважительно по отношению к пассажирам, а с другой – развитием сюжета повествования.

Интересен также использованный переводчиком лексический эквивалент союза *kuin* – наречие с приставкой *no-*. В исходном контексте – *kääntyi kuin käärme* – признак сравнения формально не выражен, хотя и прозрачен (вероятно, *гибко, изогнув шею*). С помощью наречия *по-змеиному* в тексте перевода удается не только передать содержание образного выражения, но и «визуализировать» невыраженный признак сравнения.

(3) Ei sille merkinnyt mitään minun itku ja vaikerrus, se vaan tuijotti sohvalta *kuin kylmä kala*. (Hotakainen Kari, Juoksuhaudantie)

Мои терзания и слезы ничего не значили для него, он таращился с дивана *холодной рыбой*. (Улица окопная, пер. Урецкий, Илья)

В исходном контексте вновь опущено основание сравнения, хотя глагол *tuijottaa* в своем первом значении 'смотреть, не отводя взгляда, не моргая' частично раскрывает его. Для передачи сравнительной конструкции в тексте перевода используется творительный падеж, в результате чего сравнение приобретает черты метафоры. Л.Э. Найдич и А.В. Павлова используют в таких случаях альтернативный термин сравнение-метафора (Найдич и Павлова 2019, 171). Фактически происходит не уподобление, а перенос свойств с одного объекта на другой. Одним из условий создания конструкции с творительным сравнения является прозрачность и однозначность ассоциаций, позволяющих легко установить основание для сравнения. В данном случае метафорическое уподобление основано на наблюдении за поведением рыб и восприятии человеком их реакции на раздражители: создается ощущение (ложное), что лишенные мимики и немые рыбы смотрят на окружающую действительность безучастно, безразлично, без всяких эмоций. Эти стереотипные представления и реализованы как в оригинальном, так и переводном контекстах, создавая яркий и интуитивно понятный зрительный образ.

в) Образное сравнение в тексте перевода относится к тому же типу, что и сравнение исходного текста, но не является семантически идентичным, а только родственным.

Общее количество примеров, демонстрирующих такой подход, составило 118 (12% от общего числа примеров использования первой стратегии). Среди возможных вариантов лексико-семантического варьирования при анализе материала встретилось использование синонимов и гипонимов, лексические добавления и опущения, изменение эксплицитности или способа объединения описываемых признаков, а также культурная фильтрация (лингвокультурная адаптация текста).

Следующие два примера демонстрируют диаметрально противоположные изменения эксплицитности в тексте перевода и возникающие в связи с этим трудности, касающиеся «правильной» (то есть соответствующей авторской задумке) интерпретации образного выражения.

(4a) Hän katsoi minua *kuin koira*. (Hotakainen Kari, Juoksuhaudantie)

Он глядел на меня *преданным собачьим взглядом*. (Улица окопная, пер. Урецкий, Илья)

В данном случае происходит изменение структуры сравнения в сторону большей эксплицитности: в текст перевода вводится основание сравнения *преданным взглядом*, отсутствующее в оригинальном контексте. На первый взгляд такое решение кажется мотивированным, поскольку для финской и русской культуры символическое значение, связанное с зоонимом «собака» – верность, преданность, послушание – является общим. Однако при рассмотрении этого примера в расширенном контексте, оказалось, что такая трактовка основания сравнения может оказаться по меньшей мере не единственной. Расширенный контекст:

(4b) Nostin miltei palaneet pullat hellalle, otin kaksi pullaa lautaselle ja viereen ison lasin kylmää maitoa. Söin ja katsoin Lauri Mäkisen kuva. **Hän katsoi minua kuin koira.** Mietin, mitä rotua Mäkinen oli. Suomenpystykorvaksi hän oli liian veltto, kultaiseksi noutajaksi liian ilmeinen, bulldogiksi sileäkasvoinen. En ymmärtänyt koirista tarpeeksi voidakseni päättää rotua. (Hotakainen Kari, Juoksuhaudantie)

Запивая обжигают булки холодным молоком, я рассматривал фотографию Мякинена. **Он глядел на меня преданным собачьим взглядом.** Я прикинул, какой он породы. Для финской лайки он слишком инертный, для золотистого Лабрадора – слишком выразительный, для бульдога – слишком гладкомордый. Не столь уж я поднаторел в собаках, чтобы выбрать породу. (Улица окопная, пер. Урецкий, Илья)

После знакомства с расширенным контекстом создается впечатление, что основанием для сравнения *katsoi minua kuin koira* могли стать и другие характеристики взгляда собаки. Об истинном, то есть отвечающем задумке автора, основании этого сравнения можно только догадываться, причем догадки у разных читателей могут частично совпадать, а могут и не совпадать вовсе.

В следующем примере происходит сдвиг в сторону большей имплицитности за счет опущения признака сравнения. В тексте перевода опущено прилагательное *harva* 'редкий, не частый, неплотный'.

(5) <...> ja varahuone tuossa seisoi *rakettuna harvaksi kuin harakanpesä*. (Kivi, Aleksis, Seitsemän veljestä)

<...> а что до амбара, то он был *построен так, что напоминал сорочье гнездо*. (Семеро братьев, пер. Карху, Эйно)

Читателю, знакомому с особенностями сооружения сорочьего гнезда – его каркас птицы строят из переплетенных между собой сухих прутьев, расположенных довольно редко – образ, вводимый в текст с помощью сравнения, будет понятен. Амбар (на самом деле, скорее кладовая, складское помещение) был построен со щелями, неплотно, был продуваем ветрами.

Для человека, никогда не видевшего гнезда сороки, опущение признака сравнения приведет не только к потере образности, но и отчасти – смысла.

Как и в первом случае у читателей текста перевода могут возникнуть разные, в том числе непредусмотренные автором оригинального текста или нежелательные образы и ассоциации.

(6) Minun on herättävä, se määräsi itselleen ja *alkoi kulkea divaaninsa ympäri kuin kilpakävelijä.*
(Mäkelä Hannu, Pekka Peloton)

Надо проснуться,- приказал он себе и *засеменил вокруг дивана, как на соревнованиях по ходьбе.* (Бесстрашный Пекка, пер. Иоффе, Элеонора)

В примере (6) в тексте перевода происходит так называемый «сдвиг» единиц. Единицами являются морфема, слово, фраза, клауза, предложение, абзац. Сдвиг происходит, когда единица исходного текста переводится с помощью другой единицы в тексте перевода. В рассматриваемом примере слово переводится словосочетанием: *kilpakävelijä* → *как на соревнованиях по ходьбе*. Общая черта образности и смысл образного выражения при этом сохраняются. Кроме того, текст перевода оказывается более эксплицитным (что вполне обоснованно, ведь речь идет о произведении, ориентированном на детскую читательскую аудиторию) за счет выбора глагола – *семенить*, обладающего вполне определенной семантикой 'идти частыми и мелкими шагами, быстро перебирать ногами' и более полно раскрывающего таким образом значение сравнения.

(7) Reinin hyvä tuuli oli puhuroinut Evelinin hiuksia *kuin juhannustuuli Piritalla* <...> (Oksanen Sofi, Kun kyuhkyset katosivat)

Хорошее настроение Рейна распушило волосы Эвелин, *словно летний прибрежный ветер* <...> (Когда исчезли голуби, пер. Сидорова, Анна)

Один из примеров лингвокультурной адаптации текста. Передача реалий, обозначающих явления внеязыковой действительности другой культуры, происходит средствами языка перевода через введение в текст эквивалентов разной степени соответствия.

В данном случае национально-культурная специфика авторского сравнения *kuin juhannustuuli*, содержащего упоминание финского праздника летнего солнцестояния Юханнус (*juhannus*), заменяется в тексте перевода меньшей по семантическому объему, но условно эквивалентной информацией *летний ветер*.

Если рассматривать вопрос изменения исходного образа с точки зрения «конфликта» точности и естественности перевода, то степень приемлемости или неприемлемости вносимых изменений будет во многом зависеть от того, насколько значимо это изменение в данном контексте (Baker 2018, 63). Маловероятно, что опущение иноязычной реалии в этом предложении оказало значимое влияние на восприятие

образа и передачу общего смысла сравнения. В языке перевода существует соответствующий эквивалент *праздник Ивана Купалы*, однако значение самого праздника в современной действительности сильно разнится в культурах исходного языка и языка перевода. Вероятно, исходя из этих соображений, переводчик отказался как от передачи финской реалии, так и от использования имеющегося эквивалента. Название прибрежного района и пляжа в Таллине Пйрита полностью опущено, по всей видимости, из тех же прагматических соображений: вряд ли это название знакомо основной русскоязычной аудитории и вызовет ожидаемую ассоциацию. Однако частично это опущение компенсируется в определении *прибрежный*. Таким образом, сравнение в тексте перевода не является идентичным оригинальному по лексико-семантическому составу, однако образность и общий смысл авторского сравнения сохраняется в достаточной степени.

(8) Kaikilla upseereilla oli kauniit vaimot. Se johtui kadettien sinisistä univormuista. *Kadetit ovat suloisia ja topakoita kuin sinitiaiset*; kauniit tytöt rakastuvat heihin herkästi. (Paasilinna Arto, Hirtettyjen kettujen metsä)

<...> впрочем, у всех офицеров были красивые жены. *Стройные и расторопные курсанты в своих синих мундирах напоминали райских птиц*, и красивые девушки моментально в них влюблялись. (Лес повешенных лисиц, пер. Зайков, С. and Хотинский, Н.)

Любопытный пример трансформации образа в тексте перевода с использованием приема генерализации, модуляции (смыслового развития) и преобразования синтаксической структуры исходного текста путем объединения предложений. В исходном тексте содержится образное сравнение курсантов с лазоревками '*sinitiaiset*', причем сравнение базируется на информации, содержащейся в предыдущем предложении, а именно на синем цвете мундиров; в оперенье лазоревок также присутствует синий цвет. Основанием сравнения служат определения, характеризующие как лазоревок, так и курсантов – *suloisia ja topakoita* 'обаятельные и бойкие' (в переводе *стройные и расторопные*), то есть сравнение достаточно эксплицитно и мотивировано.

В тексте перевода происходит замена частного понятия *sinitiaiset* на более общее, суперординату *птицы*. Одновременно происходит трансформация образа: синица лазоревка становится неведомой синей райской птицей. Кроме того, происходит объединение предложений, вследствие чего структура сравнения меняется. В качестве основания сравнения (то есть признака, общего для курсантов и райских птиц) теперь выступает синий цвет, а не стройность и расторопность (определения,

характеризующие курсантов, но не птиц) – *курсанты в своих синих мундирах напоминали райских птиц.*

В связи с этим можно отметить также небольшое смещение акцента в тексте перевода и изменение причинно-следственной связи в повествовании: *синяя форма курсанта* → *красивая жена* (исходный контекст), *курсанты напоминали райских птиц* → *красивая жена* (переводной контекст).

Можно предположить, что за внесенными в текст перевода изменениями стоит (субъективное) представление о том, что образ курсантов, соотнесенный с небольшой юркой синицей с ярким голубовато-жёлтым оперением, не мог вызвать столь сильные романтические чувства у юных девушек. А вот прекрасная райская птица – у каждого читателя возникнет свой образ – могла.

Этот пример является пограничным, так как его можно отнести сразу к двум типам переводческих стратегий – рассматривать в рамках подтипа b) первой стратегии или как пример второй стратегии с заменой содержания тропа. С одной стороны, образ, используемый в тексте перевода, является родственным образу исходного текста, с другой – новый образ, введенный переводчиком, вызывает совершенно иные ассоциации и в некоторой степени изменяет план содержания сравнения. Помимо этого, внесенные в текст перевода изменения приводят к сдвигу семантического акцента в рассматриваемом контексте.

с) Образное сравнение, использованное в тексте перевода, относится к тому же типу, что и сравнение исходного текста, однако они не связаны лексически и используют разные источники образа.

Все обнаруженные примеры использования данного подхода к переводу образных сравнений демонстрируют полную замену образа с разной степенью сохранения значения переводимого выражения.

В следующих двух примерах при описании ситуаций обнаруживается общность логико-семантических отношений компонентов сравнения. Изменяется только лексический состав.

(9) *Joan painautui Jerryyn kuin muste paperiin* <...> (Larni, Martti, Neljäs nikama eli Veijari vastoin tahtaan)

Она *прилипла* к нему, *как ириска к зубам* <...> (Четвертый позвонок, или мошенник поневоле, пер. Богачев, В. Н.)

В тексте перевода происходит замена образа, однако мотивация сравнения и невыраженное основание остаются теми же, что и в исходном тексте: *rainautui* 'прижалась' (в тексте перевода *прилипла*) как? – сильно, крепко. Образ, использованный переводчиком, обладает большей экспрессивностью и выразительным колоритом, так как в его основе лежит более эмоциональный контекст.

В тексте перевода также наблюдаются изменения, затрагивающие внутритекстовые ссылки (лексическую когезию), а именно прономинализация – использование местоимений вместо имен существительных. Имена персонажей – Джоан и Джерри – заменяются на личные местоимения *она* и *к нему*.

(10) <...> sellainen painettu sana upposi moneen sieluun *kuin kuumennettu terva kuivaan veneeseen*. (Kianto, Ilmari, Punainen viiva)

<...> такое печатное слово некоторые души впитывали, *как пересохшая земля дождик*. (Красная черта, пер. Смирнов, В. А.)

В этом примере помимо замены образа сравнения в тексте перевода произошли также изменения структуры предложения и смена агенса. Основание сравнения вновь не выражено, однако легко угадывается (впитывалось *быстро, сразу, жадно*). Мотивация обоих сравнений также прозрачна. Образы исходного и переводного текста при явных лексико-семантических различиях все же имеют общую «точку соприкосновения», а именно определение *kuiva* 'сухая' (в тексте перевода *пересохшая*).

(11) Sitten se lassutti ja massutti pitkään ja *kömmiskeli huoneessa kuin hurttiukko pirtissään*. – Ohhohhoijakkaa, se huuteli ja venytteli pitkään, – miten sitä alkaakin taas väsyttää... (Mäkelä Hannu, Pekka Peloton)

Волк еще долго причмокивал и шлепал губами, *болтаясь по комнате из угла в угол, как домовый в рождественскую ночь*. – Уахх-ха-ха, – зевал он, потягиваясь. – Что-то я опять устал... (Бесстрашный Пекка, пер. Иоффе, Элеонора)

Пример (11) демонстрирует уже не столь явные параллели между исходным и переводным контекстом.

Некоторую трудность при сопоставлении двух контекстов вызвал перевод существительного *hurttiukko*. Согласно статье Википедии, *Hurtti ukko* – персонаж стихотворения Й. Л. Рунеберга, входящего в цикл «Сказания фенрика Столя» (*Vänrikki Stoolin tarinat*). Стихотворение повествует о немолодом солдате, принимавшем участие в Русско-шведской войне 1808—1809 годов. В современном финском языке за нарицательным *hurttiukko* закрепилось значение немолодого резервиста, чья пригодность к воинской службе сомнительна (Wikipedia, *Hurtti_ukko*).

Свет на происхождение и характер авторского сравнения отчасти проливает статья в журнале *Наккарелиитта* №8 за 1930 год, в которой приводится история одного такого *hurttiukko* и рисуется картина его неспешной одинокой жизни в своем доме после окончания военной службы.

Интересно, что сравнение, использованное автором в исходном тексте, оказалось малопонятным носителю языка и присутствие такого образа в детской литературе было для него немотивированно.

Вероятно, те же причины побудили переводчика взять за основу сравнения другой образ, который стал более экспрессивным и, с точки зрения целевой аудитории, возможно, более привлекательным. Однако, признак сравнения в тексте перевода оказывается не только не выраженным, но и неоднозначным: как и почему домовый бродит из угла в угол по комнате в рождественскую ночь?

Основание исходного сравнения тоже имплицитировано, но более прозрачно. С одной стороны, благодаря самому образу старого служивого и семантике фреквентативного глагола *kömmiskellä*, производного от *kömpiä* 'ходить с трудом, неуклюже, тащиться'. С другой стороны, – информации, содержащейся в следующем предложении, дополняющей общую картину: кряхтел (в исходном контексте *huuteli*) и потягивался. Несмотря на все отличия в образах, положенных в основу сравнения в исходном и переводном контекстах, общее ассоциативное сходство у них имеется.

(12) <...> ja silloin mieleen rupesi tussahtelemaan kaikenlaista tärkeää pötyä kuin kevätträystäiltä putoilevia vettyneitä kakkumaisia lumipaakkuja, <...> (Rimminen Mikko, Pussikaljaromaani)

<...> и тогда в голову вдруг полезли всевозможные мысли, как молодые ростки мать-и-мачехи на освободившемся от снега поле <...> (Роман с пивом, пер. Сидорова, Анна)

В этом примере, несмотря на кардинальные различия в сценариях, сопоставляемых в сравнениях исходного и переводного контекста, имеется общая, хотя и неявная концептуальная основа: описываемые события происходят весной. В исходном контексте появление мыслей о всяком вздоре сравнивается со шлепающимися с весенних крыш намокшими, напоминающими лепешки снежными комками.

Упоминания о весне содержится в составе сложного существительного *kevätträystäs*. В переводном контексте возможное время действия не выражено эксплицитно, но легко выводится из контекста: ростки мать-и-мачехи появляются весной.

Замену образа в данном случае нельзя объяснить ни объективными языковыми причинами, ни различиями в культурных реалиях.

Такой либеральный подход к переводу образного элемента художественного текста невольно возвращает к известной дилемме: кто есть переводчик – покорный раб или соавтор? Что в свою очередь отсылает к вопросу выбора переводчиком одной из полярных альтернатив: либо ориентироваться на культурно-языковую среду оригинала и стремиться сохранить специфику авторского стиля (включая средства выразительности и создаваемые образы), либо следовать литературным нормам и переводческой традиции языка перевода. Не последнюю роль при выборе переводческого решения, очевидно, играет и норма ожидания, то есть ожидания языкового коллектива относительно того, каким должен быть перевод определенного типа текста (Chesterman 1997, 64-67; Комиссаров 1990, 231-232).

5.1.2 ST троп X → ТТ троп Y

Образное сравнение исходного текста может быть переведено как сравнение, но, основанное на другом содержании, или передано с помощью другого тропа

Примеры использования данной стратегии в отобранном материале демонстрируют в большинстве случаев (16 из 25) замену образного сравнения метафорой, что в свою очередь свидетельствует о близости двух этих средств выразительности. Во всех рассмотренных примерах, вводимое переводчиком метафорическое выражение основывалось на образе, использованном автором при создании сравнения, поэтому тип метафоры – стертая, стандартная, оригинальная – в тексте перевода был уже «предопределен». Типы метафор приведены по П. Ньюмарку (Newmark 1987, 106-113). В 9 случаях образное сравнение в переводе заменялось эпитетом.

(13) *Auringonsäteet alkavat valua aukiolle kuin lämmin neste.* (Sinisalo Johanna, Ennen päivänlaskua ei voi)

Теплый поток солнечного света заливает вход в жилище троллей. (Троль, пер. Виролайнен, Лаура и Иоффе, Элеонора)

В тексте перевода исходное сравнение света и тепла, исходящего от солнца, с течением теплой жидкости преобразовано в стертую метафору *теплый поток солнечного света*. Фактически исходный текст уже содержит метафору *auringonsäteet alkavat valua* 'солнечные лучи начали литься', однако в переводном контексте все образное выражение трансформируется в развернутую метафору.

Лексико-семантическая замена слова *aukio* 'открытое место' на словосочетание *вход в жилище троллей* является модуляцией, основанной на информации, содержащейся в предшествующем исходном контексте.

(14) Henrik Hänninen kiinnosti minua yhä enemmän, *hän oli kuin varjo, joka väijyi perheensä taustalla*. (Lehtolainen Leena, Harmin paikka)

Этот человек интересовал меня все больше и больше – *мрачная, загадочная тень семейной истории Хяниненов*. (Змеи в раю, пер. Мельник, Татьяна)

Пример использования в тексте перевода стандартной метафоры, под которой П. Ньюмарк понимает устоявшуюся, но «не стертую» от чрезмерного использования и обладающую определенной эмоциональной теплотой метафору (Newmark 1987, 108). Во введенной переводчиком метафоре воспроизводится образ исходного сравнения – *varjo* 'тень', однако он расширен за счет характеристики, переданной определениями *мрачная* и *загадочная*. Основанием для такой конкретизации образа могло послужить опосредованное семантическое влияние глагола *väijyä* 'подстергать, подкарауливать, затаиться', так или иначе связанного со скрытой опасностью.

Помимо указанных семантических трансформаций в тексте перевода также происходит изменение структуры предложения и лексической когезии.

(15) Mutta ajattelin sinua, *Points de Malines liinaani, joka olet vanhuuttasi kuin kellertävä kukkaunelma*. (Wuolijoki, Hella, Enkä ollut vanki. Tuokiokuvia vankilasta)

Но думала о тебе, моя *фландрская скатерть, пожелтевшая от времени ... Волшебное море цветов*. (Нет, я не была узницей, пер. Викстрем, Терту)

Пример передачи авторского сравнения в тексте перевода с помощью метафоры, основанной на переосмысленном образе исходного текста.

В тексте перевода метафора вынесена в отдельное номинативное предложение, передающее скорее навеянную исходным образом ассоциацию, чем значение сравнения: *kellertävä kukkaunelma* 'желтоватая цветочная греза' – *волшебное море цветов*. Однако, новый метафорический образ не уступает исходному ни в экспрессивности, ни в яркости. Преобразование структуры сравнения сопровождается также переносом физической характеристики (цвета) объекта сравнения *kellertävä kukkaunelma* на субъект сравнения – [*скатерть,*] *пожелтевшая от времени*.

Этот пример интересен также с точки зрения изменения ритмики прозаического произведения.

Метафора отделена от предшествующего предложения многоточием, которое предполагает большую свободу смысловой интерпретации текста. Как пунктуационный знак, помимо других случаев использования, многоточие ставится для обозначения незаконченности высказывания, неопределенности, вызванной разными причинами, а также для указания на перерыв в речи (Розенталь 2013, эл. ресурс). В данном случае с

помощью многоточия в повествование вводится интонационная пауза, возможно, вызванная вздохом ностальгии.

В тексте перевода есть и другие лексико-семантические изменения. Вместо названия одного из видов бельгийского коклюшечного кружева – малин – *Points de Malines*, являющегося частью отделки скатерти, в текст перевода вводится определение, характеризующее его происхождение: *фландрская скатерть*. Именно цветочные мотивы этого вида кружева лежат в основе образа сравнения и, в конечном счете, – метафоры.

Следующие два примера демонстрируют замену образного сравнения в тексте перевода эпитетом.

(16) Kasulkin *mulkoili ympärilleen kuin härkä*. (Katz Daniel, Kun isoisä Suomeen hiihti)

И, *набывшись, осмотрелся вокруг*. (Как мой прадедущка на лыжах прибежал в Финляндию, пер. Смирнов Владимир)

Образное сравнение исходного текста *mulkoili kuin härkä* передано в тексте перевода в форме эпитета с помощью лексемы *набывшись*. При этом использована одна из традиционных структурных моделей эпитета: определяемый глагол (*осмотрелся*) + определяющее деепричастие (*набывшись*).

Посредством эпитета передается характеристика поведения и внешнего вида персонажа, основанная на зооморфном образе объекта исходного сравнения – быке. Значение глагола *набывшись* 'нахмурившись и слегка опустив голову, смотреть исподлобья, насупиться, сделаться похожим на быка' почти полностью совпадает с семантикой финского глагола *mulkoilla* 'поглядывать или пристально смотреть на кого-либо округлив глаза со злостью или подозрением' (KS, s.v. *mulkoilla*). Таким образом, между исходным сравнением и эпитетом, использованным в тексте перевода, можно провести параллели как в отношении понятийного, так и ассоциативно-образного плана.

(17) Herman kuului ratsuosastoon; hänellä oli mainio juoksija, *hevonen musta kuin korppi*. (Konkka J., Pietarin valot)

Герман служил в кавалерии, слыл хорошим наездником и гарцевал на *вороном коне*. (Огни Петербурга, пер. Лапатка, Якуб)

Концептуальной основой сравнения *hevonen musta kuin korppi* и эпитета *вороной конь* в этом примере является сходство по цвету: черный как ворон. Эпитет *вороной* является постоянным эпитетом слова конь, имеющим прямое значение, выражающее масть лошади (черная).

5.1.3 ST троп X → TT троп Ø

Образное сравнение исходного текста полностью опускается или передается в тексте перевода с помощью неметафорического высказывания

Стратегия характеризуется отказом от образности и использованием приема перефразирования. Применительно к материалу настоящего исследования границы данной стратегии расширились и охватили также случаи полного исключения образного сравнения из текста перевода.

Из общего количества примеров использования этой стратегии – 69 – в 30 случаях в тексте перевода сравнение было полностью опущено. Примечательно, что в двух случаях исходное предложение, содержащее сравнение, или вообще отсутствовало в тексте перевода, или было передано посредством вольного перевода. В 37 случаях сравнение переводилось посредством перефразирования.

Мотивы полного отказа переводчиков от воссоздания выбранных автором изобразительных средств и созданных образов в тексте перевода тем или иным способом остаются открытыми. Утрата образности при переводе художественного текста, одной из важнейших жанровых характеристик которого является эмоционально-экспрессивное воздействие на читателя, является нежелательной, однако может быть обусловлена рядом объективных причин, например, невозможностью найти соответствия в языке перевода.

Тем не менее, даже в таких случаях есть возможность «наверстать упущенное», прибегнув к приему компенсации, то есть воспроизвести утраченный образный компонент с помощью иных средств и в других местах текста перевода. Однако, рассматривая относительно небольшие переводные контексты (даже при расширении контекста до 50 предложений), не всегда представляется возможным выявить случаи использования этого приема в тексте перевода и сделать выводы о его эффективности. Примеры перефразирования оригинальных образных сравнений демонстрируют различные варианты их передачи в тексте перевода.

(18) <...> perhosia, joiden silmäkkeet *tuijottivat minua hämärästä kuin huuto*. (Hahtela Joel, Perhoskerääjä)

<...> бабочки, глазки которых смотрели на меня из сумрака, *как будто силились о чем-то сообщить*. (Собиратель бабочек, пер. Прилежаев, Иван)

В примере (18) объект авторского сравнения, выраженный существительным *huuto*, передается в тексте перевода с помощью развернутого высказывания.

Основание исходного сравнения имплицировано и сложно выводимо в ситуации, когда сопоставляются не понятия разных концептуально-тематических областей, а две физические характеристики – воспринимать окружающий мир с помощью зрения (экспрессивный глагол *tujoittaa* 'пристально смотреть, таращиться') и издавать голосом звуки (*huutaa* → *huuto* 'крик'). Перефразирование можно рассматривать как результат прагматической адаптации элемента исходного текста и альтернативный способ организации высказывания в тексте перевода. Такой подход к переводу может быть мотивирован различными причинами, в данном случае – стремлением обеспечить восприятие содержания исходного выражения, обладающего яркой экспрессией и эмоциональной напряженностью. Интересно, что семантика исходного сравнения немного «смягчается» в переводе за счет введение в сравнительную конструкцию маркера, включающего частицу *budто*, которая указывает на ирреальность ситуации (в действительности глазки бабочек не пытались ничего сообщить, это – иллюзия). Сравнение в тексте перевода все же не лишено выразительности и внутренней напряженности, о чем свидетельствует выбор эмоционально окрашенного глагола *силиться* 'стремиться сделать что-либо, значительно напрягаясь и затрачивая много физической, умственной и душевной энергии'.

В тексте перевода заметна также характерная особенность перефразирования (незначительное в данном контексте) – увеличение объема высказывания.

(19) Kettu huomasi taas *puhuvansa kuin helppoheikki*. Se räpytteli silmäripsiään ja teki käsillään kaaria, jotka vangitsivat vartijasuden katseen. (Mäkelä Hannu, Pekka Peloton)

Но тут на Лисоньку вновь *снизошло вдохновение*. Нежно улыбаясь, она принялась выводить лапками большие круги перед носом волкохрана, он замороженным взглядом следовал за ее движениями. (Бесстрашный Пекка, пер. Иоффе, Элеонора)

Оригинальное и перефразированное высказывание в этом примере связаны смысловой общностью, хотя и не имеют общих лексических компонентов. Экспрессивный образ ярморочного зазывалы *helppoheikki* опущен в тексте перевода, однако характеристика, традиционно связанная с этим образом, – воодушевленное привлечение покупателей к своему товару – находит свое выражение в тексте перевода, хотя и в несколько ином контексте.

(20) Jerryn silmäripset *alkoivat lakaista silmälasien sisäpintaa kuin pikku luudat*, ja hän koetti kiireesti vaihtaa puheenaihetta. (Larni, Martti, Neljäs nikama eli Veijari vastoin tahtoaan)

Джерри *заморгал глазами* и поспешил перевести разговор на другую тему. (Четвертый позвонок, или мошенник поневоле, пер. Богачев В. Н.)

Пример более сжатого перефразирования, фактически смысловой компрессии содержания развернутого сравнения в тексте перевода.

В блестящем сатирико-юмористическом романе Мартти Ларни найдется немало остроумных высказываний, обличающих карикатур, разнообразных стилистических фигур и лексических средств выразительности. Одно из них – развернутое образное сравнение быстро моргающих ресниц с маленькими метелками сводится в переводе к лаконичному словосочетанию *заморгал глазами*. Этому имеется свое объяснение: ранее в тексте произведения уже встречалась схожая по форме метафора – *tytön pitkät silmäripset lakaisivat hetkisen silmälasien sisäpintaa*, для передачи которой переводчик прибег к образному сравнению, аналогичному рассматриваемому в примере по структуре и смыслу: *Длинные ресницы девушки, словно маленькие венички, быстро подмели изнутри стекла очков*. По-видимому, отказ от образности при передаче рассматриваемого сравнения, был обусловлен желанием избежать повторения уже однажды использованного образа в тексте перевода.

Примеры полного опущения сравнений в тексте перевода.

(21) Juuri silloin katkesi myös levyautomaatin laulu ja hiljaisuudessa joka kaikui kuin kirkko heleänpunaiseksi karahtanut Emil kaivoi lompakon takataskustaan ja otti sieltä ainoan setelinsä. (Krohn Leena, Ihmisen vaatteissa)

В автомате как раз закончилась песня. *Наступила тишина*. Эмиль залился краской, вынул из заднего кармана кошелек и достал оттуда одну-единственную купюру. (В одежде человека, пер. Сидорова А.)

Сравнение, вызывающее устойчивую ассоциацию глубокой тишины, отзывающейся эхом в сводах церкви, усиливающее чувство смущения героя, не включено в текст перевода. Нельзя сказать, что опущение сравнения оказывает существенное влияние на логику развития событий или динамику повествования в переводе, однако элемент образности в конкретном контексте оказывается утерян. В определенной степени потеря экспрессивности компенсируется расстановкой интонационных пауз за счет новой организации предложений.

(22) Hän katsoi minua silmiin hymyilevin silmin, vaikka suru oli yhä hänen ruskeitten silmiensä pohjalla kuin musta vesi syvään kaivoon katsoessa. (Waltari Mika, Sinuhe egyptiläinen)

Она смотрела в мои глаза смеющимися карими глазами, *хотя на дне их оставалась печаль*. (Синухе, египтянин, пер. Богачев В., Виролайнен Л., Каменская Е.)

Лиризм, свойственный художественному миру исторического романа Мика Валтари «Синухе, египтянин», часто проявляется в выборе словесных образов, выразительных характеристик и сравнений. Рассматриваемое сравнение не исключение, хотя

использованный образ – сравнение глаз с глубокими (бездонными) колодцами, с затаившейся на дне печалью – довольно традиционный, однако обладает силой эстетического воздействия на читателя. В тексте перевода сохранена только часть образного выражения – метафора *на дне их [глаз] оставалась печаль*.

5.1.4 Замена свободного образного сравнения исходного текста фразеологическим оборотом в тексте перевода

В данном пункте рассматриваются случаи замены оригинального свободного или авторского образного сравнения фразеологическим оборотом в тексте перевода. Несмотря на очевидные различия в синтаксической структуре и компонентном составе, образной основе и зачастую эмоционально-экспрессивной коннотации, все случаи такой замены в тексте перевода характеризуются (близким или отдаленным) семантическим сходством с оригиналом. В ходе анализа материала обнаружилось, что при использовании такого подхода в тексте перевода почти всегда наблюдаются определенные информационные потери или семантические сдвиги разного характера.

(40) *Vastailin toimittajan kysymyksiin lyhyesti. Koko illan jatkunut puhuminen sai suuni tuntumaan kuivalta kuin petäjänkuori.* (Lehtolainen Leena, Ensimmäinen murhani)

Поэтому на вопросы отвечала коротко и сухо. К концу вечера я *чувствовала себя как выжатый лимон*. (Мое первое убийство, пер. Мельник, Татьяна)

В этом примере использование в тексте перевода компаративного фразеологизма *чувствовать себя как выжатый лимон* со значением 'утратить физические или духовные силы, быть сильно измотанным, уставшим' приводит к небольшому изменению причинно-следственных связей в повествовании. Оригинальное сравнение *suu tuntuu kuivalta kuin petäjänkuori* 'рот кажется сухим как сосновая кора' описывает состояние сухости во рту, вызванного долгой беседой, в то время как переводное соответствие передает значение крайнего утомления после длительного допроса.

(41) *Mutta Aapo on vaiti kuin jäätynyt järvi.* (Kivi, Aleksis, Seitsemän veljestä)

Что ж это ты умолк, Аапо, *точно воды в рот набрал?* (Семеро братьев, пер. Карху, Эйно)

Поэтическое авторское сравнение Алексиса Киви *vaiti kuin jäätynyt järvi* 'молчит как замерзшее озеро' заменяется в тексте перевода традиционным компаративным фразеологизмом [умолк] *точно воды в рот набрал* в значении 'онемел, лишился дара речи'. Несмотря на то, что сравнения исходного и переводного фрагментов различаются

в плане выражения, их актуальные значения соотносимы и имеют общий, хотя и неявно выраженный в финском сравнении компонент *вода*.

(42) Niin pitkä virsi kuin navetan seinähirsi». (Kivi, Aleksis, Seitsemän veljestä)

А псалму моему *конца-краю не видать*. (Семеро братьев, пер. Карху, Эйно)

В качестве соответствия в тексте перевода использовано устойчивое парное сочетание близких по значению слов, стоящих в одной форме *конца-краю не видать*. Выражение в тексте перевода описательно передает значение исходного сравнения [*virsi pitkä*] *kuin navetan seinähirsi* 'псалом длинный, как (цельное) стеновое бревно хлева'. Выбор такого основания для исходного сравнения базируется на знаниях о технологии строительства деревянных построек: стены традиционно возводились из цельного обтесанного бревна. Рифмовка, которую мы видим в исходном тексте, в тексте перевода не сохраняется.

(44) Minä rakastan sinua niin kuin saatana pappia! (Larni, Martti, Neljäs nikama eli Veijari vastoin tahtoaan)

Я люблю тебя, как *черт ладан!*.. (Четвертый позвонок, или мошенник поневоле, пер. Богачев, Владимир Николаевич)

Интересный пример инициированного контекстом нестандартного употребления устойчивого сравнения *бояться, как черт ладана*. Положительная формулировка оригинального авторского сравнения *rakastan sinua niin kuin saatana pappia* 'люблю тебя как дьявол священника' содержит имплицитное отрицание и обладает иронической коннотацией. Исходное высказывание таким образом приобретает значение, полностью противоположное его буквальному смыслу. Тот же прием повторяется в тексте перевода, но уже на основании устойчивого выражения, что сопровождается изменением лексической формы фразеологизма путем замены глагола (*бояться* → *любить*). Иронический оттенок высказывания сохраняется в тексте перевода в полном объеме.

5.1.5 Случаи неэквивалентного перевода

Примеры перевода с некорректной передачей смысла, среди которых можно выделить следующие случаи:

1. Вероятная опечатка.

(23) <...> sillä en siedä nähdä sinua, kun puhuessasi *määit* kuin murheellinen vuohi ja laihdut silmissäni <...> (Waltari Mika, Sinuhe egyptiläinen)

<...> не могу я видеть, как ты худеешь на глазах и *болеешь*, подобно опечаленной козе
<...> (Синухе, египтянин, пер. Богачев В., Виролайнен Л., Каменская Е.)

Исходя из содержания текста оригинального сравнения – *määit kuin murheellinen vuohi*, можно предположить, что в тексте перевода имеет место опечатка *блеешь – блеешь* [подобно опечаленной козе].

2. Некорректная передача смысла исходного сравнения из-за возможной ошибки прочтения.

(24) Hänen kaunis *suunsa oli kuin aisatiuku*, jonka kieli oli jatkuvasti liikkeellä. (Larni, Martti, Neljäs nikama eli Veijari vastoin tahtaan)

Ее красивый *рот был точно деловой колокольчик*, который не знает ни минуты покоя. (Четвертый позвонок, или мошенник поневоле, пер. Богачев, Владимир Николаевич)

Ясно, что мотивы принятия переводчиком того или иного решения остаются неизвестны, тем не менее можно сделать предположение, что выбор приведенного эквивалента был связан с ошибкой прочтения *aisatiuku – asiatiuku*, в результате чего появилось такое переводное соответствие, как *деловой колокольчик*. *Aisatiuku* или *aisakello* – колокольчик, подвешиваемый под дугой лошади (KS, Suomen murteiden sanakirja).

3. Неверный перевод или замена образа?

(25) <...> musta jumppaava taivas joka hajosi maahan lämpimänä vetenä ja jota pitkin *salamat nelistivät kiljuen kuin pillastuneet taivaanvuohet tai sellaiset* <...> (Rimminen Mikko, Pussikaljaromaani)

<...> и темное колышущееся небо, теплой водой ниспадающее на землю, и *обезумевшие молнии, мечущиеся по небу, словно потерявшиеся овцы* или что-то в этом роде <...> (Роман с пивом, пер. Сидорова, Анна)

Сложно объяснить, чем в данном случае была мотивирована замена оригинального образа *pillastuneet taivaanvuohet* 'обезумевшие бекасы' на *потерявшиеся овцы* в тексте перевода: неверным переводом или намеренной заменой образа.

(26) Ecke makaa lattialla ja aivan joka paikassa on verta. Valkoinen nahkasohva on *kuin irvokas kärpässieni*. (Sinisalo Johanna, Ennen päivänlaskua ei voi)

Экке лежит на полу, а вокруг него все залито кровью. Белый диван выглядит как *наглый мухомор*. (Троль, пер. Виролайнен, Лаура and Иоффе, Элеонора)

Пример (26) демонстрирует случай свободной интерпретации контекста оригинального текста. В исходном фрагменте диван сравнивается с мухомором на том основании, что он залит кровью и, вероятно, то тут, то там виднеются небольшие белые просветы, что в целом напоминает внешний вид упомянутого гриба. Если представить размеры такого стилизованного «мухомора», то становится понятным и обоснованным использование в оригинале такого определения как *irvokas*, которое можно перевести, как 'гротескный'.

4. Изменение содержания и значения сравнения.

(27) <...> yhteinen leikkensä, joka oli versonut sana sanalta ja *alkanut kukkia utuisasti ja kellertävästi niin kuin kuolleet kielet kukkivat* <...>. (Oksanen Sofi, Puhdistus)

<...> совместной игры, которая становилась от слова к слову все более захватывающей, *зацветала как желтые цветы, раскрывающиеся в сумраке*. (Очищение, пер. Джафарова-Виитала, Таисья)

Образ, лежащий в основе авторского сравнения [*kukkia*] *kuin kuolleet kielet kukkivat* ' [расцветать] как расцветают мертвые языки', довольно трудно интерпретировать, даже несмотря на выраженный признак *utuisasti ja kellertävästi* 'туманно и желтовато'.

Возможно, изменение содержания и значения сравнения при сохранении отдельных лексических элементов связано с этой особенностью.

Выше были рассмотрены все встретившиеся в исследовательском материале типы переводческих стратегий, использованные переводчиками для передачи образных сравнений в составе сравнительной конструкции с союзом *kuin*.

В следующих пунктах будут рассмотрены способы перевода устойчивых сравнений в рамках указанной конструкции.

5.1.6 Способы перевода устойчивых сравнений, выраженные сравнительной конструкцией с союзом *kuin*

Всего в оригинальных контекстах было выявлено 23 случая использования устойчивых сравнений в форме сравнительной конструкции с союзом *kuin*. Были найдены примеры всех способов перевода идиоматических выражений, кроме полного опущения фразеологической единицы.

Как видно из Таблицы 8, полный эквивалент употреблялся в тексте перевода в 5 случаях, а частичный – только в одном. В 7 случаях в переводном контексте использовался аналог финского фразеологизма, при этом два примера оказались спорными (с высокой вероятностью их можно отнести к случаям неэквивалентного перевода). К описательному переводу устойчивого сравнения переводчики прибегли в 5 случаях, к лексическому переводу и калькированию – в 1 и 3 случаях соответственно.

Таблица 8. Способы перевода устойчивых сравнений с маркером *kuin* в переводных контекстах корпуса «ПарФин»

Способ перевода устойчивых сравнений	Количество случаев использования	Процентная доля от общего количества примеров (%)
полный эквивалент	5	22
частичный эквивалент	1	4
фразеологический аналог	7	31
описательный перевод	5	22
лексический перевод	1	4
калькирование	3	13
неэквивалентный перевод	1	4
Всего	23	100%

Изучение встретившихся финских фразеологизмов происходило с опорой на информацию, представленную в словарях Э. Кари *Naulan kantaan: nykysuomen idiomisanakirja* (Kari 1993), П. Муйкку-Вернер *Suurella sydämellä ihan sikana: suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja* (Muikku-Werner ym. 2008), Ю. Кивимиес *Näinkin voi sanoa: suomen kielen fraseologiaa* (Kivimies 1964), электронной версии словаря «Института языков Финляндии» *Kielitoimiston sanakirja* и Финском этимологическом словаре *Suomen etymologinen sanakirja* (электронная версия), Большом финско-русском словаре под редакцией И. Вахроса и А. Щербакова (Вахрос и Щербаков 2002).

Во время работы с русскими фразеологизмами, обнаруженными в переводных контекстах, использовались фразеологические словари современного русского языка под ред. А. Н. Тихонова (Королькова и др. 2004; Тихонов и др. 2007), А. И. Молоткова (Войнова и др. 1987), Словарь русской фразеологии А. К. Бириха (Бирих и др. 1998), Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов К. Н. Дубровиной (Дубровина 2010), Историко-этимологический справочник по русской фразеологии В. М. Мокиенко (Мокиенко 2004), а также Академический словарь русской фразеологии под редакцией А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского (Баранов и Добровольский, 2020).

С известной осторожностью ввиду отсутствия контекстов употребления и использования так называемых системных, а не функциональных эквивалентов (Добровольский 2011, 239-243) использовались двуязычные словари и пособия: иллюстрированный словарь русских фразеологизмов с переводом на финский *Osuvasti sanottu: venäläiset sanonnat*, словарь в картинках М. Дубровина *Venäläiset sanonnat kuvina* (Дубровин 1981), пособие Н. М. Шанского и Е. А. Быстровой *700 venäjän kielen sanontatapa ja lauseenpartta* (Шанский и Быстрова, 1979) и пособие А. Родима и И.

Вехмас-Лехто *Onnea ja menestystä: venäläisiä fraseologismeja suomalaisille* (Rodima & Vehmas-Lehto 1999).

5.1.7 Полный фразеологический эквивалент

Полные эквиваленты представляют собой почти идентичные фразеологизмы сопоставляемых языков как с точки зрения плана содержания (обладают тем же денотативным и коннотативным значением, тождественны в отношении метафоричности и эмоционально-экспрессивной окраски), так и плана выражения (сходная структурно-грамматическая организация и компонентный состав).

Допускается незначительно лексическое варьирование, не затрагивающее образной основы фразеологизма.

Зачастую полные эквиваленты представляют собой интернационализмы, происходящие из единого источника или заимствованные из третьего языка. К такому типу фразеологизмов относятся и библеизмы – устойчивые выражения, так или иначе связанные с текстом Священного Писания, примеры которых были найдены в языковом материале.

(28) *Kuin tuhlaajapoika* astuin siihen pieneen porstuakamariin, jossa isä ja äiti olivat jo muutamia päiviä minua odottaneet. (Konkka J., Pietarin valot)

Блудным сыном я вошел в маленькую комнатку, где отец и мать уже несколько дней ждали меня. (Огни Петербурга, пер. Лапатка, Якуб)

Концептуальной основой сравнения исходного и переводного фрагментов является устойчивое выражение, возникшее на базе новозаветного образа путем его переосмысления.

Сравнение основано на образе из притчи Иисуса Христа о блудном сыне, приведенной в 15-й главе Евангелия от Луки, в иносказательной форме повествующей о покаянии и прощении, о любви и сострадании к оступившемуся, совершившему ошибку человеку. Следует обратить внимание на обстоятельство, обусловившее выбор эквивалентов в финском и русском языках. При интерпретации рассматриваемой притчи в западном христианстве акцент часто, хотя и не всегда, делался на расточительности и мотовстве младшего сына, что отразилось в свою очередь на выборе слов, характеризующих его (Григорьев 2012, 80). Вероятно, так произошло и в финском языке: *tuhlaajapoika* 'расточительный сын'. В восточнохристианской, а затем и в славянской традиции используется выражение *блудный сын*, где блудный — это 'заблудший, заблудившийся',

при этом в сочетании *блудный сын* выражена идея того, что, блуждая, человек может, покаявшись, снова вернуться на путь истинный (там же). А. В. Григорьев отмечает, что в древнерусском языке слово *блудный* обладало двумя значениями: 'имеющий отношение к заблуждению, ошибке' и 'развратный, распутный, непристойный', однако ни в случае одиночного употребления, ни в составе устойчивого сочетания *блудный сын* у слова отсутствовало значение 'расточительный' (там же, 81-82). Только с конца XVIII века под влиянием европейских языков семантика слова *блудный* начала претерпевать изменения, утратив значение 'имеющий отношение к заблуждению' и приобретя значение 'расточительный' (там же, 82-83).

Сравнения исходного и переводного фрагментов несколько различаются по структурно-грамматической организации: в финском тексте использовано сложное слово *tuhlaajapoika*, в русском – словосочетание *блудный сын*. Это различие обусловлено особенностями словообразования в финском языке, однако по характеру внутренних семантических связей – зависимое определение (*tuhlaaja-*, *блудный*) + определяемое главное слово (*-poika*, *сын*) – рассматриваемые фразеологические единицы схожи.

(29) <...> mies on kuin auto: ellei sitä jatkuvasti *hoida kuin silmäteräänsä*, on se vaihdettava uuteen. (Larni, Martti, Neljäs nikama eli Veijari vastoin tahtoaan)

<...> муж – точно автомобиль: если его не *беречь постоянно как зеницу ока*, его приходится заменять. (Четвертый позвонок, или мошенник поневоле, пер. Богачев, Владимир Николаевич)

В основу сравнения в примере (29) положено неоднократно встречающееся в Библии образное выражение *varjella [jotakin] kuin silmäteräänsä*, использованное в исходном контексте в форме *hoitaa kuin silmäteräänsä* вследствие варьирования глагольного компонента.

В переводном контексте использован библейский оборот с архаическим компонентом *зеница* в переводе с церковнославянского 'зрачок'. Русское устойчивое сравнение *беречь (хранить) кого-то (что-то) как зеницу ока* имеет то же значение, что и финское 'заботливо, тщательно, бдительно, с особой ответственностью охранять, оберегать кого (что)-либо'.

(30) Toinen tuomituista vain *vapisi kuin haavanlehti*, mitään puhumatta ja ilmeisesti myös mitään näkemättä ja kuulematta. (Linna Väinö, Tuntematon sotilas)

Другой солдат продолжал *дрожать как осиновый лист*, ничего не говоря и, очевидно, ничего не видя и не слыша. (Неизвестный солдат, пер. Смирнов, В. и Марцина, И.)

Подмеченная особенность листьев осины совершать колебания даже при самом слабом движении воздуха нашла отражение в устойчивом образном сравнении. Эффект «дрожания» объясняется физиологией листа осины, а именно особым устройством листового черенка. Однако в христианской мифологии существует различные версии, объясняющие постоянное дрожание осины: дерево «выказывало» неуважение к Христу в переломные периоды его жизни, «предало» Святое семейство во время бегства в Египет, на осине закончил свои дни Иуда (Агапкина 2016, 303-310).

В исходном и переводном контекстах сравнение использовано в своем основном значении, общем для обоих языков 'очень сильно дрожать, обычно от волнения или страха'.

5.1.8 Частичный фразеологический эквивалент

Для частичных фразеологических эквивалентов характерны незначительные различия в синтаксической структуре, лексическом составе и образной составляющей при совпадении актуальных значений. Различия, как правило, затрагивают компонентный состав фразеологизмов, причем, в качестве различающихся компонентов зачастую выступают лексемы сходной понятийной или смежной семантики.

(31) Tuossa nyt *mällistelee* vastaan yksi *kuin sonni kohden uutta porttia*. (Kivi, Aleksis, Seitsemän veljestä)

Ишь как один-то *установился*, все равно что баран на новые ворота. (Семеро братьев, пер. Карху, Эйно)

Использованный в исходном контексте фразеологизм является вариантом устойчивого выражения *katsoo kuin lehmä uutta porttia [veräjää]*, в котором варьируется именной и глагольный компоненты. Выражение с компонентом *sonni* 'бык' также распространено в финском языке, о чем свидетельствуют примеры употребления, найденные в открытых источниках. Словари тем не менее приводят только один вариант – выражение с компонентом *lehmä* 'корова'.

Исходный и переводной фразеологизмы обладают идентичной эмоционально-экспрессивной коннотацией и имеют одинаковое значение 'с недоумением, в растерянности, глуповато смотреть на кого-что-либо'. Структурно-грамматическая организация обоих выражений идентичная. Различия находятся на уровне компонентного состава, но не влияют на образность вследствие схожести семантики

объектов сравнения *sonni* 'бык' → *баран*: животные относятся к разным видам, но являются по сути гипонимами суперординаты «домашний рогатый скот».

5.1.9 Фразеологический аналог

Фразеологическими аналогами называют фразеологизмы сопоставляемых языков, выражающие одинаковое или близкое значение, но характеризующиеся полным различием или только приблизительным сходством внутренней формы.

(32) Mutta erehdystä ei tarvitse valittaa, sillä minulla oli Euroopassa koiraklinikka ja minä *tunnen* tällaiset tapaukset *kuin omat taskuni*. (Larni, Martti, Neljäs nikama eli Veijari vastoin tahtoaan)

Но вы можете не жалеть об этой ошибке, так как у меня в Европе была собачья клиника и случаи такого рода *я знаю как свои пять пальцев*. (Четвертый позвонок, или мошенник поневоле, пер. Богачев, Владимир Николаевич)

Для обоих устойчивых сравнений характерно совпадение значения ('знать очень хорошо, досконально') и синтаксической структуры при почти полном различии компонентного состава – фразеологизмы исходного и переводного контекстов имеют только два общих компонента: глагольный *tuntea* 'знать' и именной *omat* 'свои'. Их образная основа существенно различается, но логически сопоставима и сохраняет идентичное экспрессивное и стилистическое значение.

В дальнейшем, при рассмотрении другого способа перевода фразеологических единиц в качестве примера будет приведен фрагмент финского текста, содержащий такое же устойчивое сравнение, однако переводческое решение окажется совсем иным.

Следующие два примера демонстрируют использование разных аналогов для перевода одного и того же исходного устойчивого выражения.

(33) Puolamäki oli koko ajan *nukkunut kuin tukki*, ei ollut herännyt toverinsa huutoihinkaan. (Sillanpää Frans Emil, Ihmiset suviyössä)

Пуоламяки же все это время *спал как убитый*, и даже крики приятеля его не разбудили. (Люди в летней ночи, пер. Муравин, Геннадий)

Финское устойчивое выражение *nukkua kuin tukki* 'спать очень крепко' переводится компаративным фразеологизмом *спать как убитый* с полностью совпадающим значением 'спать крепко, непробудно'. Аналоги обладают сходной структурно-грамматической организацией и различаются только одной лексемой в компонентном составе. Образные основы фразеологизмов различны, однако источником обоих образов – *tukki* 'бревно' и *убитый* – является общая семантическая модель: лежать без движения, не шелохнувшись.

(34) *Minähän nukuin kuin tukki.* (Lehtolainen Leena, Harmin paikka)

Меня тогда и из пушки невозможно было разбудить. (Змеи в раю, пер. Мельник, Татьяна)

В этом примере в переводном контексте используется другой аналог того же финского устойчивого выражения. Несмотря на очевидные различия в структуре и образной составляющей, оригинал и аналог выражают одно и то же значение 'крепко спать'.

Использованное в переводном контексте выражение *из пушки невозможно было разбудить* представляет из себя узуальный вариант фразеологизма *спит – хоть из пушек пали*. Структурные изменения использованного переводчиком выражения не выходят за рамки допускаемого языком варьирования и не отражаются на его смысловом содержании.

5.1.10 Описательный перевод

Описательный или неметафорический перевод фразеологизма сводится к передаче только переносного смысла переводимого устойчивого выражения при помощи лексических средств. Перевод фразеологизма со снятием образности естественно связан с потерей выразительности, что, применительно к художественным текстам, является нежелательным, поэтому такое решение является по большей части вынужденной мерой.

К такому способу перевода, как правило, прибегают в случае отсутствия фразеологического эквивалента или аналога или же в силу невозможности воспользоваться ими в конкретном контексте, что является немаловажным обстоятельством.

Следующие два примера содержат в исходном контексте устойчивые выражения, характеризующие полярные эмоциональные состояния человека – злость и радость. В обоих случаях переводчики прибегли к описательному переводу.

(35) <...> mutta hänen mielestään Vera ei ollut hullu vaan *kiukkuinen kuin ampiainen*. (Konkka Anita, Hullun taivaassa)

Сама же Вера, как ему казалось, не походила на сумасшедшую. *Она была скорее агрессивной*. (В сумасшедших небесах, пер. Джафарова-Виитала, Таисья)

Исходный фразеологизм с компонентом-энтонимом *ampiainen* 'оса' имеет выраженную отрицательную коннотацию и используется в контексте для передачи оценочной характеристики человека *kiukkuinen kuin ampiainen* 'злая (вспыльчивая, легко раздражающаяся) как оса'. Параллельный контекст содержит описательный перевод

этого выражения, включающий лексему *агрессивная*, которая по своей семантике близка актуальному значению финского фразеологизма и обладает соответствующей эмоционально-экспрессивной коннотацией.

В русском языке существует компаративный фразеологизм *злой как собака*, выражающий сходное значение 'очень злой', однако по всем остальным параметрам – образной основе, мотивированности и экспрессивному воздействию – он отличается от финского. Если «злость» собаки объясняется ее сторожевыми, охранными функциями, и не является обязательной постоянной характеристикой образа, то поведение ос стереотипно считается агрессивным вне зависимости от внешних побуждающих факторов. Сопоставление схожих по структуре и близких по значению устойчивых выражений, имеющих в своей основе разные образные составляющие, наглядно демонстрирует влияние ментального образа (то есть внутренней формы) фразеологизма на его фактическое значение. Важно и другое обстоятельство: существование в разных языках устойчивых выражений, по-разному описывающих одни и те же концепты, в данном случае 'злость', дает основания считать, что речь идет о различных способах его осмысления (Баранов и Добровольский 2008, 100). При этом разнообразие ракурсов восприятия явления обнаруживается даже в пределах одного языка: ср. *злой как собака*, *злой как змея*, *злой как черт*.

(36) *Rokka oli iloinen kuin peirronen.* (Linna Väinö, Tunteimatton sotilas)

Рокка был необычайно оживлен. (Неизвестный солдат, пер. Смирнов, В. и Марцина, И.)

В примере (36) с помощью устойчивого сравнения характеризуется другое эмоциональное состояние человека – радость. В современном финском языке для обозначения видового названия небольшой певчей птицы *зяблика* используется слово *peirpo*, однако в литературе в качестве синонима довольно часто встречается *peirronen* (также *peironen*). Словом *peirpo(-nen)* изначально называли различных небольших птичек, издающих характерные трели, а как видовое имя *peirpo* закрепилось за зябликом только в начале 20 века (Kotus, *peirpo*). Типовую формулу устойчивого сравнения можно представить в форме *веселый как маленькая певчая птичка*.

Сравнение *iloinen kuin peirronen* имеет фразеологический синоним с прилагательным *pirteä* 'бодрый, резвый, оживленный', который, судя по всему, и был положен в основу описательного перевода. Интересно, что в русском языке нет стилистически подходящего устойчивого эквивалента или аналога финскому выражению в форме

компаративного фразеологизма для выражения радости, однако существует оборот *быть на седьмом небе*, обладающий значением 'испытывать большую радость, счастье'.

5.1.11 Лексический перевод

Лексический перевод фразеологизма применим в тех случаях, когда исходное устойчивое выражение исходного языка имеет семантическое соответствие в языке перевода в виде отдельной лексемы или набора отдельных лексем.

(37) Hän on kuollut kuin kivi. (Katz Daniel, Kun isoisä Suomeen hiihti)

Он мертв-мертвехонек. (Как мой прадедушка на лыжах прибежал в Финляндию, пер. Смирнов Владимир)

В этом примере наблюдается полное несоответствие плана выражения между финским фразеологизмом *on kuollut kuin kivi* 'мертв как камень' и переводным лексическим эквивалентом, выраженным бессоюзным соединением двух однокоренных прилагательных, второе из которых выражает высокую степень признака *мертв-мертвехонек*. При этом актуальное значение 'совершенно мертв, не подает никаких признаков жизни' как и эмоционально-оценочная коннотация и стилистическая окраска оказывается полностью переданными. В идиоматическом словаре Э. Кари (Kari 1993, 70), где приведен этот пример, нет стилистической пометы, однако ориентируясь на классификацию Я. Корхонена (Korhonen 2018, 156-160) можно заключить, что финский фразеологизм относится к разговорному стилю. Русский эквивалент имеет ту же стилистическую окраску и относится к просторечиям.

5.1.12 Калькирование

При калькировании устойчивое выражение языка исходного текста переводится дословно и организуется во фразу в соответствии с нормами языка текста перевода. Принимая во внимание определенные достоинства этого способа перевода – сохранение образной основы оригинала и экспрессивно-эмоционального значения, – необходимо отметить также и существенные ограничения в его применении. Без достаточной мотивированности значения исходного устойчивого выражения значениями его компонентов (то есть «прозрачности» образа) создание соответствия-кальки приведен к разрушению смысла фразеологизма. Применение калькирования имеет смысл в том случае, если воспроизведение устойчивого выражения исходного текста в переводе позволит передать его переносное значение.

(38) Aika kävi pitkäksi kuin nälkävuosi ... (Lassila Maiju, Tulitikkuja lainaamassa)

Время тянулось долго, как тянется голодный год ... (За спичками, пер. Зощенко, М.)

Фразеологизм в исходном тексте имеет довольно понятное происхождение и мотивацию. Несмотря на большое количество устойчивых выражений, пословиц и поговорок, связанных с концептом 'голод', в русском языке нет прямого эквивалента или аналога финскому выражению, что обусловило использование кальки. В данном случае с помощью калькирования создается скорее не воспринимаемый как инновация образ иноязычного происхождения, а вполне естественное соответствие, понятное и приемлемое для носителей языка перевода.

(39) Kaikki mainitsemani pankit ovat erittäin luotettavia rahalaitoksia. *Tunnen niiden tiliaseman kuin omat taskuni.* (Larni, Martti, Neljäs nikama eli Veijari vastoin tahtaan)

Все названные мною банки являются исключительно надежными финансовыми учреждениями. Я знаю их финансовое положение, как свои карманы. (Четвертый позвонок, или мошенник поневоле, пер. Богачев, Владимир Николаевич)

Еще один пример перевода финского фразеологизма *tuntea kuin omat taskuni* (ср. пример 32). В этом примере в тексте перевода используется калька с оригинала *знать как свои карманы*.

В данном случае у рассматриваемого фразеологизма в языке перевода есть традиционный аналог *знать как свои пять пальцев*, однако переводчик предпочел другое решение. Возможно, в этом контексте устойчивое выражение «обыгрывается» через сопоставление понятий *финансовое положение банков* и *свои карманы*.

5.1.13 Неэквивалентный перевод или контекстуальная замена?

(45) Jos irtaannumme hiljaa ja kierrämme näiden lampikannasten kautta, niin *pääsemme kuin koira veräjältä.* (Linna Väinö, Tuntematon sotilas)

Если мы оторвемся без шума и пойдем в обход по озеру по этим узким перешейкам, - сказал Коскела, - мы как *путь дать* уйдем от противника. (Неизвестный солдат, пер. Смирнов, В. и Марцина, И.)

Устойчивые образные сравнения *päästä kuin koira veräjältä* и *[что-то произойдет] как путь дать* не являются эквивалентами в их современном значении.

Финская идиома имеет значение 'легко, без особых усилий выйти из затруднительной ситуации, неприятностей'. В словарной статье фразеологического словаря П. Муйкку-Вернер есть указание на негативную коннотацию (Muikku-Werner ym. 2008, 119).

Выражение *как путь дать* основано на традиции давать путникам напиток, а поскольку дать воды – простое и легкое дело, оборот первоначально употреблялся в

значении 'быстро, легко' (Грамота, справочник по фразеологии, s.v. как пить дать). Современное значение 'обязательно, непременно' и форма оборота сложились к середине XIX века (там же). В Академическом словаре русской фразеологии значение рассматриваемого оборота объясняется, как выражение уверенности в том, что нечто плохое обязательно и закономерно произойдет или уже произошло, реже встречаются контексты с положительно оцениваемым событием (Академический словарь русской фразеологии 2014, 477-478).

Двуязычные словари приводят в качестве аналога исходного выражения фразеологизм *вийти сухим из воды* ('остаться безнаказанным, уклониться от заслуженного наказания'), который совпадает с исходным по актуальному значению и экспрессивной коннотации. Однако вряд ли его можно было бы использовать в рассматриваемом контексте в неизменной, словарной форме.

Устойчивое выражение *как пить дать* и исходный финский фразеологизм существенно различаются как по фактическому значению, так и по образному компоненту. Все же переводной вариант в рамках конкретного фрагмента можно рассматривать как контекстуальное соответствие, «вплетенное» в общую канву текста, мотивированное и обладающее необходимым художественным колоритом.

5.2 Примеры с использованием лексем компаративной семантики: наречиями *lailla* и *tavoin* и прилагательным *kaltainen*

В языковом материале было найдено 74 примера образных сравнений с участием наречий *lailla* и *tavoin*, а также прилагательного *kaltainen*.

Количество примеров по типам переводческих стратегий различается в зависимости от рассматриваемого маркера, однако в целом в ходе анализа параллельных контекстов были выявлены все три основных способа перевода. Результаты исследования представлены в сводной Таблице 9.

Таблица 9. Способы перевода свободных образных сравнений с участием маркеров *lailla*, *tavoin* и *kaltainen* (на материале из корпуса «ПарФин»)

Способ перевода	Маркер сравнения		
	<i>lailla</i>	<i>tavoin</i>	<i>kaltainen</i>
1. ST троп X → TT троп X	17	13	29
2. ST троп X → TT троп Y	1	4	2
3. ST троп X → TT троп Ø	4	2	2
Всего	22	19	33

Несмотря на то, что поиск по корпусу не был ограничен определенным количеством примеров образных сравнений, включающих указанные маркеры, результаты поиска по наречиям *lailla* и *tavoin* оказались довольно небольшими – 22 и 19 примеров соответственно. В связи с этим было предпринято исследование параллельных контекстов в «обратном» порядке – перевод с русского языка на финский – с целью изучения степени распространенности указанных маркеров в составе образных сравнений уже в переводных контекстах. То есть поиск заданных маркеров осуществлялся через поисковую систему корпуса «ПарРус» и в качестве примеров рассматривались финские переводные контексты. Результаты этого исследования незначительно разнились в отношении количества примеров по маркеру *lailla*, зато количество случаев использования наречия *tavoin* в переводных контекстах оказалось существенно выше, чем в оригинальных (см. Таблицу 10).

Таблица 10. Способы перевода свободных образных сравнений с участием маркеров *lailla* и *tavoin* (на материале из корпуса «ПарРус»)

Способ перевода	Маркер сравнения	
	<i>lailla</i>	<i>tavoin</i>
1. ST троп X → TT троп X	13	87
2. ST троп X → TT троп Y	1	4
3. ST троп X → TT троп Ø	-	-
4. ST троп Ø → TT троп X	-	3
неэквивалентный перевод	-	1
Всего	14	95

Обе таблицы наглядно показывают, что наибольшее количество примеров по всем маркерам вне зависимости от характера контекста (оригинальный или переводной) приходится на первый способ перевода, то есть сохранение исходного образного сравнения в тексте перевода.

Также следует отметить, что в произведении Мика Валтари «Синухе, египтянин» встретились все исследуемые маркеры, и количество примеров с их участием явно превышает случаи их употребления в произведениях других авторов (см. Таблицу 11). Эти наблюдения наводят на мысль о том, что использование рассматриваемых маркеров в значительной степени зависит от стиля художественного произведения.

Таблица 11. Количество образных сравнений с маркерами *lailla*, *tavoin* и *kaltainen* в произведениях финских авторов по материалам корпуса «ПарФин»

Автор, название произведения	Маркер		
	lailla	tavoin	kaltainen
Waltari Mika, Sinuhe egyptiläinen	10	7	26
Mäkelä Hannu, Pekka Peloton	5	5	-
Krohn Leena, Ihmisen vaatteissa	1	2	-
Krohn Leena, Sfinksi vai robotti	-	-	1
Hahtela Joel, Perhoskerääjä	2	-	-
Lehtolainen Leena, Harmin paikka	1	-	-
Oksanen Sofi, Puhdistus	1	-	-
Oksanen Sofi, Kun kyyhkysset katosivat	1	-	-
Konkka Juhani, Me sankarit: kuvaus Karjalan retkeltä	1	-	-
Konkka Juhani, Pietarin valot	-	-	3
Rimminen Mikko, Pussikaljaromaani	-	3	-
Larni, Martti, Neljäs nikama eli Veijari vastoin tahtoaan	-	2	-
Hotakainen Kari, Juoksuhaudantie	-	-	1
Kivi, Aleksis, Seitsemän veljestä	-	-	2
Всего сравнений	22	19	33

В представленных ниже примерах из языкового материала будут рассмотрены способы перевода образных сравнений с участием всех перечисленных маркеров. В рамках первой стратегии будут рассмотрены встретившиеся примеры лексико-семантического варьирования без выделения их в отдельные пункты.

5.2.1 ST троп X → TT троп X

Образное сравнение исходного текста сохраняется в тексте перевода

(46) Palasin kotiin, eivätkä muistot tehneet enää kipeää, vaan *aika ja tieto olivat hiekan lailla sataneet katkerien muistojen ylle*. (Waltari Mika, Sinuhe egyptiläinen)

Я возвращался домой, и прошлое уже не ранило меня, ибо *время и знания словно песок пустыни засыпали горькие воспоминания*. (Синухе, египтянин, пер. Богачев В., Виролайнен Л., Каменская Е.)

Пример развернутого авторского образного сравнения с участием маркера *lailla*.

Структура, образная основа, стилистическая окраска и поэтика исходного сравнения переданы в тексте перевода. Основание сравнения не выражено, однако угадывается ('медленно, но верно'), так же, как и концептуальная идея вечного движения (песка, времени, знаний). В качестве переводного эквивалента наречия *lailla* использован союз *словно*.

(47) <...> Kettu johon lyhdyn valo oli osoittanut, ryntäsi heti Haltiaa kohti ja *ripustautui tämän kaulaan punnuksen tavoin*. (Mäkelä Hannu, Pekka Peloton)

<...> Лисонька, на которую угодил луч фонарика, бросилась к нему и *повисла у него на шею, как гиря*. (Бесстрашный Пекка, пер. Иоффе, Элеонора)

Приведенное в тексте перевода сравнение является практически полным эквивалентом оригинального, сохраняя элементы как плана выражения, так и плана содержания.

Лексическим эквивалентом наречия *tavoin* в переводе служит союз *как*.

(48) Pojat ympärillä yllyttivät meitä, koska heidän mielestään *olimme vain kukkojen kaltaisia ennen varsinaista ottelua*. (Konkka J., Pietarin valot)

Мы напоминали двух петухов перед главной схваткой, и ребята всячески подзуживали и подзадоривали нас. (Огни Петербурга, пер. Лапатка, Якуб)

Пример использования прилагательного *kaltainen* для передачи компаративной семантики в тексте художественного произведения. Основанием сравнения служит сходство ассоциаций, вызываемых поведением людей и повадками петухов перед столкновением. Несмотря на иную организацию предложения и незначительное опущение в тексте перевода (*heidän mielestään*), с точки зрения компонентного состава и образной основы сравнение передано в полном объеме. На языковом уровне сравнение выражено сочетанием с глаголом *напоминать*, который указывает на возникновение обозначенных ассоциации.

(49) Pekan sydän alkoi jyskyttää villiintyneen hevosen lailla. (Mäkelä Hannu, Pekka Peloton)

Сердце у Пекки запрыгало, как лошадь на родео. (Бесстрашный Пекка, пер. Иоффе, Элеонора)

Еще один пример образного сравнения из произведения Ханну Мякеля. На этот раз перевод сопровождается не столько заменой, сколько конкретизацией образа.

Ассоциация одичавшей лошади *villiintynyt hevonen* со зрелищной картиной родео кажется естественной и добавляет исходному образу художественного колорита и экспрессивности, не изменяя при этом содержательной основы сравнения.

Переводные контексты с использованием наречий *lailla* и *tavoin*

(50) И, как червь, начала сосать мне сердце прескверная мысль, что никакого, собственно, писателя из меня не выйдет. (Булгаков М.А., Театральный роман)

Ja madon lailla alkoi sydäntäni nakertaa ajatus, ettei minusta itse asiassa tulisikaan kirjailijaa. (Teatteriromaani, пер. Adrian E.)

Для перевода устойчивого выражения, положенного в основу сравнения исходного контекста в примере (50), *червь [точит, гложет] сосет чье-нибудь сердце [душу, жизнь]* используется прием калькирования с вариативным глагольным компонентом *nakertaa* 'грызть'. Воссозданное в тексте перевода сравнение обладает тем же значением

и экспрессивно-эмоциональной коннотацией, что и оригинальное. Образ точащего сердце червя (*mato*, также возможен вариант *toukka*) может создавать впечатление иносказательности, однако, скорее всего, будет понятен носителям языка перевода, так как в финском языке существуют подобные выражения, например: *ikävä nakertaa mieltä, minua kalvaa epäily, voimattomuuden tunne kalvaa sisintäni, suru kalvaa sydäntäni* (примеры из открытых источников).

(51) <...> [он] медленно вытащил из кармана дудочку, вложил ее в рот и *запискал соловьиной*. (Чехов А.П., Агафья)

<...> hän veti verkkaisesti taskustaan pillin, asetti sen huulilleen ja *visersi satakielen tavoin*. (Agafia, пер. Konkka J.)

Сравнение исходного контекста выражено с помощью творительного падежа (сравнение-метафора), и включает устаревшую форму глагола 'запищать': *запискал соловьиной*.

Стилистически сравнение можно отнести к просторечию, передающему несколько сниженную характеристику действия. В тексте перевода эта оценочная коннотация не сохраняется и сравнение носит нейтральный характер *visersi satakielen tavoin* 'защебетал подобно соловью'.

5.2.2 ST троп X → ТТ троп Y

Образное сравнение исходного текста может быть переведено как сравнение, но, основанное на другом содержании, или передано с помощью другого тропа

(52) *Metsästysonnea vain! Suden lailla kimppuun!* (Mäkelä Hannu, Pekka Peloton)

Удачной охоты... *Волчьей хваткой их!* (Бесстрашный Пекка, пер. Иоффе, Элеонора)

Пример (52) содержит сравнительный оборот с наречием *lailla* со значением уподобления: *suden lailla kimppuun* 'в атаку как волк', основание сравнение при этом имплицировано. В переводе сравнение приобретает форму эпитета *волчьей хваткой*, вызывающего схожие ассоциации с устойчивым выражением *мертвой хваткой*.

(53) *Ja susi tunsi miten pelko alkoi puristaa sen kurkkua kylmän kouran tavoin.* (Mäkelä Hannu, Pekka Peloton)

Волк почувствовал, как *холодная рука страха сжимает ему горло*. (Бесстрашный Пекка, пер. Иоффе, Элеонора)

Пример преобразования исходного развернутого сравнения в метафору в тексте перевода. Использование метафоры в данном контексте кажется наиболее естественным переводческим решением. Метафорическое переосмысление образа

делает его более экспрессивным и рельефным несмотря на то, что метафора *холодная рука страха* несколько клишированная. В данном случае переводчик лишь следует авторской задумке, используя внутренние художественные ресурсы своего языка.

(54) <...> minua vastaan ajoi vuorten välistä ryhmä syyrialaisia sotavaunuja viireineen järjestytyen ajaessaan viuhkan tavoin taisteluun. (Waltari Mika, Sinuhe egyptiläinen)

<...> увидел впереди выезжающие по проходу между скалами сирийские боевые колесницы, на ходу *разворачивающиеся веерным строем* для нападения. (Синухе, египтянин, пер. Богачев В., Виролайнен Л., Каменская Е.)

В тексте перевода исходное сравнение [*järjestytyä*] *viuhkan tavoin* 'построится подобно вееру' приобретает форму эпитета *веерный строй*. Метафорический перенос основан на ассоциативных связях между субъектами сравнения, в данном случае на визуальной характеристике – форме организации строя колесниц и веера. Метафора обладает более высокой компрессией смысла, чем сравнение, что позволяет передать образ в языке перевода настолько емко, что эпитет воспринимается не столько как образное выражение, а как военный термин.

(55) *Eikä sydämeni enää ollut kiven kaltainen, vaan liikahteli ja sulii ja vuoti kyynelinä maan tomuun edessäni.* (Waltari Mika, Sinuhe egyptiläinen)

Слушая это, я почувствовал, как мое *окаменевшее сердце* начало согреваться и биться, как по лицу моему полились слезы, орошая уличную пыль. (Синухе, египтянин, пер. Богачев В., Виролайнен Л., Каменская Е.)

Пример использования традиционного метафорического эпитета *окаменевшее сердце* со значением 'лишенное чувств' для передачи исходного образного сравнения, реализованного с помощью прилагательного *kaltainen: kiven kaltainen* 'подобный камню'. Вследствие изменения структуры фразы в тексте перевода опускается отрицание, являющееся составной частью сравнительной конструкции исходного контекста.

Переводные контексты с использованием наречий *lailla* и *tavoin*

(56) Майн гот!- воскликнул Рымарь.- *Это же звериный оскал капитализма* (Довлатов С., Чемодан)

Mein Gott! huudahti Rymar.- *Kapitalismihan irvistää hyeenan lailla!* (Matkalaukku, пер. Tarjo, Pauli)

В примере (56) переводной финский контекст демонстрирует обратную трансформацию: исходная метафора-клише *звериный оскал капитализма* преобразуется в образное сравнение с заменой, скорее конкретизацией образа *kapitalismihan irvistää hyeenan lailla* 'капитализм же скалит зубы как гиена'. Переводное соответствие безусловно не лишено образности и экспрессивности, однако не передает той

стилистической окраски и ироничного характера, которое производит введенный в текст произведения штамп советского времени.

(57) Здесь было уютно, прозрачно, весело, – так непохоже на *сочью людскую суету*.
(Фадеев А., Разгром)

Täällä oli viihtyisää, kuulakasta ja iloista, aivan toisenlaista kuin *närhien tavoin touhuilevien ihmisten parissa*. (Tuho, пер. Heino U.-L.)

Оригинальный авторский эпитет, одним точным штрихом рисующий многомерный образ, соединяющий в себе беспрестанно суесящихся в поиске еды крикливых птиц и беспокойных, вечно занятых решением насущных проблем людей. Образная основа раскрывается в тексте перевода с помощью развернутого сравнения, в котором определяемое существительное в структуре исходного эпитета – *суета*, трансформируется в глагол – *touhuilla* 'хлопотать, суетиться'. Сравнение переводного фрагмента уступает оригинальному эпитету в выразительности из-за (вынужденного) многословия, которое можно объяснить структурно-грамматическими особенностями и возможностями русского и финского языков.

5.2.3 ST троп X → TT троп Ø

Образное сравнение исходного текста полностью опускается или передается в тексте перевода с помощью неметафорического высказывания

(58) Kapitalistinen maailma ei ehdi pysyä mukana meidän *myrskyn lailla etenevän elintasomme kanssa!* (Oksanen Sofi, Puhdistus)

Капиталистическая система не успевает за нашим *бурным темпом повышения народного благосостояния*. (Очищение, пер. Джафарова-Виитала, Таисья)

Сравнение исходного текста *myrskyn lailla etenevä* 'движущийся вперед подобно буре' воспроизводится в переводном контексте описательно. Однако в данном примере описательный перевод осуществляется не с помощью свободных, стилистически нейтральных словосочетаний, а посредством клишированного выражения *бурным темпом*, не только передающим значение сравнения, но и обладающим соответствующей идеологической коннотацией в рассматриваемом контексте.

(59) Kun välähdys oli ohi, tuli sellainen kumma olo kuin kaikki se *sähkö ja valo olisi jotenkin veden tavoin jäänyt sinne alas kadulle* <...> (Rimminen Mikko, Pussikaljaromaani)

Когда вспышка прошла, то осталось странное ощущение, словно и *электричество, и свет* — все это уплыло вместе с водой вниз по улице <...> (Роман с пивом, пер. Сидорова, Анна)

Опущение исходного сравнения в тексте перевода и изменение структуры фразы привело в данном примере к смещению смыслового акцента всего высказывания:

электричество и свет уплыли вниз по улице вместе с водой, а не подобно воде, как в оригинальном фрагменте (*veden tavoin jäänyt sinne alas kadulle*). Однако в рамках расширенного контекста такое семантическое изменение воспринимается не как неверный перевод, а скорее как взгляд на описываемую ситуацию с другого ракурса.

(60) Tosin tuntui huvittavalta, kun hän rakenteeltaan hontelona, *riu'un kaltaisena*, kapea- ja kalpeakasvoisena, venäläinen paita yllään, kirja vasemmassa kädessään yritti jäljitellä von Törneä: asettui seisomaan hoikat jalat harallaan ja karjaisi: <...> (Konkka J., Pietarin valot)

Было забавно смотреть, как он *худой, длинный*, бледнолицый, расставлял циркулем свои тонкие ноги и, пытаясь изобразить фон Тёрни, выкрикивал: <...> (Огни Петербурга, пер. Лапатка, Якуб)

В этом примере с помощью описательного перевода *худой, длинный* передается значение слова *riuku* 'жердь', используемого в финском языке для образного описания высокого и очень худого человека (KS, s.v. *riuku*). Описание позволяет полностью раскрыть значение сравнения, однако образность, заключенная в оригинале, оказывается неизбежно утерянной, как и художественный эффект.

Примечательно, что в русском языке есть эквивалент в форме устойчивого сравнения *прямой [худой] как жердь*, сообщающий такую же характеристику с аналогичной ироничной оценочной коннотацией.

5.2.4 ST троп Ø → TT троп X

Исходный текст не содержит сравнения, но в тексте перевода образное выражение присутствует

Обнаружить примеры использования этого способа перевода оказалось возможным только вследствие изучения переводных контекстов с использованием рассматриваемых лексем. Случаи введения образных сравнений в текст перевода встретились только с наречием *tavoin*.

(61) Вот не думал! *кудахтал Шапкин*. (Чехов А.П., Старость)

En ajatellakaan! *kaakatti Šapkin kanan tavoin*. (Vanhuus, пер. Konkka J.)

В этом примере в исходном контексте использована метафора, семантический перенос в которой основан на сходстве манеры речи человека и звука, издаваемого птицей – *кудахтанье*, со значением 'взволнованно, суетливо разговаривать' и негативной коннотацией. В переводном контексте метафора воспроизводится в развернутом виде с «пояснением» происхождения в форме сравнения *kanan tavoin* 'подобно курице' и сохранением субъективно-оценочной коннотации.

(62a) И точно запертые в тесном кружке, который вычерчивали словые вершушки в зимнем небе, так же бурно и беспорядочно теснились, становились на дыбы и громоздились друг на друга снеговые черно-белые облака над лесною прогалиной. (Пастернак Б.Л., Доктор Живаго)

Ja aivan kuin suljettuina ahtaaseen piiriin, jonka reunamina olivat talviselle taivaalle kurottuvat kuusten latvat, lehmien tavoin riehuivat, kohoilivat pystyyn ja kerrostuivat päälletysten mustanvalkoiset lumipilvet metsäniityn yläpuolella. (Tohtori Živago, пер. Konkka J.)

Появление в тексте перевода сравнения громоздящихся друг на друга черно-белых снеговых облаков с коровами *lehmien tavoin* объясняется изменением способа передачи связности оригинального текста в переводе, то есть изменением средств реализации когезии. В переводном примере для логической связности повествования используется повтор ключевого слова *коровы* из предыдущего контекста:

(62b) Почти все в одну масть, черные с белыми подпалинами, коровы не меньше людей были измучены лишениями, долгими переходами, нестерпимой теснотой. Прижатые боками одна к другой, они чумели от давки. В своем одурении они забывали о своем поле и с ревом, по-бычьему налезали одна на другую, с трудом взволакивая вверх тяжелые оттянутые вымена. <...>

Miltei kaikki nämä samanväriset, musta- ja valkolaikkuiset lehmät olivat kiusaantuneet yhtä paljon kuin ihmisetkin monista vaivoista, pitkistä matkoista ja sietämättömästä tungoksesta. Painautuneina kylki kylkeä vasten ne typeryivät toinen toisensa puristuksessa.

Höperyydessään ne unohtivat sukupuolensakin ja mylvähdellen kuin sonnit työntyivät toistensa päälle pystyen hädin tuskin nostamaan maidosta raskaita utareitaan. <...>

5.2.5 Пример неэквивалентного перевода

(63) Чего нет и что не грезится в голове его? он в небесах и к Шиллеру заехал в гости – и вдруг *раздаются над ним, как гром, роковые слова*, и видит он, что вновь очутился на земле <...> (Гоголь Н.В., Мертвые души)

Mitä kaikkea hänen mielikuvituksessaan onkaan. Hän on taivaissa ja vierailee Schillerin luona – ja äkkiä *jrähtävät hänen vierestään ukkosen tavoin rumat sanat* ja hän huomaa olevansa jälleen maankamaralla <...> (Kuolleet sielut пер. Konkka Juhani)

Переводной контекст содержит ошибку, обусловленную неверным пониманием смысла понятия оригинального текста. Несмотря на эквивалентный перевод самого сравнения *ukkosen tavoin* 'подобно грому', при переводе словосочетания *роковые слова* 'решающие, предопределяющие судьбу' по причине неполного или искаженного понимания смысла определяющего прилагательного выражение приобретает форму *rumat sanat* со значением 'грубые, непристойные слова'.

В этой главе были рассмотрены способы перевода свободных, индивидуально-авторских и устойчивых образных сравнений с маркером *kuin* и лексемами компаративной семантики – наречиями *lailla* и *tavoin*, а также прилагательным *kaltainen*.

В следующей главе будут представлены примеры перевода образных сравнений и компаративных фразеологизмов из контекстов параллельного корпуса художественных текстов «ПарРус».

6 СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ, ВСТРЕТИВШИХСЯ В КОНТЕКСТАХ РУССКО- ФИНСКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ «ПАРРУС»

Все отобранные из корпуса примеры образных сравнений демонстрируют случаи использования в текстах оригинала конструкций со сравнительными союзами *как*, *точно* и *будто*, которые передают сравнение объектов или ситуаций. Всего в параллельном корпусе текстов «ПарРус» для проведения исследования было выделено 1400 примеров использования образных сравнений, включая устойчивые сравнения, из 84 произведений 29 авторов. Из общего количества примеров 1293 случая приходится на сравнительную конструкцию с союзом *как*, 81 – на конструкцию с союзом *точно* и 26 – на конструкцию с союзом *будто*.

Отбор контекстов, содержащих искомые маркеры, осуществлялся аналогично процессу, описанному в главе 5, посвященной анализу образных сравнений из параллельных контекстов корпуса «ПарФин». То есть, число примеров сравнений с союзом *как* ввиду их значительного объема было ограничено достаточным, на наш взгляд, количеством для проведения исследования. Поиск контекстов, включающих образные сравнения с союзами *точно* и *будто*, дал довольно скромные результаты, поэтому в ходе исследования рассматривались все встретившиеся в текстовом массиве корпуса примеры образных сравнений с участием этих маркеров.

6.1 Образные сравнения, выраженные конструкцией с союзом *как*

Всего было рассмотрено 1293 примеров использования образных сравнений в оригинальных текстах художественных произведений и их переводах на финский язык. В это число входят как примеры, содержащие свободные и индивидуально-авторские сравнения – 1086, так и примеры, демонстрирующие употребление компаративных фразеологизмов – 207 случаев.

В исследуемом материале были найдены примеры применения первых трех типов переводческих стратегий по классификации Э. Честермана, используемых в нашей работе для анализа перевода свободных образных сравнений, – троп исходного текста сохраняется в тексте перевода, происходит замена тропа или основания его содержания,

троп переводится описательно или полностью опускается, – а также способ передачи исходного свободного сравнения посредством фразеологического оборота. Как и в случае с примерами переводов из корпуса «ПарФин», явно преобладает подход, предусматривающий сохранение исходного сравнения в тексте перевода (см. Рис. 3), однако в отношении русско-финских параллельных контекстов общее количество примеров использования первой стратегии оказалось несколько выше 1023 случая, что составило 94,2 %. Замена образного сравнения метафорой произошла в 28 случаях (2,6 % от общего числа примеров), а фразеологическим оборотом – лишь в 2 случаях (0,2 % от общего числа примеров). Также было выявлено 29 случаев (2,7 % от общего числа примеров) описательной передачи сравнения или его полного опущения. В 4 случаях (0,3 % от общего числа примеров) анализируемые примеры демонстрировали неэквивалентный перевод, как правило, по причине неверного понимания содержания оригинального текста.

Рис. 3. Типы стратегий, применяемых для перевода образных сравнений с союзом как, в примерах из корпуса «ПарРус», процентное соотношение

Среди лексических эквивалентов союза *как* в составе сравнительной конструкции по частоте использования можно выделить союз *kuin*, который ожидаемо встретился в переводных контекстах в большинстве случаев (85 % от общего количества примеров). Частотность употребления других переводных соответствий рассматриваемой сравнительной конструкции представлена в Таблице 12.

Таблица 12. Частотность употребления лексических эквивалентов союза *как* при переводе образных сравнений в примерах из корпуса «ПарРус»

Лексический эквивалент	Количество употреблений	Процентная доля от общего количества примеров (%)
kuin	926	85
tavoin	22	2
muistuttaa (-ttava)	8	1
lailla	7	1
лексический эквивалент	53	5
другие эквиваленты	9	1
нет прямого эквивалента	61	6
Всего	1086	100%

Далее исследуемые стратегии будут рассмотрены на примерах из параллельных контекстов корпуса.

6.1.1 ST троп X → ТТ троп X

Образное сравнение исходного текста сохраняется в тексте перевода

Как и в случае с примерами перевода сравнений из корпуса «ПарФин», в ходе анализа примеров из русско-финского параллельного корпуса удалось выделить все три типа лексико-семантического варьирования. Процентное соотношение случаев их использования с явным преобладанием первого типа (а) в контекстах представлено на Рис. 4.

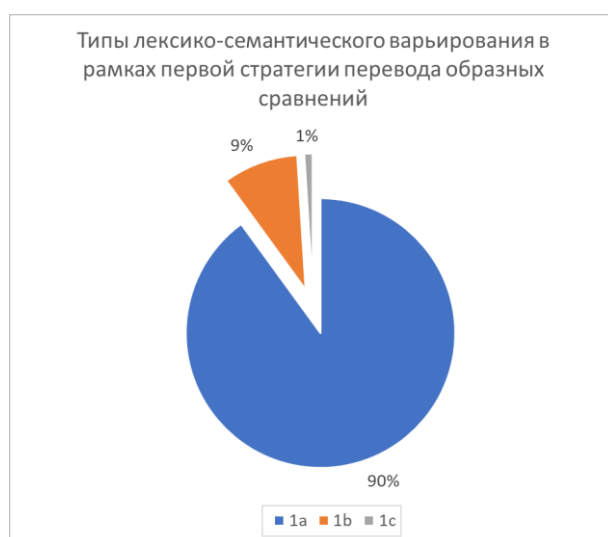

Рис. 4. Процентное соотношение типов лексико-семантического варьирования в рамках первой стратегии перевода тропов

а) Образное сравнение в тексте перевода является идентичным или почти идентичным сравнению исходного текста с точки зрения лексической семантики

(64) <...> третьим в этой компании оказался неизвестно откуда взявшийся *кот, громадный, как боров, черный, как сажка или грач, и с отчаянными кавалерийскими усами*. (Булгаков М.А., Мастер и Маргарита)

Kolmantena seurueessa oli ties mistä ilmestynyt *kissa, suuri kuin karju, musta kuin noki tai naakka ja viiksiniekka kuin chevalier-kaartilainen*. (Saatana saapuu Moskovaan, пер. Heino U.-L.)

Этот пример примечателен тем, что помимо двух почти идентичных исходному сравнений в тексте перевода присутствует созданное переводчиком сравнение, основанное на описательной характеристике персонажа в оригинальном тексте. Фактически речь идет о случае применения четвертой стратегии по классификации Э. Честермана.

Первое из сравнений в тексте перевода *kissa, suuri kuin karju* структурно и по образной основе является полным соответствием оригинального сравнения *кот, громадный, как боров*. Оно менее экспрессивно, так как прилагательное *suuri* не передает всей оценочной коннотации, переданной в исходном тексте с помощью прилагательного *громадный*.

Второе сравнение в целом идентичное исходному содержит гипоним *naakka* 'галка' вместо оригинального *грач*, что, впрочем, не оказывает существенного влияния на логику повествования, так как оперенье обеих птиц является черным.

Яркая описательная характеристика внешности кота в оригинальном тексте с использованием известного эпитета *с отчаянными кавалерийскими усами* трансформируется в тексте перевода в образное сравнение *viiksiniekka kuin chevalier-kaartilainen* 'усатый [усач] как кавалергард'.

(65) Профессор Хейфец, бледный, *с белыми, как сияние, волосами*, в длинной болотного цвета кофте домашней вязки, слегка согнувшись, спешил к сцене- головой вперед. (Дудинцев В., Белые одежды)

Kalpea professori Heifetz *hohtavanvalkeine hiuksineen*, yllään pitkä suonvärinen kotikutoinen villäpäätä kiiruhti hiukan kumarassa näyttämölle- pää eteen työnnettynä. (Valkeat vaatteet, пер. Heino U.-L.)

Пример передачи сравнения в тексте перевода с помощью лексических средств, а именно посредством сложного прилагательного *hohtavanvalkeat*, лаконично и в традиционной для финского языка форме воссоздающего в переводном контексте как основание *белые*, так объект сравнения *сияние*. Такая форма передачи сравнения встретилась в языковом материале 32 раза, при этом первая часть сложного

прилагательного (или причастия) могла быть выражена существительным (*tulikuuma* 'горячий как пламя', *udunkeveä* 'легкая как дымка', *kullankiiltävä* 'блестящий как золото', *hunajantahmea* 'густой как мед', *apilankiehkurainen* 'курчавый как клевер' *ohdakkeenpistävät* 'колючие как бодяки (глаза)' и др.)

(66) <...> старик, босой, в длинной рубахе, засунувший руки за пояс, с бровями, как кусты, с запущенной бородой и лысый, не мог быть никем иным, кроме Льва Толстого. (Булгаков М.А., Театральный роман)

<...> paljasjalkainen pitkään paitaan pukeutunut kalju vanhus, joka seisoi kädet vyöhön tungettuina ja jolla oli *pensasmaiset kulmakarvat* ja ruokkoamaton parta, ei voinut olla kukaan muu kuin Leo Tolstoi. (Teatteriromaani, пер. Adrian E.)

Другой пример использования лексического средства для передачи образного сравнения переводном контексте. В этом случае исходное сравнение с *бровями, как кусты* переведено на финский язык посредством прилагательного компаративной семантики, образованного от существительного с помощью суффикса *-mainen*: *pensasmaiset kulmakarvat*. Этот способ передачи сравнения в финском языке также продуктивен: в переводных контекстах было обнаружено 10 примеров его использования (*maitomainen savu* 'дым как молоко', *käärmemäiset juuret* 'напоминающие змей корни', *hyytelömainen piuro* 'похожая на студень каша' и др.)

в) Образное сравнение в тексте перевода относится к тому же типу, что и сравнение исходного текста, но не является семантически идентичным, а только родственным

(67) Над ними царила восьмидесятилетняя *Рейзл*, традиционная как свиток торы, крохотная и горбатая. (Бабель И., Король)

<...> ja heitä hallitsi kahdeksankymmenvuotias *Reizl*, perinteellinen kuin *Mooseksen kirjat*, pikkuinen ja kuuma. (Kuningas, пер. Adrian, Esa)

В примере (67) объект авторского сравнения *свиток торы* переводится с помощью синонимичного выражения, по сути, означающего то же самое *Mooseksen kirjat* 'книги Моисея'. Торой в иудейской традиции называют священный рукописный пергаментный свиток с текстом Пятикнижия Моисея (название, используемое в христианской традиции). В остальном сравнение в переводном фрагменте по структуре повторяет исходное. Правда, остается неясным, почему при переводе слов, характеризующих внешний вид Рейзл, в качестве финского соответствия прилагательному *горбатая* выбрано слово со значением 'горячая' *kuuma*.

(68) И вся физиономия – в оспинах, как расстрелянная в упор. (Ерофеев В., Москва - Петушки)

Ja naama on kauttaaltaan rokonarpien peittämä, kuin haulisateen jäljiltä. (Moskova-Petuški, пер. Adrian E.)

Экспрессивное авторское сравнение, рисуящее столь яркую и запоминающуюся картину, передано в тексте перевода с помощью интересного приема. Внешняя форма выражения сравнения сохранена и реализуется посредством союза *kuin*, однако метафорический перенос, «намеченный» в оригинальном тексте через переносное значение причастия *rasstrelaantia*, принимает в переводном фрагменте окончательную форму метафоры *haulisade* букв. 'дождь из дробей'. Переданное в тексте перевода сравнение не уступает исходному ни в образности, ни в силе эмоционального воздействия на читателя.

с) Образное сравнение, использованное в тексте перевода, относится к тому же типу, что и сравнение исходного текста, однако они не связаны лексически и используют разные источники образа

(69) Я говорю: Тебе, парень, больше досталось: вишь, *губа-то как морковина стала*".
(Белов В., Привычное дело)

Minä siihen: Kukas siinä pahemmin kärsi, katsoisit *huultasi, on kuin Lindströmin pihvi*.
(Tuttu tarina, пер. Laaksonen H.)

Пример демонстрирует довольно спорное решение о замене образа сравнения в тексте перевода с использованием национально-специфической лексики *Lindströmin pihvi*. Само название этого мясного блюда (ориентировочно шведского происхождения) стало нарицательным и означает котлету или бифштекс из мясного фарша с добавлением свеклы в натертом или нарезанном виде, присутствие которой в составе оказывает влияние не только на вкус, но и цвет продукта. Действительно, возможно, что губы после удара способны приобрести не только ярко-оранжевый морковный, но и красно-розовый свекольный цвет. Однако представить, что Иван Африканович Дрынов сравнивает рассеченную после аварии губу Митьки с бифштексом Линдстрема довольно сложно. Кроме того, авторское сравнение могло предполагать сопоставление не только по цвету, но и по форме.

(70) <...> левый – пустой и черный, вроде как узкое игольное ухо, как выход в бездонный колодец всякой тьмы и теней. (Булгаков М.А., Мастер и Маргарита)

<...>vasen, tyhjä ja musta kuin kapea hiilikaivoksen käytävä, kuin aukko pohjattomaan kaivoon, oli täynnä pimeyttä ja varjoja. (Saatana saapuu Moskovaan, пер. Heino U.-L.)

В этом примере в исходном контексте левый глаз Воланда сравнивается с узким ушком иглы, в переводном фрагменте образ заменяется на узкий проход угольной шахты *kapea hiilikaivoksen käytävä*. Выбор такого образа, вероятно, обусловлен развитием

повествования и лексическим расширением исходного сравнения *как выход в бездонный колодец*. Образ в переводном контексте воспринимается как синонимичный, передает сходные ассоциации и сохраняет присущую оригиналу экспрессивную коннотацию.

6.1.2 ST троп X → TT троп Y

Образное сравнение исходного текста может быть переведено как сравнение, но, основанное на другом содержании, или передано с помощью другого тропа

(71) <...> молочные братья прошли городской сад, где *толстая струя фонтана оплывала, как свеча* <...> (Ильф И., Петров Е., Золотой теленок)

<...> *toverukset kulkivat halki kaupungin puiston, missä suihkulähteen paksu vesipatsas seisoi pystyssä kuin kynttilä* <...> (Kultainen vasikka, пер. Aarto A.)

В этом примере в тексте перевода произошла замена содержания исходного сравнения. Объект сравнения *свеча* остался прежним, однако сама ситуация рассматривается с другого ракурса и внимание фокусируется на иных характеристиках. В оригинальном контексте в сравнении точно подмечено сходство медленно скатывающихся струй фонтана с оплыванием свечи, а в тексте перевода акцент делается на вертикальном положении водяного столба, напоминающего своей прямою свечу. Безусловно, сравнения вызывают совершенно различные ассоциации, однако описываемая в оригинальном тексте картина не получает дальнейшего развития, поэтому предпринятая переводчиком замена образа не оказывает существенного влияния на ход повествования. Тем не менее переводное сравнение уступает исходному в оригинальности, а значит и в силе художественного воздействия.

(72) <...> все убежали от тебя, а ты все хвостом вертишь, *вся измоталась, как пустая мочалка*. (Белов В., Привычное дело)

<...> *karkuun ovat lähteneet, ja sinä yhä häntääsi huiskutat, kuiva rääsy, loppuun ajettu luuska*. (Tuttu tarina, пер. Laaksonen H.)

В переводном фрагменте исходное сравнение *измоталась, как пустая мочалка* передается посредством расширенной метафоры с заменой образа *kuiva rääsy* 'сухая тряпка', *loppuun ajettu luuska* 'в конец загнанная кляча'. Образы хотя и различаются в лексическом выражении, тем не менее объединены единой ассоциативной связью и обладают схожей экспрессивной коннотацией.

6.1.3 ST троп X → TT троп Ø

Образное сравнение исходного текста полностью опускается или передается в тексте перевода с помощью неметафорического высказывания

- (73) Сперва обедать, – сказал Корейко, язык которого высох от жажды и *царапался, как рашпиль*. (Ильф И., Петров Е., Золотой теленок)
Syödään ensin päivällistä, sanoi Koreiko, jonka *kieli oli kuiva ja karhea kuumuudesta*. (Kultainen vasikka, пер. Aarto A.)

Изменение причинно-следственной связи в тексте перевода *kieli oli kuiva kuumuudesta* 'язык был сухим от жары' (в оригинальном контексте *язык высох от жажды*) сопровождается описательным переводом сравнения посредством единственной лексемы *karhea* 'шероховатый, грубый'. Выбранное переводчиком прилагательное передает значение сравнения так как свойство рашпиля, который является одной из разновидностей напильника, можно охарактеризовать как шероховатость. Однако экспрессивно-усилительная коннотация в переводном контексте остается невыраженной.

- (74) Руки-ноги дрожат, только и забот день и ночь обнявшись с косушкой, как с женой, *нос себе налакал инда как селезнь* <...> (Пастернак Б.Л., Доктор Живаго)
Kädet ja jalat vapisevat, yötä päivää ei muuta teekään kun syleilee pulloa kuin vaimoaan, *nenänsäkin on latkinut punaiseksi* <...> (Tohtori Živago, пер. Konkka J.)

Оригинальное сравнение передается в тексте перевода описательно, раскрывая суть ситуации *nenänsäkin on latkinut punaiseksi* 'нос свой налакал до покраснения' – красный нос стереотипно и не без оснований считается характерной особенностью внешнего вида пьющих людей. Типичной чертой описательного перевода является употребление свободных стилистически нейтральных словосочетаний, однако в рассматриваемом контексте использован экспрессивный глагол с разговорной, приниженной, даже грубой коннотацией *latkia* 'лакать, пьянствовать' полностью отвечающий стилистической функции исходного глагола.

6.1.4 Замена образного сравнения исходного текста устойчивым выражением в тексте перевода

- (96) Отстал Митька от поезда. И билеты у него, и вино, и лук, у меня *в кармане пусто, как весной на гумне*. (Белов В., Привычное дело)
Mitja jäi junasta. Hänellä on liput ja viina ja sipulit, minulla *taskut tyhjää täynnä*. (Tuttu tarina, пер. Laaksonen H.)

Пример (96) демонстрирует замену авторского сравнения *в кармане пусто, как весной на гуме* финским устойчивым выражением *tyhjää täynnä* букв. 'пóлон пустоты'. Переводное соответствие характеризуется не только очевидными лексико-семантическими заменами (если не сказать потерями), но и ослаблением экспрессивной коннотации, вследствие «неравной» образности выражений. Возможно, данный случай демонстрирует редкую обратную ситуацию, когда переводчик интерпретировал образное индивидуально-авторское сравнение, как фразеологизм и заменил его подходящим аналогом. Действительно, многие авторские сравнения Василия Белова воспринимаются, как устойчивые выражения или народные сравнения (рассматриваемое сравнение входит в Большой словарь народных сравнений под редакцией В. М. Мокиенко), что само по себе свидетельствует о мастерском владении автором художественным словом и тонком чувствовании естественности и красоты народной речи.

6.1.5 Случаи неэквивалентного перевода

(75) Цинично треплешься с ребятами на эту тему, а *любовь налетает, как поезд в кино*.
(Аксенов В., Звездный билет)

Poikien kanssa voi kyynillisesti heittää huulta aiheesta, mutta *rakkaus syöksyy kimppuun kuin juna elokuvateatteriin*. (Matkalippu tähtiin, пер. Adrian E.)

В этом примере неверно интерпретирован омоним *кино*. В исходном контексте слово *кино* использовано в значении 'кинофильм', в переводном контексте – в значении 'кинотеатр' *elokuvateatteri*. Такая (судя по всему, ненамеренная) замена образа приводит к тому, что описываемая ситуация кажется абсурдной.

(76) Толстый мужчина скатился с кровати, быстро встал на четвереньки и, высоко подняв *обтянутый, как мандолина, зад*, принялся отрывисто лаять и разгребать паркет задними лапами в больничных туфлях. (Ильф И., Петров Е., Золотой теленок)

Paksu mies laskeutui vuoteelta, asettui nopeasti nelinkontin ja *kohottaen pingotettua takamustaan korkealle kuin mandoliinia* alkoi haukkua katkonaisesti ja raapia parkettilatittia takajaloillaan, joissa oli sairaalan tossut. (Kultainen vasikka, пер. Aarto A.)

Вероятно, при переводе были неверно поняты семантические связи в составе деепричастного оборота, содержащего сравнение *высоко подняв обтянутый, как мандолина, зад*, что привело к некорректной передаче смысла всего выражения: *kohottaen pingotettua takamustaan korkealle kuin mandoliinia* 'подняв натянутый зад высоко, как мандолину'.

6.1.6 Способы перевода устойчивых сравнений, выраженных сравнительной конструкцией с союзом *как*

В языковом материале было обнаружено 207 случаев использования устойчивых сравнений, среди которых выявлены примеры всех способов перевода, приведенных в созданной нами обобщенной классификации.

Результаты изучения встретившихся примеров перевода устойчивых сравнений значительно отличаются от результатов, полученных в ходе анализа финско-русских параллельных контекстов.

Самым распространенным приемом перевода оказалось калькирование: в текстах перевода к нему прибегали в 53 случаях, 22 из которых находятся на грани неэквивалентного перевода. В 45 случаях в переводном контексте использовался полный эквивалент (по большей части такой подход касался случаев, когда оригинальное сравнение содержало такие общие для обеих культур образы, как *тень, туман, дым, молния, эхо*). Реже использовался фразеологический аналог и частичный эквивалент – 30 и 15 примеров соответственно. 31 пример демонстрирует передачу оригинального устойчивого сравнения с помощью свободных словосочетаний, кроме того был обнаружен 21 случай лексического перевода и 2 случая полного опущения устойчивого сравнения. В 10 случаях примеры демонстрировали неэквивалентный перевод, обусловленный, как правило, неверным пониманием контекста использования фразеологизма или его актуального значения, что привело к буквальному переводу (см. Таблицу 13).

Таблица 13. Способы перевода устойчивых сравнений с маркером *как* в переводных контекстах корпуса «ПарРус»

Способ перевода устойчивых сравнений	Количество случаев использования	Процентная доля от общего количества примеров (%)
полный эквивалент	45	22
частичный эквивалент	15	7
фразеологический аналог	30	14
описательный перевод	31	15
лексический перевод	21	10
калькирование	53	26
полное опущение устойчивого выражения	2	1
неэквивалентный перевод	10	5
Всего	207	100%

В ходе анализа встретившихся оригинальных и переводных идиоматических выражений использовались словари и справочники по фразеологии, перечисленные в пункте 5.1.6, а также информация и примеры употребления из открытых источников.

6.1.7 Полный фразеологический эквивалент

(77) *Вертится он, как на иголках.* (Чехов А.П., Детвора)

Hän on tuolillaan kuin neulojen päällä. (Lapsia, пер. Konkka J.)

Устойчивое выражение *вертеться* (*двигаться, ерзать*) *как на иголках* встретилось в исследовательском материале пять раз и было передано в переводных фрагментах с помощью эквивалентного фразеологизма с незначительным варьированием глагольного компонента *istua [liikahdella, pyörähdellä] kuin neuloilla*. В рассматриваемом примере глагол опущен, но легко угадывается. Оригинальное выражение и переводной эквивалент полностью совпадают по актуальному значению 'находится в состоянии крайнего беспокойства, нетерпения или тревоги' и обладают идентичной экспрессивно-эмоциональной коннотацией.

Следующий пример демонстрирует использование в исходном контексте синонимичного фразеологизма *сидеть* [*быть, находиться*] *как на углях* с аналогичным значением и стилистической функцией. Компонентный состав финского эквивалента расширен за счет прилагательного *tuliset* 'горящие', однако русский вариант тоже может включать сходные по семантике компоненты: горячие, раскаленные и т.д.

(78) Она сознавала, что Ильин несчастлив и *сидит* на диване, *как на углях* <...> (Чехов А.П., Несчастье)

Hän tajusi, että Iljin on onneton ja *istuu* sohvalla *kuin tulisilla hiilillä* <...> (Onnettomuus, пер. Konkka J.)

6.1.8 Частичный фразеологический эквивалент

(79) *Регент как сквозь землю провалился.* (Булгаков М.А., Мастер и Маргарита)

Kuoronjohtaja tuntui *vajonneen maan alle*. (Saatana saapuu Moskovaan, пер. Heino U.-L.)

Устойчивое выражение *как сквозь землю провалиться* встретилось в оригинальных контекстах пять раз. В переводных фрагментах оно было передано идиоматическим выражением с варьированием глагольного и адвербиального компонента в форме *vajota/kadota maan alle [sisään, ragoon]*. Переводное соответствие совпадает с исходным устойчивым выражением по значению, частично повторяет лексический состав и выполняет ту же стилистическую функцию.

(80) Некоторое время *все шло как по маслу*. (Пастернак Б.Л., Доктор Живаго)

Jonkin aikaa *kaikki sujuikin kuin rasvattuna*. (Tohtori Živago, пер. Konkka J.)

Пример демонстрирует незначительные расхождения в лексическом составе финского эквивалента оригинального устойчивого выражения при совпадении значения 'гладко, без затруднений, легко'.

(81) «На сколь?» – деловито спрашивал Бронька. – Дня на три. – *Все будет, как в аптеке*.

Отдохнете, успокоите нервы. (Шукшин В. М., Миль пардон, мадам!)

Kuinka pitkäksi aikaa? Bronka kysyi asiallisesti. – Noin kolmeksi päiväksi. – *Kaikki tulee kuin apteekin hyllyltä*. Lepäätte, lepuutatte hermojanne. (Mille pardons, madame!, пер. Adrian E.)

Всего было выявлено три случая употребления фразеологизма (*будет, как в аптеке*), при этом все примеры из параллельных контекстов демонстрируют различные подходы к переводу этого устойчивого выражения.

Несмотря на значительное сходство лексической структуры, оригинальное и переводное выражения в данном случае являются квазиэквивалентами или межъязыковыми квазисинонимами, то есть фразеологизмами, близкими, но не идентичными по фактическому значению (Добровольский 2011, 236-237). Один и тот же образ *аптека* (место, определяющее характер действия) интерпретируется в языках по-разному, что проявляется в разных значениях фразеологизмов.

Семантические различия проявляются в том, что русское выражение *как в аптеке* употребляется в ситуации, когда хотят подчеркнуть абсолютную точность и верность расчетов (по количеству, весу или времени), тогда как финская идиома *tulee kuin apteekin hyllyltä* 'будет как с аптечной полки' фокусирует внимание на том, что действие произойдет сразу, без задержек и легко. Интересно, что в обоих вариантах основание сравнения имплицировано – *точно* для русского варианта, и *nopeasti ja helposti* – для финского.

В рассматриваемом примере выбор переводного эквивалента, вероятно, оказался семантически обусловлен следующей за сравнением фразой ('*kaikki tulee helposti*' → *lepäätte, lepuutatte hermojanne*). В оригинальном контексте сравнение связано с предшествующей фразой: (*приехали*) *дня на три* → 'уложимся точно в срок'.

Возможно, схожесть образов, лежащих в основе сравнений, сыграла роль «ложного друга переводчика». Так или иначе, в контексте этого небольшого диалога, несмотря на семантический сдвиг, финский вариант не нарушает логики повествования в целом.

6.1.9 Фразеологический аналог

(82) Ведь ты, дурак, и не пахивал, и в извозе дальше сельпа не ездывал, ты ведь одно вино да начальство возишь, у тебя *жизнь-то как у Христа за пазухой*. (Белов В., Привычное дело)

Sinä, pääsinpää, et ole edes kytänyt, etkä ole ajossa ollut osuusliikkeen väliä pitemmälle, kuljetat vain viinaa ja päällystää, *elät kuin herran kukkarossa*. (Tuttu tarina, пер. Laaksonen Н.)

Оригинальный фразеологизм (*жизнь*) как у *Христа за пазухой* и финский аналог (*elää*) *kuin herran kukkarossa* имеют схожее значение 'жить беззаботно, спокойно, комфортно' и характеризуются значительной близостью синтаксической структуры и компонентного состава.

Следует все же отметить, что в русских и финских фразеологических словарях внимание фокусируется на разных аспектах понятия «спокойная жизнь», лежащего в основе рассматриваемого устойчивого сравнения: русские словари (Д. Н. Ушакова, А. И., Молоткова, А. Н. Тихонова, В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитой) описывают значение сравнения в основном с позиции комфорта и достатка ('вольготно, без забот и хлопот'), а финские (Е. Kari и Р. Muikku-Werner) – с позиции защищенности и безопасности ('*turvassa, rauhassa*').

(83) Ну, конечно, бабушкин сон рассказывает, *врет как лошадь*, потому я этого Душкина знаю <...> (Достоевский Ф.М., Преступление и наказание)

Tietysti hän kertoi akkojen unia, *valehteli niin että korvat heiluivat* <...> (Rikos ja rangaistus, пер. Konkka J.)

В примере (83) при почти полном отсутствии формального сходства оригинальное и переводное устойчивые выражения демонстрируют сходство актуального значения 'нагло, беззастенчиво врать'. Устаревшая форма сравнения *врет как лошадь* считается вариантом (даже прототипом) устойчивого сочетания *врет как сивый мерин* (Мокиенко 2004, 334-341). В тексте перевода *valehteli niin että korvat heiluivat* 'врет так, что уши раскачиваются' сохраняется стилистическая окраска и неодобрительная оценочная коннотация исходного выражения. Несмотря на то, что в открытых русскоязычных источниках часто встречается схожее с финским выражение *врать так, что уши вянут*, фразеологические словари приводят описание фразеологизма *уши вянут* со значением 'слушать стыдно, не хочется (о чем-то неприличном и т. п.)' (Бирих и др. 1998, 591).

(84) А сейчас ты как в воду опущенная и лица на тебе нет <...> (Маринина А., За все надо платить)

Mutta nyt olet ihan siipi maassa ja harmaankalpea <...> (Kaikesta täytyy maksaa, пер. Kuukasjärvi Olli)

Единственный из четырех примеров перевода оригинального фразеологизма *как в воду опущенный*, демонстрирующий использование эквивалентного соответствия.

Поэтическое финское выражение *olla siipi maassa* букв. 'быть с крылом на земле' выражает близкое исходному фразеологизму значение и экспрессивную коннотацию 'быть расстроенным, опечаленным'. При этом образная основа, структурно-грамматическая организация и компонентный состав переводного варианта полностью отличаются от оригинального. Остальные три примера перевода рассматриваемого фразеологизма (предположительно) демонстрируют неэквивалентный перевод и будут рассмотрены в соответствующем пункте.

6.1.10 Описательный перевод

(85) Иван Африканович *покраснел как маков цвет*, он был и правда депутат. (Белов В., Привычное дело)

Helakka puna karahti Drynovin kasvoille. Hän oli todellakin kyläneuvoston jäsen. (Tuttu tarina, пер. Laaksonen H.)

Оригинальное устойчивое сравнение *покраснел как маков цвет* передано в тексте перевода описательно, с помощью свободного словосочетания *helakka puna karahti Drynovin kasvoille* 'лицо Дрынова залилось ярко-красным цветом'. Образная основа при этом остается не переданной и, как следствие, эмоционально-экспрессивная коннотация оказывается значительно ослаблена, однако фактическое значение фразеологизма раскрывается в полном объеме.

(86) Сегодня, двенадцатого мая, накануне свадьбы, *все как с цепи сорвались*. Не прошло и двадцати минут, чтобы кто-нибудь не позвонил или не зашел в ее кабинет с очередной дурацкой шуткой. (Маринина А., Смерть и немного любви)

Tänään, 12. toukokuuta, *kaikki vitsailivat normaalia enemmän.* Parinkymmenen minuutin välein joku soitti tai poikkesi kertomaan idioottimaisen vitsin. (Kuolema ja vähän rakkautta, пер. Viitanen Liisa)

Оригинальный фразеологизм *как с цепи сорвались* является полисемичным, с его помощью могут быть описаны разные ситуации и его значение будет зависеть от конкретного контекста. Общим семантическим компонентом, вне зависимости от описываемой ситуации, будет характер действия или поведения – чрезмерность и интенсивность. Именно этот компонент и раскрывается посредством описательного перевода, основываясь на информации из следующего предложения, *kaikki vitsailivat normaalia enemmän* 'все шутили больше обычного'. Локальные внутритекстовые связи в переводном контексте становятся более прозрачными и, что характерно для

большинства переводных текстов, происходит изменение в сторону большей эксплицитности.

6.1.11 Лексический перевод

- (87) То-то, это уж точно я говорю, *это уж как в аптеке* <...> (Белов В., Привычное дело)
Näin on, *tismalleen* <...> (Tuttu tarina, пер. Laaksonen H.)

Еще один пример перевода устойчивого сравнения *как в аптеке*, на этот раз с помощью отдельной лексемы *tismalleen* 'точно', являющейся вариантом наречия *täsmälleen*, которое происходит от русского слова *тесма* (первоначально выражение *tehdä täsmälleen* означало 'плести ленту точно по образцу' – Suomen etymologinen sanakirja).

В случае лексического перевода между оригинальным и переводным устойчивым сочетанием, как правило, наблюдается полное несоответствие плана выражения, а используемые лексемы обычно лишены экспрессии, стилистически нейтральны. Тем не менее, такой способ перевода может в определенных случаях передать значение оригинального фразеологизма более точно, чем эквивалент или аналог.

- (88) Беспредельная, вихрям открытая равнина. И мы одни как перст. (Пастернак Б.Л., Доктор Живаго)
Rajatonta, kaikille tuulille altista lumitasankoa. *Olemme ypyksin*. (Tohtori Živago, пер. Konkka J.)

В качестве переводного эквивалента оригинального компаративного фразеологизма в данном примере использовано наречие *ypyksin* 'совершенно один'. Использованное наречие нельзя назвать стилистически нейтральным и полностью лишенным экспрессии, так как его структура свидетельствует об обратном: наречие содержит усилительную приставку *ypö-*, определяющую и интенсифицирующую свойство, выраженное собственно наречием *yksin*. Таким образом, хотя переводной вариант отличается по компонентному составу, значение исходного фразеологизма передано образно и точно.

6.1.12 Калькирование

- (89) Я попал, как кур во щи, и я же оказываюсь виноватым (Чехов А.П., Житейская мелочь)
Jouduin itse kiikkiin kuin kana keittoon, ja minä olen muka syyllinen! (Elämän pikkuseikka, пер. Konkka J.)

Выражение, использованное в оригинальном контексте, является вариантом устойчивого сочетания *попасть как кур в ощи*. Доподлинно неизвестно, какое из этих выражений было исходным и «правильным» (Мокиенко 2004, 307-314), однако оба они

наравне употребляются в русском языке. В тексте перевода сравнение передано в форме кальки *jouduin kiikkiin kuin kana keittoon* 'попал в беду, как курица в суп'. Структура фразы расширена за счет эксплицитно выраженного объекта *jouduin kiikkiin* 'попал в беду'. Кроме того, культурно-специфический гипоним *ци* заменен на суперординату *keitto* 'суп'.

(90) Сыпанут голодранцы во все стороны на первом же перегоне и *лови, как воду решетом* (Приставкин А., Ночевала тучка золотая)

Jo ensimmäisellä taipaleella resupekat häipyvät omille teilleen, *pyydystele sitten heitä- kuin vettä seulalla!* (Yöryi pilvi kultainen, пер. Adrian E.)

Исходное устойчивое сравнение со значением 'заниматься ненужным и бессмысленным делом, выполнять напрасную работу' употреблено в оригинальном тексте в нестандартной форме с глаголом *ловить* (вместо *носить*) *воду решетом*, что обусловлено контекстом. В переводном фрагменте использована калька *pyydystele kuin vettä seulalla*, полностью соответствующая оригиналу по компонентному составу и семантике.

По мнению Олли Салминена, идиома *kantaa vettä seulalla* появилась в финском языке в результате дословного перевода соответствующего русского фразеологизма (Salminen 2016, 28). Верное восприятие ее значения носителями финской культуры, вероятно, объясняется переносом значения, так как в финском (как и в русском) языке есть устойчивое выражение *vuotaa kuin seula* 'течь как решето', которое недвусмысленно указывает на то, что решето не способно удерживать воду (там же, 28).

Примечательно, что в финском языке также существует идиома *pieksää tuulta* букв. 'сечь ветер' со значением 'суется попусту, заниматься бесполезными делами', которую можно рассматривать как семантический аналог русского фразеологизма.

(91) Регина Петровна сметала со стола крошки, но видно было, что *ждет* она от братьев *ответа. Как соловей лета.* (Приставкин А., Ночевала тучка золотая)

Regina Petrovna siivosi murenat pöydältä mutta selvästikin *odotti* veljeksiltä *vastausta. Kuin satakieli kevättä.* (Yöryi pilvi kultainen, пер. Adrian E.)

Рифмованная фраза, основанная на фонетическом сходстве составляющих ее компонентов, с фиксированным порядком слов *ждать ответа, как соловей лета*, часто записывалась на обратной стороне конвертов неофициальных писем, подчёркивая нетерпение получить ответ. По своей лексико-семантической структуре эта ритуализованная формула прощания в сущности является сравнением, в котором желание скорее получить ответ адресата сопоставляется с ожиданием певчей птицей

прихода теплого времени года (Академический словарь русской фразеологии 2014, 452).

В тексте перевода это устойчивое выражение скопировано почти дословно (изменения коснулись только названия времени года *kevät* 'весна'), но, по понятным причинам, без сохранения рифмы. Кроме того, в переводном фрагменте передана без изменений также синтаксическая структура исходного текста, где рассматриваемая фраза оказывается разделенной на два отдельных предложения.

Трудно судить, насколько удалось в данном случае калькирование и были ли вообще достигнуты его цели. То, что оказывается интуитивно понятным носителям русского языка (помимо внутренней формы и актуального значения фразы, что более важно – ее стилистическая функция и ироничная оценочная характеристика), скорее всего окажется за пределами понимания финских читателей. Появление этой фразы в оригинальном контексте было, по всей видимости, обусловлено только рифмовкой двух реплик, без цели сопоставления действий в форме сравнения. Передача такого рода обыгрывания ситуации всегда представляет сложность и ставит переводчика перед необходимостью или создания подобной рифмованной формы, которая соотносилась бы с аналогичной предметной ситуацией (Гарбовский 2007, 416), или полного опущения такой речевой формулы в тексте перевода.

6.1.13 **Случай воспроизведения оригинального устойчивого выражения в тексте перевода с помощью калькирования, в результате которого происходит передача значения составляющих его компонентов, а не переносного значения всего выражения**

Обязательной предпосылкой калькирования является достаточная мотивированность значения фразеологизма значениями его компонентов (Влахов и Флорин 1980, 194-195). Соблюдение этого условия обеспечивает понимание сути устойчивого выражения носителями языка перевода. В противном случае, при отсутствии такой мотивированности и прозрачности, воссозданный в тексте перевода с помощью кальки оригинальный фразеологизм будет понят только на уровне отдельных компонентов.

- (92) В старости все видишь. *Все как на ладони.* (Дудинцев В., Белые одежды)
Vanhana näkee kaiken kuin kämmenellä. (Valkeat vaatteet, пер. Heino U.-L.)

По свидетельству информанта, в данном контексте выражение *näkee kaiken kuin kämmenellä* не только создает ощущение иносказательности, но и смысл его остается неясным.

В языковом материале устойчивое сравнение *быть (видеть) как на ладони* со значением 'видеть что-то отчетливо, совершенно ясно' встретилось восемь раз, из которых в семи случаях в тексте перевода использовалась калька *olla (näkyä, nähdä) kuin kämmenellä*. Только в одном случае исходное выражение было переведено с помощью свободного словосочетания, передающего его значение:

(93) А у вас у самого нет тайн? – Ни одной, *я весь как на ладони*. (Маринина А., Смерть и немного любви)

Eikö teillä itsellänne ole salaisuuksia? Ei yhtään. *Olen täysin avoin*. (Kuolema ja vähän rakkautta, пер. Viitanen Liisa)

В открытых финских источниках (форумах, статьях туристической тематики) рассматриваемое устойчивое сочетание встречается, но с глаголом *näkyä* (например, *horisontilla näkyä Helsinki kuin kämmenellä*). Это наблюдение дает основания полагать, что в определенных контекстах рассматриваемая калька может вызывать «правильные» ассоциации и таким образом передавать значение оригинального фразеологизма.

(94) Весь Сучан разгромлен. *Та-бак дело!*.. Закуривай ... и протянул Левинсону позолоченную сигаретку, так что нельзя было понять- относится ли "закуривай" к сигаретке или к *делам, которые плохи, "как табак"*. (Фадеев А., Разгром)

Koko Sutšan on murskattu. *Näin on kessut! Panetko palamaan? Hän ojensi Levinsonille kullattua savuketta, ja jäi hämärään peittoon, koskiko kehotus savuketta vai asioita, jotka olivat yhtä kurjasti kuin kessut*. (Tuho, пер. Heino U.-L.)

В тексте перевода дважды использована калька устойчивого выражения *дело табак*, обладающего значением 'дела обстоят очень скверно или положение кажется опасным и угрожающим'. В обоих случаях – при переводе восклицания *Та-бак дело!* и при передаче узуальной, эксплицитной версии идиомы в форме сравнения *дела, которые плохи, «как табак»* – с помощью кальки воссоздается значение основных лексических компонентов, в частности, *kessut* 'табак', но не содержание устойчивого выражения, что делает его в переводе в обоих случаях бессмысленным.

Вероятно, семантическая ошибка произошла по причине того, что переводчик не распознал идиоматическое выражение и попытался перевести его как свободное сочетание слов. Подобная неверная интерпретация образных элементов исходного текста не редкость и встречается также при переводе более сложных с точки зрения выраженности значения синтаксических фразеологизмов (например, *Бог с тобой, пес с ними*) причем не только на финский язык (Mikhailov 2021, 191–223).

6.1.14 Полное опущение идиоматического выражения в тексте перевода

(95) Потому что десять процентов сена от того сена, что накопишь в колхозе, эти десять процентов для Ивана Африкановича *как мертвому припарка*. Самое большое на месяц корму <...> (Белов В., Привычное дело)

Eihän se kolhoosin antama kymmenen prosenttia, jonka hän sai niittämästään, riittänyt lehmälle kuin kuukaudeksi <...> (Tuttu tarina, пер. Laaksonen H.)

Идиома оригинального текста *как мертвому припарка*, используемая для обозначения чего-либо совершенно бесполезного, ненужного и напрасного, остается непередаваемой в тексте перевода ни одним из возможных способов. В финском языке существуют идиомы, отличные от исходного идиоматического выражения по лексическому и компонентному составу, но обладающие схожим значением, однако стилистически настолько сниженные, что их употребление в данном контексте оказалось бы неуместным (например, *tarpeeton kuin raavin pallit*). Тем не менее возможность описательного перевода любого идиоматического выражения, даже несмотря на вынужденную потерю образности, всегда сохраняется.

6.1.15 Примеры неэквивалентного перевода

(97) Кто не работает, тот не ест. Как будто это не работа? За вечер семь потов с тебя прольется. *Ходишь, как мышь*. (Аксенов В., Звездный билет)

Joka ei työtä tee, sen ei syömänkään pidä. Niin kuin tämä ei olisi muka työtä? Sen seitsemän hikeä virtaa yhden illan aikana. *Saa hiippailla kuin hiiri*. (Matkalippu tähtiin, пер. Adrian E.)

В этом примере переводчик неверно интерпретировал смысл идиомы *мокрый (потный) как мышь*. Ошибка могла быть вызвана тем, что устойчивое выражение не было идентифицировано как таковое и понято как свободное сочетание слов.

Соответственно, не было выявлено и осознано семантическое содержание всего выражения 'быть совершенно мокрым'. Как следствие, в тексте перевода сравнение, лежащее в основе идиомы было переведено почти дословно *saa hiippailla kuin hiiri* 'бродишь как мышь'.

Причиной, спровоцировавшей ошибку в переводе, могло послужить узуальное употребление идиомы с усеченным составом компонентов (эллипсисом), то есть основание рассматриваемого сравнения *мокрый, потный* было имплицировано, но мотивировано информацией, содержащейся в предыдущем предложении: *за вечер семь потов с тебя прольется*. Кстати, вероятность ошибки при переводе эллиптических фразеологических единиц, отмечал Я. Корхонен, анализируя финские переводы немецких фразеологизмов (Korhonen 2018, 270).

К слову, выражение *семь потов пролилось* передано в тексте перевода посредством калькирования и структурно построено по аналогии с уже имеющимся в финском языке выражением, содержащим то же числительное *sen seitsemän [= (hyvin) monta] asiaa* (KS, s.v. *seitsemän*), что, вероятно, обеспечивает понимание идиомы носителями языка перевода.

(98) Савка был *гол как сокол* и жил хуже всякого бобыля. (Чехов А.П., Агафья)

Savka oli *vaatteeton kuin haukka* ja eli kehnemmin kuin maaton ja suvuton poikamies.
(Агафья, пер. Konkka J.)

В примере (98) текст перевода содержит ошибку в передаче фразеологизма *гол как сокол*, обладающего значением 'быть крайне бедным'. Согласно традиционной версии происхождения, под *соколом* в этом обороте понимается средневековая шестифунтовая пушка, имеющая гладкую («голую») металлическую поверхность, а само слово *сокол* является здесь буквальным переводом французского военного термина *faucou*, обозначающего орудие-фокон (Мокиенко 2004, 415-422).

Буквальный перевод устойчивого сравнения *vaatteeton kuin haukka* 'без одежды как сокол' делает его значение абсурдным и приводит к коммуникативной неудаче на локальном уровне.

(99) *Вцепился как клещ*- давай ему процент участия. (Дудинцев В., Белые одежды)

Pureutuu kuin hohtimet- hänelle pitäisi antaa tietty osakkuus keksintöön. (Valkeat vaatteet, пер. Heino U.-L.)

Ошибка в тексте перевода *pureutuu kuin hohtimet* 'вцепился как клещи' объясняется неверным трактованием слова *клещ* (паукообразный кровососущий паразит), имеющего омоним в форме *клéщи*. Переводчик не принял во внимание то обстоятельство, что объект сравнения употреблен в оригинальном тексте в единственном числе *клещ*, что само по себе исключает использование омонима, употребляющегося только во множественном числе и означающего инструмент в форме щипцов с длинными ручками и короткими концами, загнутыми вовнутрь.

(100) А через час, смотрю, все *ребята, как в воду опущенные*. И на меня не глядят.

(Дудинцев В., Белые одежды)

Ja tunnin kuluttua *pojat ovat kuin uitettuja koiria*. Eivät edes katso minuun. (Valkeat vaatteet, пер. Heino U.-L.)

В отношении этого примера нет полной уверенности в том, является ли он случаем неэквивалентного перевода.

В исходном фрагменте использовано идиоматическое выражение *как в воду опущенные* в значении 'быть подавленным, угнетенным, удрученным чем-либо'. В качестве переводного эквивалента в параллельном контексте приводится финское устойчивое сравнение *kuin uitettuja koiria* 'как выкупанные собаки'.

Дело в том, что фразеологические словари Э. Кари, П. Муйкку-Вернер и Kielitoimiston sanakirja приводят только одно толкование идиоматического выражения (*märkä*) *kuin uitettu koira*, а именно 'litimärkä, likomärkä' ('совершенно мокрый'). Большинство найденных в открытых источниках примеров употребления этого устойчивого сравнения подтверждает, что оно используется именно в этом значении: *olimme kuin uitettuja koiria – hikisiä ja aivan poikki; pelaajat ja vanhemmat olivat sateen jäljiltä kuin uitettuja koiria; käveltiin pidempää reittiä metsään, kun taivas repesi totaalisesti ja alle kahdessa minuutissa kaikki neljä oltiin kuin uitettuja koiria*.

Однако, информант отметил, что в данном контексте рассматриваемый финский эквивалент может передавать значение 'alakuloinen, surullinen' ('подавленный, грустный'), что соответствует значению оригинального фразеологизма. В открытых источниках было найдено всего несколько примеров, значение которых может быть истолковано в этом ключе: *noh, sain pioniuunikoiden taimia, jotka oli kuin uitettuja koiria, ja uloimmat lehdet lötköjä; surkea kuin uitettu koira*.

(101) Невыносимый, прямой, как оглобля, и вместе с тем, черт тебя знает, добрый.
(Гроссман В., Все течет)

Sietämätön, suora kuin seiväs ja silti kiltti, piru vieköön. (Kaikki virtaa, пер. Adrian E.)

В исходном тексте использовано устойчивое выражение *прямой, как оглобля* со значением 'прямолинейный, откровенный'. Во фразеологических словарях не было найдено информации об этом выражении, однако в открытых источниках оно употребляется часто, также в форме *прямой, как дышло* и с тем же значением.

В тексте перевода, вероятно, по причине неверного (буквального) толкования значения слова *прямой* был использован фразеологизм с иным значением *suora kuin seiväs* 'прямой как жердь', характеризующий человека, обычно высокого и худого.

В этом пункте были рассмотрены примеры перевода свободных и устойчивых сравнений, выраженных в форме конструкции с союзом *как*.

Далее будут представлены примеры перевода сравнений и устойчивых сочетаний с союзами *точно* и *будто*.

6.2 Образные сравнения, выраженные конструкциями с союзами *точно* и *будто*

Из языкового материала было отобрано в общей сложности 84 примера использования свободных и индивидуально-авторских образных сравнений с участием союзов *точно* и *будто*, при этом были выявлены все три основных способа перевода по классификации Э. Честермана с явным доминированием случаев применения первой стратегии, то есть сохранение оригинального сравнения (с возможным лексическим варьированием) в тексте перевода (см. Таблицу 14).

Таблица 14. Способы перевода свободных образных сравнений с участием маркеров *точно* и *будто*

Способ перевода	Маркер сравнения	
	точно	будто
1. ST троп X → TT троп X	57	18
2. ST троп X → TT троп Y	1	-
3. ST троп X → TT троп Ø	3	3
замена свободного образного сравнения фразеологическим оборотом	1	1
Всего	62	22

В представленных в следующих подпунктах примерах будут рассмотрены способы перевода свободных образных сравнений, встретившихся в оригинальных контекстах и содержащих рассматриваемые маркеры. В рамках первой стратегии будут рассмотрены все встретившиеся случаи лексико-семантического варьирования.

6.2.1 ST троп X → TT троп X

Образное сравнение исходного текста сохраняется в тексте перевода

(102) Солнце на голубом небе стремительно выросло, ослепило и заполнило весь зеленый широкий мир, тот мир, в котором, будто снежинка в глазу, тотчас же растаяла вся Рогуля. (Белов В., Привычное дело)

Aurinko paisui sinisellä taivaalla hirmuisen suureksi, se sokaisi ja täytti koko vihreän avaran maailman, johon Mansikki sulii olemattomiin kuin lumihutale silmässä. (Tuttu tarina, пер. Laaksonen H.)

Оригинальное сравнение, выраженное с помощью союза *будто*, передано в тексте перевода с помощью структурно и компонентно схожей конструкции, в которой в качестве лексического эквивалента рассматриваемого маркера использован союз *kuin*. В переводном контексте все же присутствует изменение исходной информации, которое

коснулось имени коровы: *Рогуля* получает в тексте перевода стереотипное для коровы финское имя *Mansikki*, ставшее практически синонимом самого понятия *корова* (Kaarlenkaski ja Saarinen 2013, 152). Кстати, в финском языке есть и подобное оригинальному имя, также основанное на выдающейся особенности внешнего вида животного (рогах) *Sarvikki* (Viljanen 2017, 20).

(103) Еще раз прошел дождь. Был вечер. *Город сверкал, точно, высеченный из угля кардифа.*
(Олеша Ю., Зависть)

Vielä kerran tuli sade. Oli ilta. *Kaupunki säteili kuin hehkuva hiili.* (Kateus, пер. Adrian E.)

Сравнение исходного текста содержит национальный концепт *уголь кардифа*, который, однако, не относится к культуре языка перевода. Кардиф – это лучший сорт английского каменного угля, обладающего высокой теплотворной способностью, лёгкой горючестью и дающий мало дыма (Словарь иностранных слов русского языка, s.v. кардиф).

Переводчиком было принято решение опустить специфическое понятие с неясным содержанием, вероятно, чтобы сделать текст перевода более приемлемым для восприятия финской читательской аудиторией. Тем не менее, сравнение в тексте перевода создает несколько иную ассоциацию, чем оригинальное: *kaupunki säteili kuin hehkuva hiili* 'город сиял, как раскаленный уголь', что наводит на мысль о красноватых отблесках, в то время как в исходном контексте речь шла, скорее всего, об антрацитовом блеске.

6.2.2 ST троп X → TT троп Y

Образное сравнение исходного текста может быть переведено как сравнение, но, основанное на другом содержании, или передано с помощью другого тропа

(104) <...> знаете, по-своему, по-татарски, коленками ее ежит, а она [кобылица] под ним окрыляется и *точно птица летит* <...> (Лесков Н., Очарованный странник)

Hän istuu, tiedättehän, omalla tataarilaisella tavallaan ja puristaa hevosta polvillaan, ja *tamma hänen allaan saa siivet ja lentää lintuna* <...> (Lumottu vaeltaja, пер. Pyykkö L.)

Традиционное (наряду с ветром и стрелой) сравнение стремительного бега лошади с полетом птицы, выраженное посредством союза *точно*, приобретает в переводном контексте форму метафоры *lentää lintuna*. Такой прием встречается в языковом материале в целом довольно часто и, несмотря на тонкие семантические различия между этими двумя средствами выразительности, является гармоничной заменой.

6.2.3 ST троп X → TT троп Ø

Образное сравнение исходного текста полностью опускается или передается в тексте перевода с помощью неметафорического высказывания

(105) Бригад-егерь барон Трэгг, – представился он. *Будто гусеницы лязгнули*. Командир отдельного восемнадцатого отряда лесных егерей. (Стругацкие А. и Б., Парень из преисподней)

Paroni Tregg jääkäriprikaatista, hän esittäytyi. – Kahdeksannentoista erillisen metsäjääkäriosaston komentaja. (Poika helvetistä, пер. Adrian E.)

Сравнение оригинального фрагмента, образно передающее ассоциацию, вероятно, навеянную фонетическим сходством звука, издаваемого гусеницами транспортного средства, и фамилией персонажа *Трэгг*, полностью опущено в тексте перевода.

Возможно, причиной такого решения послужило отсутствие аналогичной фонетической ассоциации в финском языке, вследствие чего необходимых художественный эффект не был бы достигнут.

(106) Сидел возле, держал в руке легкую, как ветошь, сизую старушечью руку и что-то гудел, рассказывал – она просила, как маленькая, – *а в голове будто колокол*: там коня потеряешь, <...> (Трифонов Ю., Дом на набережной)

Hän istui tämän vierellä, piteli kädessään vanhuksen rievunkeveää, sinervänharmaata kättä, puheli jotain ja kertoili – tämä kyseli kuin pikkutyttö – *mutta päässä tuntui jyskyttävän*: siellä menettää hevosensa, <...> (Talo rantakadulla, пер. Koskinen M.)

В данном примере исходное сравнение *в голове будто колокол* передается в тексте перевода не напрямую, а посредством свободного словосочетания *päässä tuntui jyskyttävän* 'казалось, в голове стучит', по сути раскрывающего значение сравнения 'в голове стучат, бьются слова'.

В этом примере обращает на себя внимание синтаксическая интерференция, проявляющаяся в нетипичной для финского языка структуре предложения и пунктуации (два тире и двоеточие в одном предложении), что, очевидно, свидетельствует о буквальном переносе пунктуации оригинала.

6.2.4 Замена свободного образного сравнения фразеологическим оборотом

(107) Бери, – сказал Третьяков, *будто рукой махнул*. (Бакланов Г., Навеки девятнадцатилетние)

Ota pois, sanoi Tretjakov *kuin kintaalla viitaten*. (Synnyinmaan puolesta, пер. Orlov Vappu)

Контекстуальные значения образного сравнения *сказал, будто рукой махнул* и финского устойчивого выражения *viitata kintaalla (jollekin)* в этом примере совпадают (проявление безразличия к происходящему). Перевод сопровождается характерной для

этой стратегии заменой лексических компонентов, однако экспрессивная коннотация оригинала сохраняется.

6.2.5 Способы перевода устойчивых сравнений, выраженные сравнительными конструкциями с союзами *точно* и *будто*

Всего в оригинальных контекстах корпуса было выявлено 23 случая использования устойчивых сравнений в форме конструкции с союзами *точно* и *будто* для перевода которых использовались различные способы перевода. Наибольшее количество примеров демонстрировали описательный перевод и калькирование оригинальных фразеологизмов, и лишь в редких случаях переводчики прибегали к использованию частичного эквивалента или аналога, отдельной лексемы или полностью опускали идиоматическое выражение в тексте перевода (см. Таблицу 15).

Таблица 15. Способы перевода устойчивых сравнений с маркерами *точно* и *будто* в переводных контекстах корпуса «ПарРус»

Способ перевода устойчивых сравнений	Количество случаев использования по маркерам	
	точно	будто
частичный эквивалент	-	1
фразеологический аналог	1	-
описательный перевод	6	3
лексический перевод	2	-
калькирование	7	-
полное опущение устойчивого выражения	1	-
неэквивалентный перевод	2	-
Всего	19	4

В следующих пунктах будут рассмотрены примеры нескольких способов перевода устойчивых сравнений, а также случаи неэквивалентного перевода.

6.2.6 Описательный перевод

(108) Ну что бы с нами было теперь, Дуня, без этих трех тысяч! Господи, *точно с неба упали!* (Достоевский Ф.М., Преступление и наказание)

Mihin pulaan olisimmekaan joutuneet, Dunja, ilman noita kolmeatuhatta! Hyvä Luoja, nehän *tipahtivat kuin taivaan lahjana.* (Rikos ja rangaistus, пер. Konkka J.)

Переводной фрагмент демонстрирует нестандартный пример описательного перевода, в котором для передачи идиоматического выражения *точно (как) с неба упасть (свалиться)* со значением неожиданного появления чего-либо были использованы не

свободные и стилистически нейтральные конструкции, а образное сравнение *tipahtivat kuin taivaan lahjana* 'свалились, как дар небесный'. Содержание оригинального фразеологизма при этом несколько изменилось: семантический акцент сместился от неожиданного события к благому, спасительному событию.

6.2.7 Лексический перевод

(109) Вокруг оглушительно, *точно сорок сороков*, гремели и заливались синие колокольцы. (Аксенов В., Звездный билет)

Ympärillä pauhasivat ja helisivät korvia huumaavasti *lukemattomat kellot*. (Matkalippu tähtiin, пер. Adrian E.)

Использованное в оригинальном фрагменте устаревшее устойчивое выражение *точно сорок сороков*, обладающее значением 'большое количество, множество чего-либо', передано в тексте перевода описательно, с помощью лексемы *lukemattomat* 'бесчисленные'. Традиционно для этого способа перевода точная передача значения идиоматического выражения сопровождается значительной потерей образности и экспрессии.

6.2.8 Калькирование

В следующих двух примерах для передачи оригинального устойчивого сравнения переводчики воспользовались приемом калькирования, воспроизведя в тексте перевода структуру и компонентный состав идиоматических выражений в соответствии с нормами финского языка. Несмотря на ощущение иносказательности, оба переводных соответствия-кальки мотивированы и их образность понятна носителям языка перевода:

(110) На пляже вдруг *всех точно ветром сдуло*. (Аксенов В., Звездный билет)

Oli kuin tuuli olisi puhaltanut kaikki muut rannalta. (Matkalippu tähtiin, пер. Adrian E.)

В следующем примере в тексте перевода использована калька оригинального выражения при наличии эквивалентной фразеологической единицы в финском языке *syntyä kuin maasta polkaisten*.

(111) Вдруг, *точно из земли выросши*, около стола появляется отец. (Чехов А.П., Событие / Собр. соч. в 15 тт.)

Äkkiä pöydän viereen ilmestyy isä *kuin maasta kohonneena*. (Surkea tapaus / Valitut novellit 1., пер. Konkka J.)

6.2.9 Случаи неэквивалентного перевода

(112) *Все точно с цепи сорвались* – кухонные мальчишки, купцы и инородцы. Торговый человек – он играет. (Бабель И., Иисусов грех)

Kaikki olivat kuin irti kahleistaan – keittiöpojat, kauppiaat ja muukalaiset. Leikki on kaupparehellä mielessään. (Jeesuksen synty, пер. Adrian, Esa)

Пример калькирования фразеологического оборота, которое ввиду недостаточной «прозрачности» и мотивированности исходного образа воспринимается как буквальный перевод. При этом переводное соответствие не передает содержания выражения, а сводится к значениям составляющих его компонентов, что затрудняет, если вообще делает возможным понимание его переносного значения носителями языка перевода.

(113) Но только вдруг влущиваюсь, и слышу, что из-за этой циновочной двери льется песня ... томная-претомная, сердечнейшая, и поет ее голос, *точно колокол малиновый*, так за душу и щипет, так и берет в полон. (Лесков Н., Очарованный странник)

Mutta kun kuulostelen, niin kuulen, että niinimattoisen oven takaa kiirii laulu ... hempeä, raukea, sydämellinen ja laulajan ääni on *kuin vadelmanpunainen kello*, niin se näppäilee sieluani, niin vangitsee. (Lumottu vaeltaja, пер. Pyykkö L.)

Буквальный перевод образного сравнения *точно колокол малиновый*, основанного на устойчивом словосочетании *малиновый звон*, объясняется неверной интерпретацией значения выражения, которая привела в переводе к воспроизведению цвета, а не звука: *kuin vadelmanpunainen kello* 'как колокол малиново-красного цвета'.

Существует несколько версий происхождения этого выражения, и, согласно одной из них, словосочетание *малиновый звон* не имеет никакого отношения ни к соответствующей ягоде, ни к ассоциируемому с ней цветом. Такую характеристику колокольный звон получил от названия бельгийского города Мали́н, славящегося колокольной своего собора и искусством звонарей. Выражение *малиновый звон* буквально значит «такой же красивый звон, как в городе Малине» (Бирих и др. 1998, 206). Согласно другой версии, органолептические свойства ягоды все-таки повлияли на значение выражения, вернее на его положительную оценочность: возникла вторичная ассоциация с прилагательный *малиновый*, напоминающим о сладком вкусе, в то время как связь с названием бельгийского города была забыта (там же, 206).

На этом мы заканчиваем рассмотрение примеров перевода образных сравнений, представленных в исследовательском материале, и переходим к анализу результатов исследования.

7 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы изучили особенности перевода свободных и устойчивых образных сравнений с финского языка на русский и с русского языка на финский. Главной задачей исследования являлось проведение анализа употребления различных способов перевода образных сравнений на примерах из параллельных корпусов художественных текстов «ПарРус» и «ПарФин» с целью определения наиболее используемых стратегий и выявления возникающих при переводе трудностей.

В теоретической части работы был представлен обзор основных подходов к переводу тропов и фразеологических оборотов, а также различные точки зрения на сущность и значимость понятия эквивалентность. Для изучения отобранных переводных соответствий свободных образных сравнений использовались четыре локальные стратегии перевода тропов, представленные в работе Э. Честермана (Chesterman 1997). К этой группе стратегий нами был добавлен еще один прием перевода свободных сравнений, встретившийся в языковом материале: замена оригинального свободного сравнения фразеологическим оборотом в тексте перевода.

В ходе анализа переводных контекстов, содержащих устойчивые сравнения, использовалась разработанная нами сводная классификация способов перевода фразеологических единиц, основанная на традиционно выделяемых в научной литературе типах переводных фразеологических соответствий.

Из финско-русского параллельного корпуса было выделено всего 1210 примеров образных сравнений и их переводов на русский язык. Большая часть примеров из этого количества – 1136 – приходится на типичную для финского языка сравнительную конструкцию с союзом *kuin*, 74 примера демонстрирует сочетания с лексемами компаративной семантики наречиями *tavoin* и *lailla* и прилагательным *kaltainen*.

Из русско-финского параллельного корпуса было отобрано 1400 примеров образных сравнений и их переводных соответствий, из которых 1293 примера демонстрируют использование в оригинальном контексте сравнительной конструкции с союзом *как*, а оставшиеся 107 примеров – это случаи выражения сравнений с помощью конструкций с союзами *точно* и *будто*.

Количество примеров свободных образных сравнений, охватывающих все рассматриваемые маркеры для обоих языков, оказалось примерно одинаковым и

составило для корпуса «ПарФин» 1187 примеров, а для корпуса «ПарРус» – 1170 примеров, поэтому их сопоставление для демонстрации результатов исследования представляется корректным.

В пятой и шестой главах работы мы провели анализ отобранных переводных соответствий и выяснили, что наиболее распространенным способом перевода свободных образных сравнений как на русский, так и на финский язык является по возможности полное сохранение лексико-семантической организации исходного сравнения в тексте перевода, то есть первая из выделенных Э. Честерманом стратегий перевода тропов. Процент случаев применения этой стратегии составляет для финских переводных контекстов – 93,9 %, а для русских – несколько меньше, 89 % (здесь и далее процентные соотношения приводятся на основании данных Рис. 5).

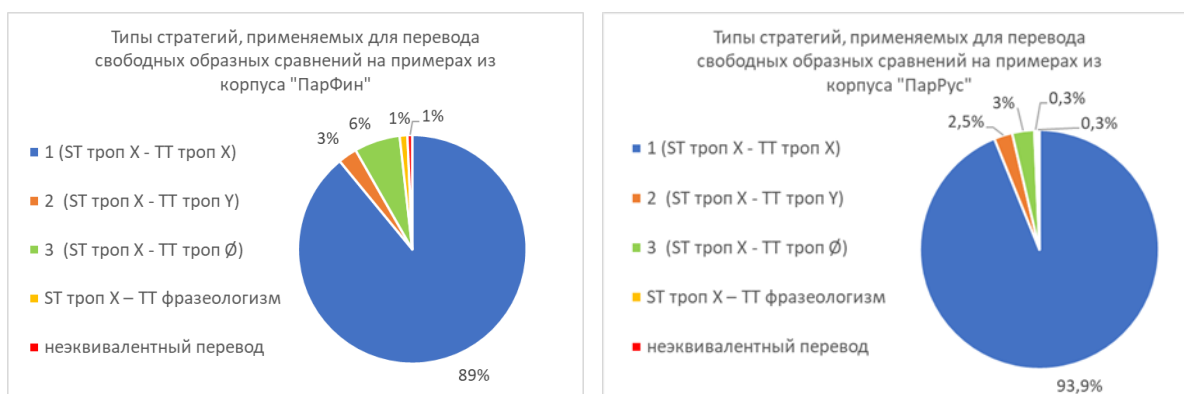

Рис. 5. Сопоставление диаграмм, демонстрирующих процентное соотношение стратегий, применяемых для перевода образных сравнений, на примерах из корпусов «ПарФин и «ПарРус»

Значительно меньшим, но близким по значению для обоих языков оказался процент случаев, демонстрирующих замену сравнения в тексте перевода другим тропом (как правило метафорой): в финских переводных контекстах таких примеров было выявлено 2,5 %, а в русских – 3 %.

Полное опущение исходного сравнения или его описательная передача происходили заметно чаще при переводе на русский язык – в 6 % случаев. При переводе на финский язык эта стратегия имела место только в 3 % случаев.

В ходе анализа отобранных примеров при переводе на русский язык встретилось 13 случаев замены свободного сравнения фразеологическим оборотом (что составляет 1 %), причем не всегда в форме компаративного фразеологизма. В финских переводных

контекстах тоже встретились случаи использования этого приема, однако их количество оказалось значительно ниже – всего 4 случая, что составило 0,3 % от общего числа примеров. Этот прием характеризуется значительными информационными и зачастую стилистическими потерями при видимом сохранении экспрессивной коннотации (в отличие от лишенной этих «недостатков» замены сравнения метафорой). В финских переводах явно преобладает тенденция к максимально возможному сохранению структурного и лексико-семантического состава исходного сравнения, что может служить объяснением редкого использования этого приема. Стремлением финских переводчиков следовать как можно ближе тексту оригинала может объясняться и относительно низкий процент применения предыдущей стратегии – либо полного исключения исходного сравнения из текста перевода, либо его описательного перевода, что неминуемо ведет к потере образности, тем самым снижая экспрессивную коннотацию всего контекста.

При анализе переводных контекстов на обоих языках были выявлены случаи неэквивалентного перевода, чаще всего обусловленные неверным пониманием отдельных лексических компонентов, синтаксиса или общего смысла оригинальной фразы, содержащей сравнение.

По результатам исследования перевода свободных образных сравнений можно заключить, что процент структурных и лексико-семантических отклонений при их передаче на русский язык оказался выше, чем для переводов на финский язык, что свидетельствует о более свободной интерпретации исходного текста и использовании переводчиками различных средств выражения как исследуемых единиц, так и других элементов контекста. Для финских переводных контекстов характерна в большей степени дословная передача оригинальных сравнений и более осторожные «эксперименты» со способами выражения сравнений. Это наблюдение подтверждает ту часть нашей гипотезы, в которой мы предполагали, что среди способов перевода образных сравнений при их передаче с русского языка на финский будет доминировать подход, предусматривающий полное сохранение исходного сравнения в тексте перевода. Что касается нашего предположения относительно значительной представленности в тексте переводов на русский язык различных переводческих стратегий, то оно подтвердилось частично. Действительно, замена свободного сравнения другими видами тропов, его описательная передача или полное опущение наблюдались в переводах на русский язык чаще, чем в переводах на финский, однако в

целом для русских переводных контекстов преобладающей оказалась стратегия дословного перевода.

Анализ примеров перевода на рассматриваемые языки устойчивых сравнений показал совершенно другие результаты.

Прежде всего следует отметить, что само количество выявленных устойчивых сравнений в финских и русских оригинальных контекстах значительно различается. Если в примерах из корпуса «ПарФин» было обнаружено 23 устойчивых сравнения, то случаев употребления компаративных фразеологизмов в примерах из корпуса «ПарРус» оказалось на порядок больше – 230, что надо принять во внимание при оценке репрезентативности данных, в особенности для финских переводных контекстов.

Выявленные в языковом материале примеры демонстрируют различные способы перевода фразеологических оборотов, существующие в переводческой практике. Причем, как наглядно показывает Рис. 6., при переводе с финского языка на русский преобладал подход, предусматривающий использование фразеологического аналога, а при переводе с русского языка на финский – калькирование.

Рис. 6. Сопоставление диаграмм, демонстрирующих количественное и процентное соотношение стратегий, применяемых для перевода устойчивых сравнений, на примерах из корпусов «ПарФин» и «ПарРус»

В обоих языковых направлениях обнаружено близкое по процентному соотношению количество примеров использования полных эквивалентов, среди которых выявлены библеизмы и типологически идентичные фразеологизмы, отражающие общие для обеих культур наблюдения за человеком и окружающим миром.

Доминирующий при переводе с финского языка на русский (31 %) способ перевода исходного фразеологизма с помощью аналога показал более скромные результаты в финских переводных контекстах (14 %).

В переводных контекстах на обоих языках широко использовался описательный перевод, который, несмотря на значительную или полную потерю образности, позволяет точно передать содержание устойчивого выражения. На самом деле, преимущества такого безобразного способа передачи значения устойчивого выражения вырисовываются более отчетливо при его сопоставлении с неудачными случаями калькирования, в которых образ «оживает», но становится бессмысленным.

Такие случаи встретились среди примеров перевода устойчивых сравнений с русского языка на финский. Преобладающее среди способов перевода в этой языковой паре калькирование, оказалось неоднородным и включало большую группу пограничных случаев, которые можно было бы отнести к неэквивалентному переводу по причине передачи значения отдельных компонентов, но не содержания самого выражения. Однако абсолютной уверенности в «несостоятельности» такого калькирования не было. Кроме того, многие выявленные случаи калькирования, по мнению информанта, обладали некоторым «налетом» иносказательности, однако были достаточно мотивированны и переносный смысл их был понятен.

Тем не менее, доминирование этого способа перевода устойчивых сравнений по результатам анализа переводных контекстов вновь подтвердило выдвинутую нами в начале исследования гипотезу о тяготении финских переводов к сохранению структуры и компонентного состава оригинальных единиц, как выяснилось, подчас в ущерб содержанию.

Обращает на себя внимание также бóльший процент использования способов лексического перевода в финских переводных контекстах по сравнению с русскими, что, по всей видимости, объясняется особенностями финского словообразования.

В переводных контекстах на обоих языках были обнаружены случаи неэквивалентного перевода, однако характер ошибок в передаче устойчивых сравнений был различным: при переводе на русский язык в качестве переводного соответствия был использован квазианалог, а при переводе на финский язык возникали ошибки, связанные с нераспознаванием омонима, неверной интерпретацией смысла выражения и вследствие этого его буквальным переводом.

В заключение, по результатам исследования, необходимо отметить, что передача свободных образных сравнений на рассматриваемые языки не вызывает значительных затруднений у переводчиков: в переводных текстах, как правило, сохраняется как форма, так и содержание исходного сравнения. Иначе дело обстоит с устойчивыми сравнениями, трудности в переводе которых начинаются с умения распознать фразеологический оборот в тексте оригинального произведения и правильно передать его переносный смысл. В любом случае, перевод таких выразительных средств языка как тропы и образные устойчивые сочетания, которые не только участвуют в передаче информации, но и создают необходимый эмоционально-экспрессивный эффект, требует от переводчика разносторонних и глубоких знаний культуры языка перевода и, что не менее важно, понимания коммуникативной задачи высказывания в конкретном контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

ПарРус - Русско-финский параллельный корпус художественных текстов 2003-2020. [Электронный ресурс: <http://puolukka.rd.tuni.fi/texthammer/>] (Дата обращения 19.08.2024)

ПарФин - Финско-русский параллельный корпус художественных текстов 2003-2020. [Электронный ресурс: <http://puolukka.rd.tuni.fi/texthammer/>] (Дата обращения 19.08.2024)

Научная и справочная литература

Агапкина Т.А. 2016. «Трепетание осины в этиологических сюжетах славянского фольклора.» *Славянский альманах* 3 – 4: 302-321.

Арсентьева, Е.Ф. 1983. «Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках». Дис. ... канд. филол. наук.: Казань.

Баранов, А.Н. и Добровольский, Д.О. 2008. *Аспекты теории фразеологии*. М.: Знак.

Баранов А.Н. и Добровольский Д.О. (ред.) 2020. *Академический словарь русской фразеологии*. 3-е изд. М.: Лексрус.

Бирих, А.К., Степанова, Л.И. и Мокиенко, В.М. 1998. *Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник*. С.-Петербург. гос. ун-т. СПб: Фолио-Пресс.

Вахрос, И. и Щербаков, А. 2002. *Большой финско-русский словарь*. Под ред. В. Оллыкайнен и И. Сало. М.: Издательство «Живой язык».

Влахов, С. и Флорин, С. 1980. *Непереводимое в переводе*. М.: Международные отношения.

Войнова, Л.А., Жуков, В.П. и Федоров, А.И. 1987. *Фразеологический словарь русского языка*. Под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык.

Гарбовский, Н.К. 2007. *Теория перевода: Учебник*. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Глебкин, В.В. 2013. «Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера: опыт системного анализа.» *Вопросы философии* 9: 161-175.
http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=826&Itemid=52 (дата обращения 26.08.2024).

ГРАМОТА.РУ [Электронный ресурс] Справочно-информационный интернет-портал, 2024. — Режим доступа: <https://gramota.ru>, свободный.

Григорьев, А.В. 2012. «Пушкинский «отрок библии» и евангельский «блудный сын.» В: *SCRINIUM Journal of Patrology, Critical Hagiography and Ecclesiastical History* 7–8, 1: 77-91.

- Девятова, Н.М. 2002. «Конструкции с союзом как.» *Русский язык* 31
<https://rus.lsept.ru/article.php?ID=200203107> (дата обращения 26.08.2024).
- Девятова, Н.М. 2010. «Об образном сравнении и его типологии.» В: *Болгарская русистика*. София: Орган общества русистов Болгарии, 3-4, том 2: 56-64.
- Добровольский, Д.О. 2003а. «Корпус параллельных текстов как инструмент анализа литературного перевода.» В: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог 2003»*. М.: Наука, 126-131. <https://www.dialog-21.ru/media/2619/dobrovolskij.pdf> (дата обращения 19.08.2024).
- Добровольский, Д.О. 2003б. «Корпус параллельных текстов и литературный перевод.» *НТИ сер.2*, 10: 13-18.
- Добровольский, Д. О. 2011. «Сопоставительная фразеология: межъязыковая эквивалентность и проблемы перевода идиом.» В: *Русский язык в научном освещении* 2(22): 219-247.
- Добровольский, Д.О. 2015. «О границах переводимости в художественном переводе.» В: *Профили языка: социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика*. М.: Буки Веди, 135-151.
- Дубровин, М.И. 1981. *Русские фразеологизмы в картинках* (suom. P. Soikkeli, M. Turunen). М.: Русский язык.
- Дубровина, К.Н. 2010. *Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов*. М.: Флинта: Наука.
- Камышова, А.Е. 2006. «Сравнение и его функции в структуре прозаического текста (на материале прозы В. Брюсова).» Автореф. дис. ... к-та фил. наук. Спб.
- Ковшова, М.Л. 2016. «Фразеологические сравнительные конструкции с невыраженным признаком сравнения: возможности и ограничения на употребление.» В: *Устойчивые сравнения в системе фразеологии*. СПб.: Грайфсвальд, 50-59.
- Комиссаров, В.Н. 1990. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа.
- Комиссаров, В.Н. 1999. *Современное переводоведение. Курс лекций*. М.: ЭТС.
- Королькова, А.В., Ломов, А.Г. и Тихонов, А.Н. 2004. *Фразеологический словарь современного русского литературного языка*. Под ред. Тихонова А. Н. М.: Издательство «Флинта», Издательство «Наука».
- Крылова, М.Н. 2003. «Разноуровневые средства выражения сравнения, их функции в языке поэзии и прозы И.А. Бунина И С.А. Есенина.» Автореф. дис. ... к-та фил. наук. Ростов-на-Дону.
- Крылова, М.Н. 2013. «И это всё сравнение: разнообразие структурных типов.» *Русский язык и литература для школьников* 4: 3-12.

- Лакофф, Дж. и Джонсон, М. *Метафоры, которыми мы живем*. 2004. Пер.с английского А. Н. Баранова и А. В. Морозовой М.: Урсс.
- Лебедева, Л.А. 2017. *Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь*. М.: Издательство «Флинта».
- Летучий, А.Б. 2017. «Сравнительные конструкции.» В: *Материалы к корпусной грамматике русского языка*. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории М.: Издательство Нестор-История, 132-205.
- Кожевников В. М. и Николаев П. А. (ред.) 1987. *Литературный энциклопедический словарь*. М.: «Советская энциклопедия».
- Михайлов, М.Н. 2003. *Параллельные корпуса художественных текстов*. Acta Universitatis Tampereensis, 956, Acta Electronica Universitatis Tampereensis, 280. Tampere: Tampere University Press.
- Мокиенко, В.М. 2004. *Почему так говорят? От Авося до Ятя. Историко-этимологический справочник по русской фразеологии*. СПб.: Норинт.
- Мокиенко, В.М. 2008. *Большой словарь русских народных сравнений: большой объяснительный словарь: более 45000 образных выражений*. М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Мокиенко, В.М. 2017. «Системность устойчивых сравнений.» В: *Материалы к корпусной грамматике русского языка*. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории М.: Издательство Нестор-История, 37-49.
- Найдич, Л.Э. и Павлова А.В. 2019. «Беспредложный творительный падеж в роли предикативного атрибута. На материале русской поэзии» В: *О семиотике языка и ее исследователе: памяти Маргариты Ивановны Лекомцевой*. Тарту, 160—218.
- Огольцева, Е.В. 2016. «Синонимия устойчивых сравнений: традиция и перспектива исследования.» В: *Устойчивые сравнения в системе фразеологии: коллектив. моногр.* СПб.: Грайфсвальд, 63-73.
- Паршукова, М.М. 2016. «Структурная классификация сравнений (на примере перевода романа Д. Лондона «Мартин Иден»).» *Современные исследования социальных проблем* 2-1(26): 138-148.
- Рецкер, Я.И. 2007. *Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода*. 3-изд. М. «Р. Валент».
- Розенталь, Д.Э. 2013. Справочник по русскому языку. Орфография. Пунктуация. Орфографический словарь. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://old-rozental.ru> (дата обращения 26.08.2024)
- Скляревская, Г.Н. 2017. «Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия.» *Мир русского слова* 4: 9-17.
- Словарь иностранных слов русского языка. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rus-foreign-words-dict.slovaronline.com> (дата обращения 26.08.2024).

Словарь насчитывает 54 148 слов и включает словарные статьи из следующих изданий:

1. Михельсон, А.Д. 1865. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. Сост. А. Д. Михельсон. М.: Издание книгопродавца А. И. Манухина.
2. Попов, М. 1907. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. 3-е изд. М.: т-во И.Д. Сытина.
3. Павленков, Ф.Ф. и Иванов, М. 1907. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 2-е изд. СПб: Ф. Павленков.
4. Чудинов, А.Н. (под ред.) 1910. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. 3-е изд. СПб: В.И. Губинский.
5. Крысин, Л. П. 1998. Толковый словарь иноязычных слов. М: Русский язык.

Справочник по фразеологии [Электронный ресурс]. Справочно-информационный интернет-портал ГРАМОТА.РУ, 2024.

Режим доступа: <https://rus-foreign-words-dict.slovaronline.com>, свободный (дата обращения 26.08.2024).

Стихина, И.А. 2021. «Сравнительные фразеологизмы: особенности субкласса (на примере немецкого языка).» *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология* 27, 4: 139–151.

Теляя, В.Н. 1996. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Школа «Языки русской культуры».

Тихонов, А.Н., Ломов, А.Г. и Ломова, Л.А. 2007. *Фразеологический словарь русского языка*. М.: Русский язык: Медиа.

Томашевский, Б.В. 1983. *Стилистика: учебное пособие*. Ленинград: ЛГУ.

Шанский, Н.М. и Быстрова, Е.А. 1979. *700 фразеологических оборотов русского языка* (suom. R. Kuusinen). М.: Русский язык.

Швейцер, А.Д. 1988. *Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты*. М.: Наука.

Al-Hasnawi, Ali R. 2007. "A Cognitive Approach to Translating Metaphors." *Translation Journal Volume* 11, No. 3
<https://translationjournal.net/journal/41metaphor.htm> (дата обращения 26.08.2024).

Aristotle. 1959. *Rhetorica*. In: *The Works of Aristotle*. Oxford: Clarendon Press.

Baker, Mona. 2018. *In Other Words. A Coursebook on Translation*. Third Edition. Routledge.

Black, Max. 1993. "More about Metaphor." In: Andrew Ortony (toim.) *Metaphor and thought*. 2. painos. Cambridge: Cambridge University Press. 19–41.

Broeck, van den, R. 1981 "The limits of translatability exemplified by metaphor translation." *Poetics Today* 2 (4): 73-87.

- Catford, John Cunnison. 1965. *A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics* Oxford University Press.
- Chesterman, Andrew. 1997. *Memes of Translation: the spread of ideas in translation theory*. John Benjamins Publishing Company.
- Chiappe, Dan L. & Kennedy, John M. 2000. "Are Metaphors Elliptical Similes?" *Journal of Psycholinguistic Research* 29, 4: 371-396.
- Chiappe, Dan L. & Kennedy, John M. 2001. "Literal Bases for Metaphor and Simile." *Metaphor and Symbol* 16, 3-4: 249-276.
- Chiappe, Dan L., Kennedy, John M. & Smykowski T. 2003. "Reversibility, Aptness, and the Conventionality of Metaphors and Similes." *Metaphor and Symbol* 18, 2: 85-105.
- Dobrovol'skij, Dmitrij & Piirainen, Elisabeth. 2022. *Figurative Language. Cross-Cultural and Cross-Linguistic Perspectives*. 2nd edition. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH.
- Dobrovol'skij, Dmitrij. 1999. "On the cross-linguistic equivalence of idioms." In: *Langue and Parole in Synchronic and Diachronic Perspective: Selected Proceedings of the XXXIst Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, St Andrews*. Pergamon. 203-219.
- Gentner, Dedre & Bowdle, Brian. 2008. "Metaphor as structure-mapping." In: Raymond W. Gibbs (ed.) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*, JR., Cambridge University Press, 109-129.
- Gentner, Dedre, & Brian, Bowdle, 2001. "Convention, form, and figurative language processing." *Metaphor and Symbol* 16 (3/4): 223–247.
- Glucksberg, Sam & Keysar, Boaz. 1990. "Understanding Metaphorical Comparisons: Beyond Similarity" *Psychological Review* 97, I: 3-18.
- Glucksberg, Sam. 2001. *Understanding Figurative Language: From Metaphor to Idioms*. Oxford University Press.
- Glucksberg, Sam. 2008. "How Metaphors Create Categories – Quickly." In: Raymond W. Gibbs (ed.) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*., Jr., University of California, Santa Cruz, 2008, 67-84.
- Heinonen, Tarja Riitta. 2010. "Kuin-vertaukset." *Virittäjä* 114 (3): 348-373.
- Heinonen, Tarja Riitta. 2013. *Idiomien leksikaalinen kuvaus kielenkäytön ja vaihtelun näkökulmasta*. Helsingin yliopisto, väitöskirja.
<https://helda.helsinki.fi/server/api/core/bitstreams/9edea318-c8e0-48a3-bf76-e08b5d2606f2/content> (дата обращения 26.08.2024).
- Idström, Anna. 2010. "Metaforan ja ajatuksen käsikirja." *Virittäjä* 3: 466-473.
- Ingo, Rune. 1990. *Lähtökielestä kohdekieleen: johdatusta käänntieteeseen*. WSOY. Juva.

- Kaarlenkaski, Taija & Saarinen, Kati. 2013. "Mansikki vai numerosarja? Lehmien nimeämisen merkitykset ja muutokset." *ELORE* 20, 1: 149-161.
- Kari, Erkki. 1993. *Naulan kantaan: nykysuomen idiomisanakirja*. Helsingissä: Otava.
- Kenny, Dorothy. 2009. "Equivalence." In: Mona Baker & Gabriela Saldanha (eds.) *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London: Routledge, 96-99.
- Kielitoimiston sanakirja. 2024. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus. URN:NBN:fi:kotus-201433. Verkkojulkaisu HTML. Päivitettävä julkaisu. Päivitetty 19.3.2024 (дата обращения 26.08.2024).
- Kivimies, Yrjö. 1964. *Näinkin voi sanoa: suomen kielen fraseologiaa*. Helsinki: Tammi.
- Koller, Werner. 1989. "Equivalence in Translation Theory." In: Andrew Chesterman (ed.) *Readings in Translation Theory*, Helsinki: Oy Finn Lectura Ab., 99-104.
- Korhonen, Jarmo. 2018. *Fraseologia. Kiinteiden sanayhtymien tutkimus*. Helsinki: Finn lectura.
- Kovecses, Zoltán. 2014. "Conceptual metaphor theory and the nature of difficulties in metaphor translation." In: Miller, Donna Rose & Enrico Monti (eds.) *Tradurre figure / Translating figurative language*. Bologna: Centro di Studi Linguistico-Culturali, 24-37.
- Kuusi, Anna-Leena. 1971. *Johdatusta suomen kielen fraseologiaan*. Helsinki: SKS.
- Kuusi, Matti. 1960. *Suomen kansan vertauksia*. Helsinki: SKS.
- Lakoff, George & Turner, Mark. 1989. *More Than Cool Reason: A Field Guide To Poetic Metaphor*. The University of Chicago.
- Leppihalme, Ritva. 2007. "Kääntäjän strategiat." In: H.K. Riikonen, Urpo Kovalu, Pekka Kujanmäki ja Outi Paloposki (toim.) *Suomennoskirjallisuuden historia*. 2. Jyväskylä, Gummerus kirjapaino.
- Maalej, Zouheir & Alghbaban, Mohammed. 2023. "Cultural Filtering of Metaphor Translating: A Cognitive Science Perspective." *AWEJ for Translation & Literary Studies* 7, 1: 70-100.
- Mikhailov, Mikhail. 2021. "God, the Devil, and Christ: A corpus study of Russian syntactic idioms and their English and Finnish translation correspondences." In: Aleksandar Trklja & Łukasz Grabowski (eds.) *Formulaic language: Theories and methods*. Berlin: Language Science Press, 191-223.
- Moder, Carol Lynn. 2008. "It's like making a soup: Metaphors and similes in spoken news discourse." In: Tyler, A., Kim, Y., & Takada, M. (eds.) *Language in the context of use: Discourse and cognitive approaches to language*. De Gruyter, Inc, 301-321.
- Muikku-Werner Pirkko, Jantunen Jarmo Harri & Kokko Ossi. 2008. *Suurella sydämellä ihan sikana: suomen kielen kuvaileva fraasisanakirja*. Helsinki: Gummerus.
- Newmark, Peter. 1981. *Approaches to translation*. Oxford: Pergamon Press.

- Newmark, Peter. 1988. *A Textbook of Translation*. New York: Prentice Hall.
- Nida, Eugene Albert & Taber, Charles Russell. 1982. *The theory and practice of translation*. Repr. Leiden: Brill.
- Nikanne, Urpo. 1992. ”Metaforien mukana.” In: Harvilahti, Lauri, Kalliokoski, Jyrki, Nikanne, Urpo & Onikki, Tiina (toim.) *Metafora. Ikkuna kieleen mieleen ja kulttuuriin*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 60-78.
- Ortony, Andrew. 1979a. ”The Role of Similarity in Similes and Metaphors.” In: Andrew Ortony (ed.) *Metaphor and Thought*. Cambridge University Press. Cambridge—London, 342-357.
- Ortony, Andrew. 1979b. ”Beyond Literal Similarity.” *Psychological Review* 86, 3: 161-179.
- Osuvasti sanottu: venäläiset sanonnat. 2002. Petroskoi: Karjala.
- Rodima, Aino & Vehmas-Lehto, Inkeri. 1999. *Ni puha ni pera! = Onnea ja menestystä!: venäläisiä fraseologismeja suomalaisille*. Helsinki: Finn lectura.
- Salminen, Olli. 2016. ”Zur metaphorisch-phraseologischen Kompetenz.” *Neuphilologische Mitteilungen* 16, 1: 11-48.
- Schäffner, Christina. 2004. ”Metaphor and translation: some implications of a cognitive approach.” *Journal of Pragmatics* 36: 1253–1269.
- Siikala, Anna-Leena. 1992. ”Myyttiset metaforat ja šamanistinen tieto” In: Harvilahti, Lauri, Kalliokoski, Jyrki, Nikanne, Urpo & Onikki, Tiina (toim.) *Metafora. Ikkuna kieleen mieleen ja kulttuuriin*. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Helsinki, 155-187.
- Snell-Hornby, Mary. 1988. *Translation Studies: An integrated approach*, John Benjamins Publishing Company, ProQuest Ebook Central.
- Steen, Gerard. 2011. ”The contemporary theory of metaphor — now new and improved!” *Review of Cognitive Linguistics* 9 (1): 26-64.
- Steen, Gerard. 2014. ”Translating metaphor: what’s the problem?” In: Miller, Donna Rose & Enrico Monti (eds.) *Tradurre figure / Translating figurative language*. Bologna: Centro di Studi Linguistico-Culturali, 11–24.
- Suomen etymologinen sanakirja: verkkojulkaisu. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus. Verkkojulkaisu HTML. <https://kaino.kotus.fi/suomenetymologinensanakirja>>. Jatkuvasti päivitettävä julkaisu (дата обращения 26.08.2024).
- Suomen murteiden sanakirja: verkkojulkaisu. Helsinki: Kotimaisten kielten keskus. Verkkojulkaisu HTML. <http://kaino.kotus.fi/sms>>. Jatkuvasti päivitettävä julkaisu (дата обращения 26.08.2024).
- Toury, Gideon. 1980. *In Search of a Theory of Translation*, Tel Aviv: Porter Institute.
- Toury, Gideon. 1995. *Descriptive Translation Studies – and beyond*. John Benjamins Publishing.

- Turner, Mark B. & Fauconnier, Gilles. 1995. "Conceptual Integration and Formal Expression" *Metaphor and Symbolic Activity* 10, 3: 183-203.
https://www.researchgate.net/publication/228300228_Conceptual_Integration_and_Formal_Expression (дата обращения 26.08.2024).
- Turner, Mark B. & Fauconnier, Gilles. 2003. "Metaphor, Metonymy, and Binding." In: Antonio Barcelona (ed.) *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*, De Gruyter Mouton, Inc. 133-149.
- Utsumi, Akira. 2007. "Interpretive Diversity Explains Metaphor–Simile Distinction." *Metaphor and symbol* 22(4): 291-312.
- Viljanen, Johanna. 2017. "Turjakkeesta turhakkeeseen. Kirjakielen -ke-johdosten semanttinen kehitys." Pro gradu -tutkielma, Turun yliopisto.

SUOMENKIELINEN LYHENNELMÄ

Vertaukset kaunokirjallisten teosten suomennoksissa ja venäjännöksissä: käännösongelmat ja -ratkaisut

Johdanto

Kaunokirjallisuus eroaa muista genreistä elämyksellisillä ja esteettisillä ominaisuuksilla ja kyvyllä herättää lukijassa monenlaisia tunteja ja ajatuksia. Kaunokirjallisuuden leimallisena ominaisuutena on kuitenkin kuvallisuus. Sitä saavutetaan käyttäen muun muassa erilaisia kielellisiä keinoja, kuten metaforisia ja idiomaattisia ilmauksia. Tarkastelen tutkielmassani kuvallisia vertauksia ja käännösmenetelmiä, joita käytetään niiden välittämiseen kohdetekstiin kieliparissa suomi – venäjä. Tutkimukseni on vertaileva ja kvalitatiivinen.

Tämän tutkimuksen tarkoituksena on käsitellä yleisimpiä käännöstrategioita, joita käytetään kaunokirjallisissa teksteissä vertausten ja vertausfraseemien välittämiseen, ja selvittää, millaisia vaikeuksia tässä yhteydessä esiintyy. Fraseemi -termiä (Korhonen 2018, 14) käytän tässä tutkimuksessa fraseologismien rinnakkaisterminä.

Tutkimuksen tehtävinä on:

1. käsitellä vertausten rakenteellisia ja semanttisia ominaispiirteitä venäjässä ja suomessa,
2. tutkia keskeisiä vertausten ja fraseemien välittämiseen käytettäviä käännösmenetelmiä, sekä
3. tunnistaa ja analysoida aineistossa esiintyviä vertausten käännöstrategioita.

Alustava väitteeni on, että suurin osa suomennoksissa esiintyvistä vertausten käännöksistä osoittaa yleisintä käännöstrategiaa eli lähdetekstin vertaus käännetään samaan kuvaan pohjautuvalla vertauksella säilyttäen mahdollisuudesta vertausilmaisun rakenteen. Odotan samalla, että toiseksi eniten käytetty käännösmenetelmä venäjännöksissä on muuttamisen ja korvaamisen strategia.

Tutkimusaineistona tutkielmassa on käytetty kahta kaunokirjallisten tekstien rinnakkaiskorpusta, jotka koostuvat klassikko- ja nykykirjallisuuden alkuperäisteoksista ja niiden käännöksistä. Mikhail Mihailovin kokoama ParRus-korpus sisältää venäjänkielistä kaunokirjallisuutta vuosilta 1830-2008 ja samojen tekstien suomennoksia, taas Juho Härmeen

koostama ParFin-korpus sisältää suomenkielistä kaunokirjallisuutta vuosilta 1870-2018 ja teosten venäjänkieliset käännökset.

Tutkimus koostuu johdannosta, viidestä pääluvusta ja päätelmästä. Luvussa 2 (Vertausten rakenne ja tyypit venäjän ja suomen kielessä) käsittelem vertauksen rakenteen erityispiirteitä venäjässä ja suomessa. Erityistä huomiota on kiinnitetty vertauksen suhteeseen metaforaan. Luvussa 3 (Metaforisten ja idiomaattisten ilmausten käännösstrategiat) käsittelem tutkimuskirjallisuudessa esitettyjä globaalisia ja paikallisia vertausten käännös menetelmiä metaforateorian kautta. Luvussa 4 (Aineisto ja tutkimusmenetelmä) esittelen aineistoni ja tutkimusmenetelmää. Luvut 5 (Vertausten käännösstrategiat ParFin-korpuksen venäjännöksissä) ja 6 (Vertausten käännösstrategiat ParRus-korpuksen suomennöksissä) kuuluvat tutkielman empiiriseen osioon, jossa analysoin aineistoesimerkkejä. Viimeisessä 7 luvussa pohdin tutkimuksen tuloksia ja esittelen niitä kuvioiden avulla.

Teoreettinen osio

Tutkielman ensimmäisessä teorialuvussa käsittelem vertauksia venäjässä ja suomessa rakenteelliselta ja semanttiselta kannalta sekä vertauksen suhdetta metaforaan.

Kielitoimiston sanakirjan mukaan vertaus on vertailuun perustuva kielikuva, joka sisältää jonkun kytkevän elementin, tavallisesti *kuin*-sanana (KS, s.v. vertaus). Perinteinen (*kuin-rakenne* suomessa ja *kak*-konjunktion sisältävä vastaava rakenne venäjässä) vertausrakenne on molemmilla kielillä sama. Rakenteeseen kuuluu neljä pääelementtiä: verrattava, predikaatti, vertauskuva, sekä vertauskuvan merkitsin (*kuin*-konjunktio tai partikkeli). Verrattava elementti viittaa johonkin laatuun tai tapahtumaan, jota vertauskuva luonnehtii (Heinonen 2010, 350).

Taulukko 1. *Kuin*-vertausten loogis-syntaktinen rakenne ⁵

verrattava		predikaatti	vertauskuvan merkitsin	vertauskuva
poika	on	pieni	kuin	kirppu
kämpä	oli		kuin	sikolätti
isä		karjuu	kuin	leijona
heitä		voi lukea	kuin	avointa kirjaa

⁵ *Kuin*-vertausten loogis-syntaktinen rakenne T. R. Heinosen artikkelista *Kuin*-vertaukset (Heinonen 2010, 350).

Perusrakenne ei aina esiinny kokonaisuudessaan: näin rakenteesta voi puuttua predikaatti tai verrattava (tämä on yleinen käytäntö sanakirjoissa) taikka vertauskuvan merkitsin voi olla fakultatiivinen (Korhonen 2018, 56-57).

Kuin-vertaukselle on tyypillistä intensifioiva tehtävä ja yleisesti se ilmaisee ominaisuuden suurta määrää (kaunis kuin kukka = 'hyvin kaunis') tai toiminnan intensiteettiä (matelee kuin etana = 'matelee hyvin hitaasti') (Heinonen 2010, 352; Korhonen 2018, 58-60). Toisaalta intensifioiva tulkinta ei pääse muodostumaan, jos rakenteessa ei ole ominaisuutta tai toimintaa kuvaavaa sanaa (esim. *olemme kuin yhtä perhettä*) tai kun rakenne sisältää kielenkäyttäjälle avautumattoman vertauskuvan (Heinonen 2010, 353).

Molemmissa kielissä on muitakin keinoja vertauksen ilmaisuun. Venäjässä vertausta voidaan ilmaista sijamuodolla (datiivilla ja genetiivillä), adverbia sisältävällä rakenteella tai partikkeleilla. Suomessakin on paljon kielellisiä keinoja, joiden avulla voidaan välittää vertauksen semantiikkaa: adverbeilla (*tavoin* ja *lailla*), verbeillä (*muistuttaa*, *näyttää*, *tuntuu* ym.), kaltaisuuden adjektiiveilla, jotka muodostetaan substantiiveista *mainen/ -mäinen*-johdin avulla (*lammasmainen*) tai yhdysadjektiiveilla (*jääkylmä*).

Ainutkertaisten vertausesiintymien ohella molemmissa kielissä esiintyy myös vakiintuneita vertauksia, jotka ovat kiteytyneet kiinteämuotoisiksi (fraseemeja). Yksi fraseemien olennaisista piirteistä on idiomaattisuus, joka ei ole kuitenkaan yhtenäinen ilmiö. Se riippuu semanttisen ristiriidasta sananmukaisen ja fraseologisen merkityksen välillä: kuinka syvempi tämä ristiriita on, sitä idiomaattisemmasta ilmauksesta on kyse (Korhonen 2018, 45).

Korhonen erottaa idiomaattisuuden kolme astetta: täys-, osa- ja ei-idiomaattisuus (Korhonen 2018, 45). Täysidiomaattisia ovat semanttisesti jakamattomat kokonaisuudet (*pitää teerenpeliä jonkun kanssa*), osaidiomaattisia ovat taas fraseemit, joissa ilmauksen osa säilyttänyt sananmukaisen merkityksensä (*tavoitella kuuta taivaalta*) ja ei-idiomaattisissa fraseemeissa kokonaismerkitys voidaan ymmärtää osien merkityksen pohjalta (*siristellä silmiään*). Vertausfraseemit näin voivat olla joko ei-idiomaattisia, joissa vertauskuva on läpinäkyvä (*olla ahkera kuin muurahainen*) tai osittain idiomaattisia, joissa vertauskuva ei ole läpinäkyvä (*olla tyhmä kuin saapas*) (Korhonen 2018, 45-46, 58.) Heinonen väittää, että vertausten idiomaattisuus rakentuu osittain eri tavalla kuin muissa idiomeissa, koska *kuin*-vertausrakenteen oma tulkinta on idiomaattinen (Heinonen 2013, 55).

Erityistä huomiota ensimmäisessä teorialuvussa on kiinnitetty vertauksen suhteeseen metaforaan. Esittelen tutkielman vastaavassa kohdassa tutkimuskirjallisuudessa olemassa eri

lähtökohdista eritteleviä katsauksia (mm. Lakoff & Turner 1989, Glucksberg & Keysar 1993, Gentner & Bowdle 2001, Turner and Fauconnier 1995).

Klassisen eli Aristoteleen metaforakäsitykseen pohjautuvan teorian mukaan metafora on kuva, jota yhdistää kuvattavaan jokin silmiinpistävä yhtäläisyys ja tällöin metafora lähenee vertausta, jossa molemmat elementit ovat esillä (Siikala 1992, 158). Aristoteleen mukaan vertauksen ja metaforan välinen ero on pieni ja vertauksia käytetään samoin kuin metaforia (Aristotle 1959, 1406b 20). Metaforaa pidettiin näin lyhennettynä (implisiittisenä) vertauksena ja kielellisenä koristeena (esim. Black 1993).

1980-luvulla metaforatutkimuksessa tapahtui murros ja käsitys metaforasta on muuttunut Lakoffin, Johnsonin ja Turnerin kognitiivisen teorian myötä (Lakoff & Johnson 1980, Lakoff & Turner 1989). Metaforaa alettiin tulkita ajattelumallina tai ajattelun tapana eikä pelkkänä tyylittelykeinona. Käsittemetaforateorian mukaan teorian mukaan metaforat ovat ihmisen ainoa keino ymmärtää abstrakteja käsitteitä (Nikanne 1992, 64). Samalla metafora ymmärrettiin laajemmin kuin perinteisessä lähestymistavassa, joka pitää metaforaa vain kielellisenä ilmauksena. Lakoff ja Turner osoittivat, että yritys määritellä metafora syntaktisen muodon perusteella jättää täysin huomiotta metaforan ytimen: yhden käsitteen ymmärtäminen toisen käsitteen avulla (Lakoff & Turner 1989, 133). Metaforan syntaktinen muoto, jota kutsutaan vertaukseksi (*simile*) esittää saman, mutta heikomman väitteen: vertauksessa ”atomi on kuin pieni aurinkokunta” on käytetty samaa käsitteellistä metaforaa kuin metaforassa ”atomi on pieni aurinkokunta”. Molemmissa tapauksissa yksi käsite (atomi) ymmärretään toisen käsitteen (aurinkokunnan) avulla (Lakoff & Turner 1989, 133.)

Nykyisen kognitiivisen teorian puitteissa on esitetty erilaisia näkemyksiä vertauksen ja metaforan suhteeseen. Glucksberg ja Keysar (Glucksberg & Keysar 1993) käsittelevät metaforaa kategorian muodostajana (*class-inclusion assertion*) ja kääntävät perinteisen näkemyksen metaforaan (metafora on implisiittinen vertaus) päinvastaiseksi kuvaten vertauksen implisiittiseksi kategorisoinniksi (Moder 2008, 302).

Bowdle ja Gentner (Gentner & Bowdle 2001, 2008) ”metaforan ura” -teoriassaan (*the career of metaphor*) myös pidetään metaforaa kategoriaväitteenä, mutta teorian keskeisenä kohteena on metaforan ja vertauksen ero (Idström 2010, 469). Gentner ja Bowdle puhuvat siitä, että kuvaannollinen ilmaus on aluksi tyypillisesti vertaus, jonka jälkeen vakiintumisen myötä se muuttuu metaforaksi. Vertausmuoto edellyttää vertaamista, kun taas metaforamuoto tarjoaa sisällyttämistä kategoriaan, joka muodostuu konvention seurauksena. Tutkijat viittaavat

empiirisiin kokeisiin, joissa on osoitettu, että uudet metaforat käsitellään vertausten tavalla eli metaforan referentin (*target*) ja kuvan (*base*) ominaisuuksia keskenään vertaamalla, mutta konventionaaliset metaforat käsitellään luokittelemalla referentin jäseniksi kuvan edustamaan kategoriaan (Idström 2010, 469.)

Fauconnier ja Turner (Turner and Fauconnier 1995, 2003) eivät käsittele sulaumarakenne- eli blending-teoriassaan vertauksia erillisenä kategoriana, mutta he kiinnittävät huomiota siihen, että blending voi esiintyä erilaisina muotoina. Tutkijat viittaavat siihen, että tietyt sanat ja muodot (esimerkiksi *kuin*-sana – minun kommentti – A.R.) voivat tiedottaa lukijaa sulaumaprosessista ja helpottaa sitä (Moder 2008, 304).

Toisessa teorialuvussa käsittelen metaforisten ilmausten ja fraseemien kääntämismenetelmiä. Luvun alussa esittelen globaalisia käännösstrategioita kuten tekijä- tai lähdetekstikeskeinen käännös (semanttinen käännös eli muodon strategia), sekä kohdekulttuuri- ja vastaanottajakeskeinen käännös (kommunikatiivinen käännös, merkityksen strategia) (Newmark 1982; 1988; Dobrovolskij 2015).

Käännösstrategioita käsittelen perinteisen ja kognitiivisen metaforateorioiden kannalta. Mielestäni valitsemani lähestymistapa soveltuu muidenkin metaforisten ilmausten (kuten vertausten) kääntämiseen. Esittelen ensin Newmarkin (Newmark 1981) klassista metaforan käännösmenetelmien luokitusta, sitten kuvailen R. Van den Broeckin (Broeck van den 1981) ja Touryn (Toury 1995) metaforan käännösstrategioita sekä M. Snell-Hornbyn (Snell-Hornby 1988) näkemystä metaforan käännettävyyden ongelmaan. Kognitiivista näkökulmaa metaforisten ilmausten kääntämiseen edustavat Mandelblit (Mandelblit, 1995), Al-Hasnawi (Al-Hasnawi 2007), Schäffner (Schäffner 2004) ja Kövecses (Kövecses 2014).

Idiomaattisten ilmausten käännösstrategioiden esittelyn aloitan idiomien kääntämisen haasteiden käsittelystä. Mainitut haasteet liittyvät ensisijaisesti idiomien tunnistamiseen ja niiden merkitysten ymmärtämiseen (Ingo 1990; Korhonen 2018). Korhosen mainitsee myös muitakin idiomien kääntämisen seikkoja, jotka voivat johtaa kääntäjän harhaan:

- idiomikomponentit voivat esiintyä irrallaan idiominkokonaisrakenteesta edustaen kuitenkin sen perusmerkitystä,
- kirjailija voi yhdistää eri idiomien komponentteja ja leikkiä niiden muodolla ja merkityksellä,
- idiomeja voidaan modifioida eri tavoin ja niiden fraseologinen ja sananmukainen merkitys voidaan kytkeä toisiinsa (Korhonen 2018, 270-271).

Seuraavaksi esittelen idiomien käännösstrategioita, joita on olemassa useita ja eri tutkijat nimittävät ne eri tavoin. Esimerkiksi Ingon luokittelu sisältää seuraavaa neljää käännösratkaisua: 1) idiomi käännetään kohdekielen idiomilla; 2) idiomi käännetään sananmukaisesti; 3) idiomi käännetään selittävällä normaali-ilmauksella ja 4) normaali-ilmaus käännetään idiomilla (Ingo 1990, 246-247). Omassa tutkimuksessa pohjaan Dobrovol'skijn (Добровольский 2011) idiomien käännösstrategioiden luokitteluun, joka perustuu kieltenvälisen ekvivalenssin tyyppeihin (*cross-linguistic equivalents*):

- täydelliset vastineet (leksikaaliselta rakenteeltaan, tyyliltään sekä kuvaannolliselta merkitykseltään (melkein) samanlaiset fraseemit),
- osittaiset vastineet (semanttisesti samanlaiset fraseemit, joiden väliset erot esiintyvät leksikaalisissa, syntaktisessa rakenteessa ja välillä konnotaatiossa),
- analogit eli suhteelliset vastineet (merkityksiltään samanlaiset fraseemit, jotka pohjautuvat eri kielikuviin)
- ilmaisut, joilla ei ole semanttista fraseemivastinetta kohdekielessä (mahdollisina käännösstrategioina ovat käännös normaali-ilmauksella, yksittäisellä lekseemillä tai käännöslainan avulla).

Yllä mainittujen käännösstrategioiden yhteydessä käsittelen fraseemien kääntämiseen liittyviä ongelmia, jotka Dobrovol'skij ja Piirainen (Dobrovol'skij & Piirainen 2022) nostavat esille työssään: fraseologiset petolliset ystävät (*idiomatic "false friends"*, leksikaalisesti identtisiä, mutta merkityksiltään täysin erilaisia fraseemeja), kieltenväliset kvasisyronyymit (*cross-linguistic near-synonyms*, lähde- ja kohdekielen fraseemien merkitykset eroavat toisistaan vain vähän, ja nämä erot koskevat yleensä niiden semantiikan perifeerisiä elementtejä) ja asymmetrinen polysemia (*asymmetrical polysemy*, viittaa tapauksiin, joissa lähdekielen fraseemilla on useampi kuin yksi merkitys, mutta vastaavalla kohdekielen fraseemilla on vain yksi merkitys) (Dobrovol'skij & Piirainen 2022, 89-93).

Tutkimusaineiston analyysi ja tulokset

Tutkimuksessani tutkin kaunokirjallisissa teoksissa esiintyvien vertausten ja vertausfraseemien kääntämistä käännöstieteellisestä näkökulmasta. Ensisijainen tarkoitukseni oli käsitellä kääntäjien käyttämiä käännösstrategioita ja tutkia sitä, miten kyseiset kielikuvat ja idiomit on käännetty. Kiinnittänyt huomioni myös käännösratkaisujen oikeellisuuteen. Tutkimukseeni osallistui suomea äidinkielenään puhuva informantti, joka kommentoi aineistostani poimittuja vertausten suomennoksia ja arvioi niitä selkeyden kannalta.

Jotta aineisto ei olisi kasvanut liian suureksi, korpuksista valittujen vertausesimerkkien määrä oli rajoitettu vertausrakenteisiin esiintyvien konjunktioiden ja lekseemien osalta: venäjässä tarkastelin *kak*, *totšno* ja *budto* -konjunktioita sisältäviä vertausrakenteita, suomessa taas tarkastelin *kuin*-konjunktion, *tavoin* ja *lailla* -adverbien sekä *kaltainen* – adjektiivin sisältäviä vertauksia.

Aloitin tutkimukseni ottamalla jokaisesta korpuksista hakutoiminnon avulla noin 6000 valittuja konjunktioita ja lekseemejä sisältävää kontekstia. Seuraavaksi olen kerännyt otetuista konteksteista vastaavia vertausrakenteita. ParFin-korpuksesta oli poimittu yhteensä 1210 vertausta konteksteineen, joista suurin osa – 1136 kontekstiesimerkkiä – edustaa *kuin*-rakenteen sisältäviä vertauksia ja vertausfraseemeja. ParRus-korpuksesta oli poimittu yhteensä 1400 vertausta konteksteineen, joista 1293 esimerkkiä edustaa *kak*-konjunktion sisältäviä vertauksia ja vertausfraseemeja.

Keräsin poimitut vertaukset ja niiden käännökset Excel-tiedostoon taulukkomuotoon ja luokittelin vertaukset sen mukaan, mitä käännösstrategiaa niiden venäjäntämisessä tai suomentamisessa on käytetty.

Vertausten luokitelllessani olen käyttänyt A. Chestermanin (Chesterman 1997) kehittämää paikallisten semanttisten käännösstrategioiden luokitusta ja erityisesti sen osiota, joka koskee trooppien eli kielikuvien kääntämistä.

Taulukko 2. A. Chestermanin kielikuvien käännöskeinojen luokitus⁶ (ST tarkoittaa lähdetekstiä, TT tarkoittaa kohdetekstiä)

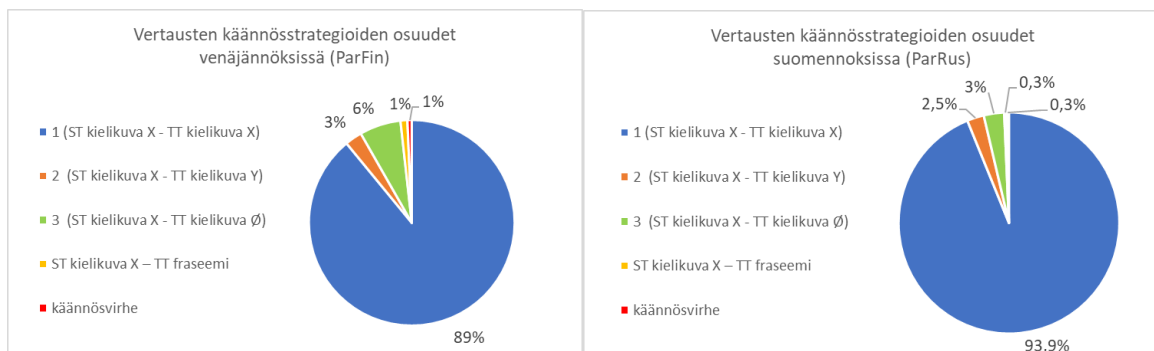
Käännösstrategia	Strategian kuvaus
1. ST kielikuva X → TT kielikuva X	Lähdetekstin kielikuva säilyy kohdetekstissä
2. ST kielikuva X → TT kielikuva Y	Lähdekielen kielikuva korvataan kohdekielen vastaavalla kielikuvalla, joka ei ole sisällöltään sen suora vastine, tai käyttäen muuta kielikuvaa.
3. ST kielikuva X → TT kielikuva ∅	Lähdetekstin kielikuva käännetään normaali-ilmauksella tai jätetään pois.
4. ST kielikuva ∅ → TT kielikuva X	Lähdeteksti ei sisällä kielikuvaa, mutta sitä lisätään kohdetekstiin.

⁶ Chesterman 1997, 105-107.

Käyttämäni Chestermanin luokitukseen olen lisännyt aineistoni alustavan analyysin perusteella esiin otetun käänösstrategian eli lähdetekstin vertauksen kääntäminen fraseemilla.

Vertausfraseemien luokitellessa olen käyttänyt yllä mainittua Dobrovol'skiin (Добровольский 2011) kieltenvälisen ekvivalenssin tyypeihin perustuvaa idiomien käänösstrategioiden luokittelua. Vertauskäännösten analyysin tulokset on esitetty kuvassa 1.

Tutkimukseni tulokset osoittavat, että sekä venäjännöksissä, että suomennoksissa lähdetekstin kuvaannollisen vertauksen säilyttäminen kohdetekstissä oli yleisin käänösstrategia: 1057 tapauksessa (89 %) ja 1098 tapauksessa (93,9 %) vastaavasti. Tutkimukseni hypoteesi alussa oli, että enemmistö lähdetekstin vertauksista on säilytetty suomennoksissa, näin johtava hypoteesini toteutui. Toinen hypoteesini eli se, että toiseksi eniten käytetty käänösstrategia venäjännöksissä on muuttamisen tai korvaamisen strategiaa, toteutui vain osittain. Venäjännöksissä oli toki havaittavissa taipumus vertausten kääntämiseen metaforalla tai selittävällä normaali-ilmauksella, mutta esimerkkien määrältä näitä menetelmiä olivat vertauksen säilyttämisen strategiaa huomattavasti vähäisempiä.

Kuva 1. Vertausten käänösstrategioiden osuudet venäjännöksissä (vasemmalla) ja suomennoksissa (oikealla).

Lähdetekstin vertauksen korvaaminen toisella kielikuvalla (yleisimmin metaforalla) tapahtui vain 32 tapauksessa (3 %) venäjännöksissä ja 29 tapauksessa (2,5 %) suomennoksissa.

Teorialuvassa olen esitellyt tutkijoiden erilaisia näkemyksiä metaforan ja vertauksen yhtäläisyydestä ja eroavuudesta, mutta samalla empirisen materiaalin analyysin tulokset osoittavat, että käytännössä nämä kaksi kielikuvaa toimivat konkreettisissa konteksteissa sulavasti yhteen.

Lähdekielen vertauksen poisto tai sen kääntäminen selittävällä normaali-ilmauksella oli käytetty 77 tapauksessa (6 %) venäjännöksissä ja 35 tapauksessa (3 %) suomennoksissa.

Fraseemien avulla käännettyjen vertausten osuus molemmille kielille oli melko pieni (1 % ja 0,3 %). Tämä voisi johtua siitä, että tälle strategialle on tyypillistä lähdekielen ilmauksen semantiikan ja tyylin muuttaminen, vaikka sen ekspressiivisuus alkuperäisen verrattuna edes vahvistuu.

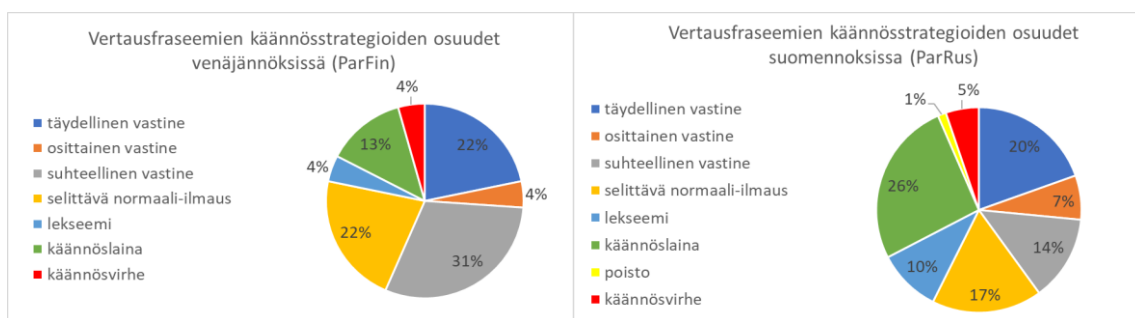
Molemmissa kielissä esiintyy tapauksia, joissa lähdetekstin vertaus oli käännetty merkitykseltään eroavalla ilmauksella eli kyseessä oli käännösvirhe: 8 tapausta (1 %) venäjännöksissä ja 4 tapausta (0,3 %) suomennöksissä. Syy näihin käännösvirheisiin on ensisijaisesti lähdetekstin kielikuvan merkityksen ymmärtäminen vääräksi.

Seuraavaksi esittelen idiomien käännösratkaisujen analyysin tuloksia.

Ensinnäkin on otettava huomioon se, että lähdeteksteistä kerättyjen vertausfraseemien määrä eroaa kielittäin huomattavasti. ParFin-korpuksesta poimituista konteksteista on kerätty 23 vertausfraseemia, kun taas ParRus-korpuksen konteksteista on kerätty jopa 230 vertausfraseemia. Kyseinen seikka on otettava huomioon arvioitaessa aineiston edustavuutta.

Toinen tärkeä huomautus on, että käännösratkaisuihin vaikuttavat monet tekijät: paitsi kääntäjän kielitaitoa ja vieraan kielen idiomien tuntemusta merkittävä rooli on kontekstilla. Tähän liittyen voidaan puhua funktionaalisesta ekvivalenssista, joka eroaa sekä systemaattisesta että käännösekvivalenssista ja riippuu paljon konkreettisesta tilanteesta (näin lähdekielen idiomien käännösvastine ei välttämättä ole kohdekielen idiomiksi, vaan se voi olla myös sana tai normaali-ilmaus) (Добровольский 2011, 227, 239-243).

Idiomien käännösratkaisujen analyysin tulokset on esitetty kuvassa 2.

Kuva 2. Aineistostani löytyneiden vastinetyyppien osuudet venäjännöksissä (vasemmalla) ja suomennöksissä (oikealla)

Kuten kuvasta 2 käy ilmi, venäjännöksissä lähdetekstin fraseemi on useimmissa tapauksissa pyritty kääntämään analogilla eli suhteellisella fraseologisella vastineella, kun taas suomennoksissa yleisin käänösstrategia oli käännöslaina.

Molemmissa käänössuunnissa tuotetuista käänöksistä on löydetty melkein samaa määrää tapauksia (22 % ja 20 %), joissa lähdetekstin idiomi oli käännetty täydellisellä fraseologisella vastineella. Näin lähde- ja kohdetekstin idiomit vastasivat toisiaan sekä semanttisesti että myös suurimmaksi osaksi leksikaalisten komponenttien osalta.

Kolmanneksi käytetyin käänös menetelmä molemmissa kielissä (22% ja 17 %) oli idiomien kääntäminen selittäväällä normaali-ilmauksella. Syynä tähän voisi olla se, että kyseinen ratkaisu antaa kääntäjälle mahdollisuuden välittää lähdetekstin idiomien merkitys, jos hän ei pysty löytämään kohdekielistä sopivaa vastinetta. Ingon mukaan (Ingo 1992, 247) strategian etuna on myös ilmaisun moitteeton kielellinen asu kohdetekstissä. Toisaalta tämän käänös menetelmän merkittävä heikkous on ekspressiivisyyden menettäminen, mikä on otettava huomioon kaunokirjallisen teoksen kääntäessä.

Käänös virheiden osuus suomennoksissa oli melko suuri: 12 tapausta eli 5 %, kun venäjännöksissä esiintyy 1 tapaus eli 4 %. On myös huomioitava, että joissakin tapauksissa luokittelu käänös menetelmän mukaan oli vaikeaa syystä, että jotkin suomennokset olisivat sopineet useampaankin kategoriaan. Esimerkiksi ainakin 22 tapauksessa suomennoksissa lähdetekstin idiomien välittämiseen oli käytetty käännöslainaa, minkä seurauksena kohdekielelle syntyi vieras ja merkitykseltään ”läpinäkymätön” ja väärään tulkintaan johtava ilmaus. Tällaiset tapaukset voisi luokitella käänös virheiksi ja näin virhemäärän osuus nousisi 14 prosenttiin.

Aineistoni analyysitulokset osoittavat, että vertausten välittäminen lähdekielestä kohdekieleen ei ole aiheuttanut molemmissa käänössuunnissa huomattavia käänös ongelmia. Sen sijaan idiomien käänös ratkaisujen analyysin tulokset todistavat, että idiomaattisten ilmausten kääntäminen näyttää odotetusti olevan haastavaa. Haasteet ilmestyvät käänös prosessin eri vaiheissa ja liittyvät ensisijaisesti idiomien tunnistamiseen lähdetekstissä ja niiden kuvaannollisen merkitysten ymmärtämiseen. On huomioitava, että idiomien (samoin kuin kielikuvien) kääntäminen on konteksti- ja kohde kulttuurisidonnaista ja käänös ratkaisut riippuvat myös konkreettisen tekstin kommunikatiivisesta tehtävästä.

Lopuksi haluaisin välittää suuret kiitokset **Janne Saarelalle** arvokkaasta panoksestaan tämän tutkimuksen edistämiseksi.